

ЕКАТЕРИНА
БАРСОВА

ВЕЛИКИЕ
ТАЙНЫ
ПРОШЛОГО

НОЧЬ НА ПЕРЕВАЛЕ
• **ДЯТЛОВА** •

Annotation

Перевал Дятлова... Таинственная смерть девяти опытных альпинистов на горе Мертвецов в ночь с 1 на 2 февраля 1959 года считается одной из самых странных и необъяснимых загадок XX века. Ночью что-то очень сильно испугало туристов, они принялись резать палатку, выбежали на мороз и застыли в удивительных позах – одна девушка была в молящейся позе, еще двое юношей застыли обнявшись, прижавшись друг к другу грудью... Удивительным и необъяснимым также кажется тот факт, что все они были либо совсем босы, либо в одной ботинке... Было несколько десятков версий того, что произошло на горе, – ракета с Плесецкого космодрома, сбежавшие из лагеря уголовники, испытание секретного оружия, крушение самолета, медведь-шатун, инопланетяне, снежный человек, проклятие богов манси и многие-многие другие, но ни одна из них не дала ответа на имеющиеся вопросы.

В наше время история начинает повторяться...

- [Екатерина Морозова](#)
    -
    -
    - [Пролог](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Глава десятая](#)
    - [Эпилог](#)
-

Екатерина Морозова
Обращенные в камень. Разгадка
перевала Дятлова

© Морозова Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Книга является вымыслом, но в ней есть
элементы правдивой истории...*

Пролог

Благородный муж с достоинством ожидает велений неба. Низкий человек суетливо поджидает удачу.

Конфуций

Звонок вырвал его из тяжелого мутного сна. Он с трудом разлепил глаза и посмотрел в окно: плотный молочно-белый рассвет плескался за окном. Он повернул голову вправо, телефон заливался на тумбочке. Он зевнул и взял трубку, но когда посмотрел на экран дисплея, сон мигом слетел с него.

– Да? – Он откашлялся. Голос прозвучал хрипло.

– Рысь, – тихо сказали на том конце. – Все затевается снова.

– Что именно? – переспросил он, хотя уже знал ответ. Знал тем самым беспощадным внутренним чутьем, которое просыпалось в нем в минуты опасности.

– Та самая история. Начинается по новой.

Наступило молчание. Он смотрел в окно. Рассвет был белесым, как небо, выцветшее от зноя. Хотя был не жаркий летний месяц, а декабрь. Промозглый лондонский декабрь.

– Что ты хочешь от меня?

– Ты должен быть там.

– Почему?

– Ты знаешь.

Он прикрыл глаза. В памяти возникло четкое видение. Группа людей, идущих по снегу на лыжах. Они идут один за другим...

– Ты думаешь, что...

– Ради бога! Прекрати жевать сопли. Ты должен довести это дело до конца.

Он хотел сказать, что ничего и никому не должен. Но хорошо знал, что это не так, что есть долги, которые не имеют срока давности. И отказ платить по ним чреват не просто большой неприятностью, а самой настоящей катастрофой.

– Я понял. Я там буду.

– Советую поторопиться. Все инструкции получишь уже на месте. Будем на связи.

Разговор прервался. Он с раздражением бросил телефон на кровать и резким движением поднялся на ноги.

За окном был виден собор Святого Павла. Круглый купол, гладкий, как половинка яйца.

Он смотрел на Лондон и не видел его. В памяти всплыла все та же группа людей. Теперь они уже были внутри палатки. Ночь. Сон. Снег. Холод. Он тряхнул головой, и тут же в ушах раздались страшные крики, и, стиснув голову руками, мужчина застонал. Шум, крики, адский грохот и тишина... И все внезапно закончилось и погрузилось в кромешный мрак.

Глава первая

Бегущая в ночи

Человек, переживший трагедию, сам должен захотеть жить дальше. Первый шаг, искра желания должна исходить из него. И когда это происходит, начинаются неожиданности.

Николас Спаркс. «Тихая гавань»

Александра услышала детский плач и открыла глаза. Тоненький детский плач раздавался совсем рядом. Она попыталась усилием воли снова заснуть, но никак не получалось. Она поднялась с кровати и прошла на кухню.

В раковине лежали немытые тарелки. Александра включила холодную воду, но тут же машинально выключила ее. Болела голова, до нее было страшно дотронуться. Детский плач становился все громче. Мелькнула мысль, что сейчас соседи выйдут и что-нибудь сделают с ребенком: отшлепают или спустят с лестницы. Надо было что-то делать. Она направилась в коридор и, чуть помедлив, распахнула дверь. Девочка сидела на лестничной площадке на ступеньках лестницы, уткнувшись лицом в колени, и плакала. При звуке шагов Александры она даже не подняла головы.

– Ну вот что! – Александра пыталась разговаривать мягко и терпеливо. – Плакать не надо. Пойдем со мной. Может быть, ты хочешь есть? У меня остался кусок яблочного пирога. Есть теплое молоко. Или ты хочешь чай?

Девочка не отвечала.

– Но ты же не можешь сидеть вот так? Здесь холодно. У нас на лестничной площадке разбито окно. Пойдем...

Она присела около девочки и отвела ей рукой волосы с лица.

И здесь Александра проснулась. И ощутила бешеный стук сердца и горечь во рту. Она попыталась приподнять голову с подушки, но от слабости ее чуть не стошнило. Сон был таким живым, таким

ярким, она еще была там, рядом с этой девочкой на лестничной площадке, и слышала ее плач, разрывавший сердце.

Когда Александре было двенадцать лет, погибли ее родители. Не вернулись из леса с лыжной прогулки. Они отдыхали у дальних родственников в небольшом уральском городке. Каждый день уходили в лес и катались там дотемна, они были заядлыми лыжниками. Александру они оставили у соседки – Лидии Григорьевны, старушки, жившей отдельно от дочери и внуков. Единственные друзья – семейная пара Шамсановых – были в отъезде. У них умерла девяностолетняя бабушка в Казани, и нужно было ехать туда на похороны. Другие соседи были неблагополучными людьми, частенько выпивали и ссорились друг с другом. А этого зимнего отпуска родители ждали так долго... Поэтому было решено – ехать. Они упростили Лидию Григорьевну посидеть с Александрой, оставили ей денег и набили холодильник продуктами. Уезжали они на неделю, и как Александра их ни упрашивала – с собой не взяли. «Ну, па-а-п, – канючила она, – я же хорошо хожу на лыжах. Я вам не помешаю, я не хочу оставаться здесь одна». Голос срывался и готов был перейти в плач, когда отец наклонился к ней, брал за подбородок и смотрел в глаза.

– Сань, на лыжах ты ходишь просто отлично. Я горжусь тобой. Но взять тебя мы не можем. Никак. И не просись. Мы с мамой будем и так переживать за тебя – как ты. Но ты уже взрослая и справишься без нас эту неделю. Слушайся Лидию Григорьевну, а мы скоро вернемся.

Александра кивала головой, слезы высыхали, так и не успев появиться, но обида внутри жила. И ничего было нельзя с ней поделаться.

Александра прекрасно помнила, как она впервые встала на лыжи. Ей было четыре года, они пришли в лес, там отец надел на Александру лыжи, проверил крепления ботинок и встал рядом с ней.

– Сейчас я буду тебя учить, как ходить на лыжах. Но сначала хотел бы сказать несколько слов. Лыжи – это не просто вид спорта, это борьба и покорение стихии. Снега, ветра, самого себя. Ты сливаешься с пространством и становишься его частью...

– Ген, – тихо сказала мать. – Девочка все-таки еще очень мала, нужно ли ей твое объяснение?

– Вера, это не просто нужно, это крайне необходимо. Все, что я скажу ей сейчас, запишется на подкорке мозга; даже если она чего-то и не поймет, позже мои слова всплывут в памяти, и она все осознает по-новому, по-другому.

Александра стояла и чувствовала, как невиданное ранее блаженство проникает в нее. Ослепительно белый снег, такой искристый, холодный и вместе с тем чистый, радостный. И небо, словно умытое снегом, его чистотой и свежестью.

– Лыжи, в отличие от катания на коньках или прыжков, бега с препятствиями и так далее, не скованы никакими границами. Ты паришь свободно, как птица. Только птица летает в небе, а ты – по земле. Запомни, Сань, ты летаешь по земле, и у тебя за спиной вырастают крылья. – И отец раскинул руки, как бы обнимая Саньку, маму, этот день, колко-пушистые елочки вдалеке, солнце, подернутое белесоватой дымкой. – Вот так вот, – и он слегка щелкнул Саньку по носу, – запомнила, дочур?

Санька кивнула. Внутри нее скачет сумасшедшая радость – впереди такой длинный день, который принесет много сюрпризов, много нового вроде катания на лыжах, а вечером они будут смотреть телевизор или рисовать...

– Сначала ты будешь учиться просто ходить на лыжах, не кататься, а именно ходить, чтобы научиться держать равновесие. Аккуратно переступай ногами и иди вперед.

У Саньки от разочарования оттопыривается нижняя губа. Она-то думала, что сейчас она полетит-поскользит по лыжне, как ее родители. А тут – ходить. Она недовольно сопит-пыхтит, но слушается отца, поднимает тяжелую чугунную ногу и выдвигает ее вперед. Лыжа почему-то не слушается ее, скользит, и весь мир оказывается вверх тормашками, а она лежит на земле и ревет от неожиданного падения. Отец рывком приподнимает ее с земли и ставит на ноги.

– Значит, так, запоминаешь первое правило, оно же основное и самое главное: «Капитаны никогда не плачут».

– Ну ты даешь, – смеется мать. – Капитаны – это в море.

– А это что, не море? – и отец обводит рукой белое пространство. – Это тоже море. Снежное море. А ты, Сань, капитан этого моря. И слез у тебя быть не должно, как бы тебе ни было больно, поняла? Это самое первое правило. Повтори.

И Санька громко, раскатисто во весь голос говорит:

– Пр-р-равило пер-р-рвое. Капитаны никогда не плачут!

– Молодец!

И родители заливисто смеются, но маленькая Александра понимает, что они смеются не над ней, а от радости, что они собрались всей семьей, что ребенок уже вырос и со временем станет кататься вместе с ними, что они любят друг друга, любят лыжи, свою дочь Саньку...

– Шишек ты будешь набивать много и падать будешь много. Но будешь подниматься и начинать все сначала. Пока не научишься кататься так, как надо. Ясно? Продолжаем урок...

Санька была упрямой, и она упорно осваивала лыжи. Вставала, делала несколько шагов и падала, снова поднималась, шла и падала и опять вставала...

У нее осталась фотография от того времени: маленький гриб-боровичок в фиолетовом костюмчике стоит на лыжах и улыбается в объектив.

Вскоре отец уже учил ее кататься по-настоящему, по-взрослому...

– Запоминай, Сань. Встаешь на лыжню, ставишь лыжи параллельно друг другу, палки выносишь чуть вперед и, толкнувшись ими, немного продвигаешься вперед. Затем старайся скользить, дополнительно отталкиваясь одной ногой. При этом движение направляй не назад, а вниз. И наконец, отталкивайся ногами попеременно...

Она знала о лыжах все или почти все. Знала стили «классика» и «конек», знала, что такое «дуга лыж» и «зернистость снега»...

К двенадцати годам Александра ходила на лыжах наравне со своими родителями, и отец страшно гордился ею. Говорил, что у нее есть «чувство лыж». Всей семьей каждый выходной они уходили в лес на целый день и катались там до вечера. И она ничуть не уставала и была готова кататься еще и еще...

Но после гибели родителей она возненавидела лыжи, снег, зиму. И больше не вставала на лыжи. Никогда.

Родители не вернулись из уральского городка, куда они ездили к родственникам. Отец был родом из тех мест. Они сорвались нечаянно в снежную пропасть и погибли.

Санька сидела дома у Лидии Григорьевны и рисовала, когда та вошла в комнату и, вытирая глаза краем фартука, сказала ей об этом. Дальше Александра ничего не помнит. Ни похорон, ни чьих-то объятий и слов утешения, которые были ей не нужны – ведь родителей было не вернуть. Таких радостных, веселых, красивых и сильных. Не вернуть их походов в лес, убегающей вдаль лыжни, которая манила за собой, слепящего ярко-белого пространства, предвкушения долгого дня и такого же долгого вечера...

Все осталось где-то там, а вот где – Санька не знала, какое подобрать этому название, – может быть, в темной камерке, запечатанной на крепкий замок, который уже никогда не открыть.

Наверное, она сошла бы с ума, если бы ее сразу не забрали к себе старые друзья их семьи – Шамсановы. Какое-то время – около двух месяцев она жила в их семье, и та забота, то внимание, которыми они ее окружили, помогли сохранить рассудок и выжить. В семье росла Лилька, почти ровесница Александры – младше ее всего на год. Лиля не отходила от нее ни на шаг, стараясь не оставлять Александру наедине с ее горем и состоянием полной апатии. Мать Лильки Карина старалась накормить Александру повкуснее, но у той кусок не лез в горло. Блюда кавказской, татарской, русской и польской кухни были необыкновенно аппетитны и источали соблазнительные ароматы. Все эти сациви, лобио, пирожки с капустой и мясом, блины, бигусы проплывали мимо глубоко равнодушной к ним Александры, что печалило Карину и ее мать Эву Станиславовну, седоволосую красавицу из знатного польского рода.

Карина, глядя на Александру, часто говорила по-грузински одну фразу. Однажды Александра попросила Лильку перевести. «Не знаю, что будет с этой девочкой дальше, ведь ей совсем не хочется жить» – означали те слова.

И с тех пор каждый раз после этой фразы у Александры в горле вставал комок.

Отец Лильки часто был в командировках, и всем домом заправляли мать и бабушка – Эва Станиславовна...

Жила Александра у Лильки недолго – два месяца, но это время запало в память.

Потом у Саньки объявились родственники со стороны отца.

Бабушка Нина Семеновна переехала в Москву из Армавира, чтобы смотреть за Александрой. Она была уже слаба, часто болела, особой близости между ними не установилось, но Александра была ей благодарна, что та возилась с ней, готовила и воспитывала, как могла. Если бы не она – Александру бы ждал детский дом. Спасибо и на том, что ее туда не сдали.

После школы Александра поступила в институт, особо не задумываясь о будущей профессии. Нина Семеновна к тому времени умерла, и Александра осталась одна.

Склонностей у нее ни к чему не было, и было совершенно все равно, где и кем в дальнейшем работать. Самый низкий конкурс был на статистическом отделении одного не самого престижного московского института, и она подала документы туда, чтобы пройти без помех. Учеба ничем выдающимся не запомнилась, друзей она не приобрела, а наоборот, сторонилась людей, словно они ей были совсем не нужны. Наверное, она была по жизни одиночкой и была способна справляться со всем, в том числе и с собственной жизнью, сама. Единственной подругой была Лилька Шамсанова, но виделись они с ней не так уж и часто, у Лильки, выросшей в настоящую красавицу, была бурная личная жизнь, в которой Лилька чувствовала себя как рыба в воде. И без череды поклонников, воздыхателей и обожателей своей жизни и не представляла.

После института Александра пошла работать, но так как она не умела и не хотела сходить с людьми, то ей приходилось частенько менять офисы и конторы. Она нигде долго не задерживалась: то начальник был редкостная скотина, то работа – скучная и нудная, то коллектив – невыносимый, то фирма разваливалась на глазах и сотрудников отпускали в свободное плавание. Кем она только не побывала: администратором в офисе страховой компании, помощником главного бухгалтера, менеджером по продажам, операционистом в коммерческом банке, инспектором в пенсионном фонде, сотрудником рекламного агентства.

Время было беспокойное – строительство «капитализма с человеческим лицом»: одни стремительно взлетали вверх, воспользовавшись удобным случаем и моментом, другие – тихо тонули без всяких надежд на перемены к лучшему. Потребности у Александры были минимальные, и поэтому на жизнь ей хватало.

Иногда, открывая холодильник, она видела там лишь кусок зачерствевшего сыра, остатки колбасы и пару яиц. С голоду не умирает – и ладно. Чего еще надо?

И с личной жизнью было – никак.

Александра была выше среднего роста, поджарой, спортивного телосложения, темные гладкие волосы она зачесывала назад и делала хвост или пучок. Серые глаза, красивой формы брови, полноватые губы, безупречно белые зубы. Тридцать два года. И за всю жизнь – двое мужчин. Кому сказать – никто не поверит. Или поднимут на смех.

Первый кавалер был из студенческой жизни, и Александра уже плохо помнила его лицо. Тонкий юноша, немного заикавшийся в минуты сильного волнения. Он привозил ей из подмосковной деревни яблоки – вкусно пахнущую антоновку. У него там жила бабушка. Она встречались с ним одну осень. Ее почему-то потянуло к нему, но уже на первом свидании она поняла, что у них ничего не получится. Просто поняла, и все. Они встречались у него на даче или в квартире, когда не было родителей, часто уезжавших в командировки за границу. Вскоре они и вовсе перебрались туда жить, взяв с собой сына. Они расстались, договорившись обмениваться по электронке письмами, но потом и эта переписка сошла на нет.

Следующий кадр был уже после окончания института, и эта связь продлилась целых два года. Он был женат – тридцатичетырехлетний выхоленный мужчина. Олег сразу предупредил Александру, что из семьи он не уйдет, так как любит своих детей. При этих словах он взял ее за руку и сказал, что они, как взрослые люди, могут все устроить так, чтобы никому не причинять боли и неприятностей. Пока он говорил, Александра смотрела на него и думала: может быть, лучше такой роман, чем никакого... Она согласилась, но вскоре поняла, что это была ошибка. Олег не рассеивал ее тоску, а только умножал и увеличивал. С ним она испытала худший вид одиночества – одиночество вдвоем. Но и порвать было страшно, ведь так у нее была хотя бы иллюзия, что есть мужчина. Эти встречи проходили раз в неделю по пятницам перед законным супружеским уик-эндом. В пятницу жена, ее звали Лариса, уходила к своим родителям, к старенькой матери и парализованному отцу. А ее муж тем временем воровато урывал моменты для своей личной жизни. Он являлся к Александре сразу после работы – в начале восьмого, проходил

на кухню и ставил на стол сумку с продуктами. Этот «набор джентльмена» обязательно включал в себя коробку шоколадных конфет, красное полусладкое вино, копченую колбасу, сыр, помидоры черри и фрукты – яркие апельсины, виноград и киви. Александра пыталась объяснить Олегу, что апельсины она не любит, а от киви у нее вяжет рот. Но он не слушал ее и приносил этот «набор» каждый раз. Олег приходил, Александра быстро накрывала на стол, они пили вино и разговаривали ни о чем, он рассказывал о своих делах, а она слушала его вполуха.

Умом Александра понимала, что нужно рвать эти отношения, и чем скорее, тем лучше, но почему-то все тянула и тянула... Но когда она сказала Олегу, что между ними все кончено, он вскинул на нее глаза и спросил: «Разве нам было плохо?» Глядя на этого уже начинающего полнеть мужчину, она чуть не рассмеялась. В его, мужском, понимании «хорошо» – это были встречи раз в неделю, скучный секс и редкие звонки с вопросами: «Как ты?» и «Как дела?» В один прекрасный момент Александра поняла, что от этих дежурных вопросов у нее уже сводит скулы. Раздельные праздники, грошовые подарки и ощущение заевшей на одном месте пластинки...

Этот разговор произошел в одном из кафе, куда Олег вызвал ее для объяснения: почему она не отвечает на звонки и избегает встреч. Александра думала: идти или не идти. Но потом поняла, что нужно сказать все в лицо, иначе он от нее не отстанет, будет звонить и добиваться внимания.

– Да, – громко сказала она. – Нам было плохо. Точнее – мне. Как тебе – не знаю. – И встала, боясь, что он окликнет ее и будет пытаться вернуть обратно. Но очевидно, в тоне, каким она сказала эти слова, было нечто, что убедило Олега в ее окончательном и бесповоротном решении – расстаться с ним.

Ее никто не окликнул, отныне она была свободна, и Александра ощутила легкость в теле и стремительность.

Она вышла-выбежала из кафе и вдруг решила не ехать домой, а пройтись по бульвару.

Была осень, вечер, дождь... мокрые листья устлали Гоголевский бульвар. Начинало темнеть. Зонтика у Александры не было, но она не шла, а словно летела, у нее было чувство, что только что рассталась с чем-то надоевшим и постылым, а впереди ее ожидает нечто хорошее.

Народу на бульваре почти не было, Александре вдруг захотелось распустить волосы, и она стянула резинку с волос. Дождь усилился, но она не обращала на него никакого внимания. У нее развязался шнурок на полуботинке, и она подошла к скамейке, чтобы завязать его крепче. Неожиданно под скамейкой Александра увидела светлое пятно. Это была бездомная собака, забившаяся туда от дождя. Она посмотрела на нее без всякого выражения и снова уткнулась носом в лапы.

– Эй! – тихонько позвала ее Александра. – Ты что тут делаешь? Промокла небось? – И Александра, нагнувшись, протянула руку, чтобы погладить собаку.

Собака подняла вверх морду. Нос был мокрым, морда – тоже. Псина издала тонкий звук, похожий на сдавленный писк, и тяжело вздохнула. Александра замерла, вздох был так похож на человеческий, что ей стало не по себе. «Иди с миром, – казалось, говорил этот вздох, – ступай. У тебя – своя жизнь, у меня – своя. Ты здесь покрутилась и ушла, а мне ночевать и дневать на улице. У тебя теплый дом, а у меня мокрый асфальт. И ела я позавчера. Но кого это волнует...»

– Эй! – Александра присела на корточки и позвала собаку. – Не грусти. Все еще наладится. Жизнь – штука непредсказуемая. – И она почесала собаке за ухом. И вдруг та подползла ближе к ней и уткнулась носом в ладонь.

– Не грусти... – машинально сказала Александра... – Пожалуйста... – Она гладила ее, фонарь бросал на аллею неясные блики, и в темноте глаза собаки блестели... – Не грусти, потому что теперь у тебя наступит совсем другая жизнь... Ты будешь жить у меня. Договорились?

Собака подняла морду и недоверчиво посмотрела на Александру, словно вслушиваясь в ее слова...

– Ты меня понимаешь, да? Это хорошо... Ты у меня умная... Ну давай, вылезай, пойдем с тобой в метро... Нет, в метро нас с тобой не пустят. Возьмем такси и поедem домой. Таксист тоже может ворчать, но мы ему заплатим...

С собакой Александру взяла только третья машина. Частник расстелил на заднем сиденье большой целлофановый пакет и буркнул: «Сидите и не двигайтесь, понятно? А то все сиденье измажете...»

– Мы будем не дышать, – пообещала Александра. – Правда? – и посмотрела на собаку.

Та согласно завиляла хвостом.

«Я буду послушной, я вообще могу не двигаться...»

Всю дорогу они сидели тихо. Как мышки. Собака как будто бы и правда боялась пошевелиться... Знакомые улицы в вечернем свете были какими-то незнакомыми. Шофер затормозил у дома, где жила Александра.

– Вот мы и приехали, – сказала она собаке. – Вылезай...

Та выпрыгнула из машины и села на асфальте с чувством собственного достоинства, словно осознав свой новый статус – домашнего питомца.

Александра расплатилась с частником – тот недовольно пробурчал, что «могли бы дать и больше, учитывая животное», – и повернулась к своему новому члену семьи.

– Это наш дом. Ты теперь будешь здесь жить. – Собака слушала внимательно, подняв одно ухо. – Как же мне тебя назвать? Давай ты будешь Буськой...

Буська незаметно изменила жизнь Александры. Она вдруг поняла, что страху нельзя давать волю, с ним нужно бороться – иступленно, до конца, не давая ни малейшей поправки. Она боялась зимы, снега, предпочитая отсиживаться дома, но рядом была Буська, и нужно было выходить с ней на прогулку. Сначала вид белого пространства пугал и околдовывал Александру, она останавливалась как вкопанная и застывала на месте, но Буська лаяла, тормошила, прыгала вокруг нее, по-смешному припадая на лапы, и Александра шла за ней – сначала медленно, а потом – быстрее, увереннее.

И однажды она поняла, что тоскует по лыжам, по снегу, по открытому пространству, по лыжне...

Она достала с антресолей свои первые детские лыжи и долго смотрела на них, гладила по рассохшимся деревяшкам. Потом подошла к фотографии родителей, висевшей на стенке. Они стояли рядом, в зимнем лесу с лыжами в руках и улыбались ей.

На другой день Александра поехала в магазин – выбрать себе лыжи.

Молоденькая девушка со скучающим видом объясняла ей про лыжи, показывала их... Александра смотрела, взвешивала,

примерялась.

– Это – отличная женская модель для классического хода. Лыжи сделаны из суперлегких материалов, благодаря чему вам легко будет совершать толчок, а фаза скольжения при этом будет более продолжительной... Модель может быть рекомендована как для начинающих, так и для продвинутых лыжниц, ценящих простоту управления и уверенность движения на любой скорости... – заученно говорила продавщица.

– А эти? – показала Александра на лыжи, стоявшие за ней.

– Эти будут подороже... Солидная фирма, уникальная конструкция «Актив Кап энд Стил Эйдж», отлично сочетает в себе высокую эластичность и необходимую жесткость, благодаря которой лыжник легко заходит в поворот на достаточно высокой скорости. Деревянный сердечник с воздушными каналами «Вуд Эйр» делает лыжи надежными, прочными и одновременно очень легкими.

Александра поняла, что это *ее* лыжи.

Девушка скользнула по Александре оценивающим взглядом, словно прикидывая: сможет ли она их купить.

– Я подумаю, – сказала Александра. Просто требуемой суммы у нее с собой не было.

Дома у Александры хранились небольшие сбережения. Она решила купить эти лыжи, а раз приняв решение, обычно уже не меняла его. К лыжам она подобрала крепления и ботинки.

В субботу они с Буськой отправились в лес.

Встав на лыжи первый раз после долгого перерыва, Александра некоторое время просто стояла, глотая воздух, – думалось, что так и не тронется с места. Но Буська лаем призывала ее – вперед, и Александра, тяжело передвигая ноги, словно на каждой было по гире, заскользила по лыжне. Собака бежала рядом, высунув розовый язык, и одобрительно кратко лаяла. «Давай, давай! Молодец!» – подбадривала она ее.

С непривычки после болели ноги. Эти лыжные «рывки» были краткими: двести метров туда, двести обратно... И снова по этому кругу. Словно Александра боялась оторваться и отъехать подальше.

Но вот однажды... Александра оторвалась от привычного маршрута и незаметно для себя въехала в пространство, очерченное елями, – лесной коридор, в котором стрелой неслась, убегала вперед

хрустящая лыжня. Нырнула туда – в эту колюче-морозную прохладу, задев нечаянно палкой ближайшую тяжелую ветвь, и легкая россыпь белейших снежинок полетела вниз... Александра вдохнула полной грудью и ощутила уже не страх, не его тягучие остатки-ошметки, а поющую легкость в теле... рванула-полетела вперед, задевая ели. Спихватилась она, когда поняла, что не слышит Буськиного лая. И тогда, затормозив, повернула назад, и когда она выехала-вынырнула из ельника, то навсегда запомнила эту картину – Буська сидела и ждала ее на полянке около небольшой горки. И ее уши так трогательно, нежно и смешно розовели в лучах заката. Собака даже не залаяла, когда Александра подъехала к ней, а подошла и одобрительно ткнулась носом в руку. Я тобой горжусь, казалось, говорила она.

Так Александра стала делать дальние вылазки на лыжах, и она уже не всегда брала с собой собаку. Та оставалась дома и ждала ее. Пока в доме была Буська, он не казался ей чужим, но два года назад Буську сбила машина.

И вот тогда одиночество навалилось с новой силой.

А сны Александры приобрели пугающую регулярность. И чаще всего ей снилось два тревожных сна: девочка, плачущая на лестничной площадке, и лыжница, бегущая в ночи по темному лесу, ветки елей хлещут по лицу, и она с трудом уворачивается от них...

После этих снов Александра просыпалась с отчаянно бьющимся сердцем и горечью во рту.

Единственное, что согревало ее и не давало окончательно погрузиться в пучину мрака и отчаяния, – была Лилька, незримо присутствовавшая в ее жизни. Лилькины сказочной красоты фотографии и письма, присылавшиеся раз в два месяца: краткие, бодрые, полные вопросительных и восклицательных знаков.

Лилька присутствовала в ее жизни всегда. Неоднократно она говорила, что если требуется какая-то помощь – обращайся в любое время, не стесняйся, подруга, ты же знаешь, скромность в наше время давно никого не украшает.

Александра прекрасно понимала, что по большому счету Лилька ей не подруга, а просто хороший знакомый человек из далеких времен безмятежного детства. Но у нее никого больше не было, и поэтому Лилька заменяла всех подруг вместе взятых.

Еще во времена учебы в институте Лилька была на стажировке в Германии и после получения диплома работала за границей, изредка приезжая в Москву.

Александра искренне радовалась каждому Лилькиному визиту. Чаще всего она приезжала к ней домой с полными сумками всяких деликатесов и изысканной выпивки. Лилька пила исключительно дорогие сорта коньяка и виски. В этом она была спецом в отличие от Александры, которая практически не пила, потому что боялась, что если она втянется, то уже будет постоянно прибегать к этому «утешению». Последние три года Лилька жила в Праге, она посылала Александре письма по электронке, неизменно прибавляя в конце: «Требуется ли помощь?» В письмах Лилька кратко описывала свою жизнь, выделяя какой-нибудь ее особо красочный фрагмент вроде сногшибательного уик-энда или поездки с друзьями в какое-нибудь живописное место. Снимки при этом прилагались красочные, они составили бы честь любому международному журналу типа «Нэшнл джиогрэфик». Лилька умела выбрать выигрышный ракурс, передать красоту места, его задушевность. Все снимки Лильки славились именно «задушевностью» – мелкими детальками, приковывающими внимание. То это была бабочка, случайно севшая на плечо брутальному мачо двухметрового роста, то девчонка в кафе смотрит куда-то мимо всех – словно видит нечто, недоступное другим. Даже странно, что резкая, смешливая Лилька снимала такие романтические фотографии. Своих снимков-автопортретов она не присылала, мотивируя тем, что «постарела и подурнела», но написанное всегда сопровождалось смайликами. Так что было ясно: Лилька придуривается и хохмит.

Три года назад, когда была еще жива Буська, Лилька приехала в Москву в начале декабря, именно в это время она чаще всего и выбиралась на свою историческую родину, и с размаху, как только Александра открыла дверь, поставила на пол сумки и бросилась ей на шею, громко напевая какой-то зарубежный шлягер.

– Поздравь меня, я выхожу замуж!

– Здорово! – откликнулась Александра. – За нашего выходишь или за кого?

– За нашего, – и Лилька залилась звонким смехом. – Иностранцы все такие ску-у-учные, – протянула она своим звонким голоском.

Лилька нравилась всем и вся. Счастливое сочетание разных кровей – русско-татарских, польских и грузинских – сделало ее настоящей красавицей. Блондинка с огромными темными глазами и бархатистой золотистой кожей. Широкие скулы, красивая форма губ. И в придачу женственная фигура – с изгибами и вместе с тем точеная, без грамма жирка...

Такой сияющей Александра Лильку никогда не видела. Она смеялась, шутила, потом забралась с ногами в кресло и, рассматривая на свет темно-янтарное виски, протянула внезапно севшим голосом: «Кажется, я все, отстрелялась! – И без всякого перехода: – Ты когда-нибудь любила, подруга?! По-настоящему, так, чтобы на тебя мужчина смотрел, а внутри тебя не то угольки разгораются, не то мягкая бархатная лапка стискивает сердце так, что дышать трудно. А? Я даже не знала, что подобное бывает». Острая боль пронзила Александру. Вспомнилось, как ее любовник сказал однажды, как бы мимоходом: «Ты словно ледяная: вроде бы рядом и в то же время – далеко. Иногда кажется, что ты – не здесь, а в другом месте. И тогда хочется крикнуть: «Ау, Александра, вернись!» Он сказал это без всякой злости, но именно в этот момент она вдруг поняла, что их отношения закончились, обмелели, как река после того, как половодье закончилось. Вода спала, и видны голые неуютные берега.

– Нет, не любила.

«Наверное, моя стезя – это одиночество, – подумала Александра, – и никому не дано растопить тот ледяной ком, поселившийся во мне когда-то. И надо привыкнуть к этой мысли и жить дальше, не заикливаться на этом. У кого-то цвет глаз карий, у кого-то серый, у кого-то жизнь семейная, у кого-то – одинокая. Обстоятельства моей жизни уже заданы, и глупо биться головой об стенку в надежде, что она рухнет или сломается».

– Жаль! Очень жаль... Ну что, подруга, желаю тебе испытать это чувство, потому что без него жизнь – не жизнь, а смятый листок бумаги, который и выбросить не жалко.

После этого наступила пауза, Лилька притихла, и Александре казалось, что вокруг подруги текла нежно-тягучая медовая струя любовного томления, умиротворения, которое, как она догадывалась, всегда наступает после того, как двое погрузятся друг в друга

без остатка, а потом вынырнут из этого омуты – молчаливые, опустошенные, потому что все слова уже сказаны и отброшены за ненужностью. А от исступленно-страстных мгновений осталось, как драгоценный осадок, – вот это блаженное молчание, перетекающее в молитвенную благодарность жизни. Она так и запомнила Лильку с блестящими сумасшедшими глазами. Александра даже и не подозревала, что Лилька может быть такой.

После этого Лилька снова завертелась-закрутилась в вихре своей жизни, но в свой последний приезд выглядела строже, серьезней, как будто бы в ней что-то погасло, отгорело. И взгляд иногда подергивался легкой дымкой, как озерцо первым льдом. Александра ни о чем не спрашивала, и так все было понятно. Зачем сыпать соль на раны? Лилька уехала, по-прежнему присылала ей снимки, но теперь помимо романтизма в них появилась затаенная печаль, грусть, свернувшаяся клубочком, как котенок.

Александра сидела на кухне и вспоминала свою жизнь, когда раздался звонок. Звонила Лилька, о которой та только что думала.

– Я сейчас к тебе приеду, – сообщила она сразу. – Сиди и жди меня.

При первом же взгляде на Лильку Александра поняла, что та изменилась. В ней появился легкий налет горечи. Он проскальзывал во взгляде, складке около губ, опущенных плечах.

Они сидели на кухне и пили коньяк, привезенный Лилькой.

– Я приехала сюда с женихом.

– Почему же ты не поднялась вместе с ним?

– Нет-нет. – Лилька улыбнулась, но улыбка быстро пропала, как будто бы ее стерли с лица невидимой губкой. – Кирилл остался дома. Я имею в виду приехала в Москву вместе с ним. Мы вскоре поженимся.

– Поздравляю.

Но все поздравления Александры Лилька отмела с ходу, словно она слушала их миллион раз, а в миллион первый... выслушивать было особо тягостно. Сказала только, что жить они будут за границей, у ее будущего мужа есть серьезные предложения от западных фирм. Он был неплохим специалистом в области компьютерных технологий.

Они приехали сюда ненадолго, а Новый год они хотят встретить в одном экстремальном новогоднем туре, что очень романтично.

– И куда вы собираетесь? – спросила Александра.

– На Урал.

– На Урал? – переспросила она, и ей внезапно стало трудно дышать.

– Да. Тур так и называется: «Экстремальное новогоднее путешествие по Уралу». Сначала живем в лесной гостинице, а потом отправляемся в лыжный поход.

– У меня там родители... – Александра не договорила.

– Я помню, – моментально откликнулась Лилька.

Они замолчали.

Александра вдруг поняла, что хочет съездить в то место, где погибли ее родители. Более того, она *должна* туда поехать. Отдать дань памяти. *Соприкоснуться*. Она бежала от всего и прежде всего от себя. Но правду говорят, что от себя не убежишь, как ни старайся. Можно только отсрочить свидание с самим собой. Да и то ненадолго.

– Лиль! Я тоже хочу поехать с вами...

– А? – Похоже, мысли Лильки витали где-то далеко.

– Я тоже хочу в этот поход.

– Ты уверена, что это тебе надо?

– Да, – твердо сказала Александра. – Надо.

– Но ведь ты только что сказала, что там... – И она замолчала.

– Поэтому и хочу.

– По-моему, это глупо и неправильно. Я бы не советовала, подумай хорошенько, ведь я понимаю, что твоя жизнь из-за этой трагедии...

Пауза Лили разрасталась: она вбирала в себя одинокую жизнь Александры, ее неумение строить отношения с людьми, отсутствие всякой личной жизни, нежелание выйти из собственной скорлупы и зажить по-настоящему, без оглядки на прошлое.

Никто не знал, что она боролась против собственного страха, что она, преодолев панический ужас перед лыжами, встала на них, задыхаясь от приступов удушья и жалости к себе, и словно заново училась кататься по ровной местности и с горок, как ребенок – ходить, постепенно увеличивая нагрузку и темп. Ей казалось, что так она стала ближе к родителям, ведь они учили ее не бояться и преодолевать

трудности. И на последней фотографии они такие счастливые, смеющиеся, с лыжами в руках. Александре казалось, что она видит снег на маминых ресницах и слышит дыхание отца.

– Ты поможешь мне?

– Помогу...

Но на другой день, когда Александра позвонила Лильке, та сказала, что мест в туре нет. Группа уже набрана.

– Мне жаль, что так получилось. Но может быть, и к лучшему. Мы еще увидимся, Сань. Я тебе позвоню и приеду перед отъездом. Или уже встретимся после того, как я вернусь. Посидим, отметим Новый год и мою предстоящую свадьбу. Я тебя со своим женихом тогда и познакомлю.

Они распрощались. Трубка сотового чуть не треснула от того, что Александра сильно сжала ее. Она смотрела на телефон, как будто бы видела его впервые. А потом выдохнула: «Нет». Она должна быть там. Непременно. Если группа набрана, то может быть она сумеет упрямить взять еще одного туриста, Александра была готова даже переплатить – лишь бы попасть в эту группу. «Для меня это как вопрос жизни и смерти», – сказала она вслух.

По Интернету она нашла адрес офиса крупной фирмы, расположенной в центре Москвы, и направилась туда.

На улице была противная московская слякоть. Ни два, ни полтора – ни снега, ни дождя. С неба мелко и противно моросило, под ногами – хлюпало, а мокрый ветер так и норовил пробраться под куртку. От него приходилось уворачиваться и поднимать воротник куртки повыше. Александра представляла себе солидный офис, вышколенную секретаршу в мини-юбке, горячий невкусный кофе, темную мебель, неброский ковролин и «предбанник» для ожидающих с искусственной елкой, увешанной яркими игрушками. Фирма располагалась в центре Москвы, но уютилась в подворотне, найти ее было нелегко, она кружила вокруг и около, пока вынырнувший из подворотни старичок с собакой не объяснил ей, как пройти в «Глобал Тур Инвест».

В офисе этой фирмы не было ни темной мебели, ни приемной для ожидающих с журнальным столиком, заваленным буклетами, не было искусственной елки с игрушками. Фирма размещалась

в небольшой комнате с двумя столами и двумя компьютерами, на стенах висели яркие плакаты с видами Турции, Таиланда и других популярных мест отдыха. А вместо елки на столе стоял стеклянный шар с домиком и снегом внутри.

Ее принимала старший менеджер фирмы Алла Бояшко – брюнетка, говорившая высоким голосом и делающая паузы между предложениями. Очевидно, для большего «весу» и убедительности. Работа в турфирмах требовала умения убалтывать клиента и уговаривать на свой вариант. Бывает, придет клиент с одним расчетом, а уходит с другим. Она знала все эти нехитрые приемы ведения бизнеса, так как один начальник посылал ее учиться на курсы «Как стать успешным бизнесменом».

Алла Бояшко встретила вежливым «Присаживайтесь!» и придвинула к своему столу стул, стоявший в углу.

Александра села, предварительно сняв куртку и повесив ее на вешалку; отказалась от чая-кофе и изложила свои требования. Ее интересовала поездка на Урал, проходившая по разделу «экстремальный туризм».

Алла Бояшко наморщила лоб и застучала по клавишам компьютера. Через какое-то время, которое для Александры тянулось бесконечно медленно, она сказала, что этот тур организует уральская фирма «Олеандр-плюс» и сейчас она с ней свяжется. Минуты тянулись как часы.

Переговорив с Уралом, Алла Бояшко сообщила Александре, что группа набрана, но вроде бы один человек отказался от поездки, что еще точно не известно. И если будет место, то ей перезвонят. Нужно только оставить свой телефон и координаты.

– Александра Волгина, – сказала Александра севшим от волнения голосом. – Мой телефон...

– Я вам перезвоню, как только ситуация прояснится. Будем надеяться на лучшее.

– Держите меня в курсе.

– Конечно. Обязательно.

Александра вышла на улицу, где по-прежнему моросило. Это было форменное безобразие – ни снежка, ни бодрящего холода. Интересно: как скоро позвонит ей Алла Бояшко и будут ли места

в этом туре? У нее пересохло в горле: почему-то самым важным в жизни стало – попасть в эту группу и в этот тур и побывать в тех местах. Она остановилась и подняла голову к небу, как будто бы просила об этом того, кто там, незримый, наблюдал за ней и взвешивал на беспристрастных весах свое решение по данному вопросу.

Алла Бояшко позвонила на следующий день.

– Место есть, – сказала она. – Все для вас сложилось весьма удачно. Вам нужно подъехать и оплатить.

– Я сейчас, – откликнулась Александра. – Через час подъеду.

С очередной работы она уволилась месяц назад, так что времени у нее было навалом.

Оплатив тур и держа в руках путевку, она словно не верила, что ее судьба отныне заключается в этом клочке бумаги. Лильке скажу завтра, решила Александра. Еще непонятно, как она к этому отнесется.

Лилька отнеслась плохо. Она долго молчала в трубке. Так что Александра подумала, что связь прервалась, но потом раздалось легкое дыхание-посвист.

– Ты уверена, что поступаешь правильно?

– Уверена. Лиль! Это мое осознанное решение, и менять его я не стану.

– А я – нет. Я, в конце концов, ответственна перед тетей Верой и дядей Геней! – закричала Лилька.

Александра в первую секунду и не поняла, что «тетя Вера» и «дядя Гена» – ее мать и отец, а когда поняла, то чуть не задохнулась от возмущения.

– Я не маленькая, и ты мне не родственница. – Так жестко она с Лилькой никогда не говорила. Но если что – Александра могла быть жутко упрямой.

– Сань, – голос Лильки стал жалобный, – к чему тебе все это? Беречь старые раны? Осталась бы дома...

– Нет. Лиль, я хочу там побывать. Это как память... – Голос ее дрогнул. – И прошу, не отговаривай меня. Я тебя люблю, Лилька, не сердись, – скороговоркой проговорила Александра.

– Ладно, еще созвонимся, – раздалось после недолгого молчания. – Пока. Меня Кирилл ждет.

Александра понимала, что по большому счету Лилька права, ворошить старое не стоило. И вообще, что-то мешало ей закрыть эту страницу, отрыдать-переболеть и жить дальше. Словно черный ком был внутри и порой не давал ни распрямиться, ни вздохнуть... «Может быть, если побываю там, – прошептала Александра, – этот ком уйдет».

Она подошла к балконной двери и прижалась лбом к стеклу. Только не хватало ей еще ссориться с Лилькой, единственным близким ей человеком; если подумать, она совершенно одна в этом мире, если вдруг завтра исчезнет – никто о ней и не вспомнит. Даже хоронить ее придется Лильке, больше просто некому, цинично подумала Александра.

На другой день с утра она позвонила Лиле и постаралась сгладить вчерашнюю ссору, но, похоже, та уже об этом забыла. Она отвечала рассеянно, думая о чем-то своем. У Кирилла назревал контракт с американской компанией, и нужно было утрясти какие-то дела. Они договорились созвониться перед поездкой. Кирилл заедет за ней и отвезет их всех в аэропорт.

Александре хотелось обсудить с Лилькой, что брать в поездку и какие-то другие моменты, но та быстро распрощалась с ней.

Умом Александра понимала – Лильке не до нее. Самой нужно все решать и обо всем думать.

В конце концов, твоя жизнь – это твоя проблема, а не чья-то еще...

Александра хлопотала, колдовала над рюкзаком, запихивая туда, как в волшебный мешок, вещи и предметы по двум спискам. Один она составила сама, другой ей дали в турагентстве. Собственный список включал: две пары теплых носков, три свитера, теплые штаны, элегантные брюки, единственное вечернее платье – все-таки на носу Новый год, мощный фонарь, теплое нижнее белье, игрушечную фигурку Деда Мороза, фотоаппарат, три толстые свечи, аптечку...

Александра старалась не принимать лекарства, только в случае крайней необходимости. Но сейчас она понимала, что без средств «первой необходимости» не обойтись. Пластырь, болеутоляющие, жаропонижающие. Она вышла на кухню и задумалась. До поездки оставалось два дня.

В список, полученный в агентстве, входили рулон прочных полиэтиленовых пакетов, компас, коробка сухого спирта, охотничьи

спички, складной набор (нож, вилка, ложка, консервный ключ), спиртовая горелка, металлический термос, капроновый шнур, изолента, лейкопластырь, резиновый жгут, мазь для лыж, солнцезащитные очки. Было дано примечание, что в случае необходимости недостающие предметы они могут получить в гостинице за дополнительную плату, но все-таки рекомендовалось собрать «туристический набор» самим.

Приходилось делать вояжи в магазины и закупать нужные для поездки вещи. Из очередного похода в магазин Александра возвращалась поздно. Погруженная в собственные мысли, она не сразу заметила темный силуэт, отделившийся от гаражей, стоявших на небольшом пустыре. Когда силуэт был уже совсем близко, она вскинула голову и пыталась сообразить, что делать. И только когда на нее надвинулись почти вплотную, поняла, что совершила оплошность, нужно было идти более длинным путем – окружным, обогнув пустырь. Теперь было уже поздно.

– Деньги? Кошелек? – вырвалось у Александры почти машинально.

В ответ было молчание. По телевизору и в газетах предупреждали о том, что накануне Нового года нужно быть особо бдительными; всюду орудуют карманники и грабители, помня о том, что именно в это время народ отчаянно отоваривается подарками и гостинцами, а также совершает покупки, пользуясь заманчивыми скидками. В кошельке у Александры было три тысячи рублей, и она собиралась сама предложить их этому воришке, когда точно рассчитанным ударом он сбил ее с ног. От неожиданности она вскрикнула, но в самый последний момент перед падением успела сгруппироваться, как учил ее отец, и, уже падая, ощутила резкую пронзившую ее боль, правда, не такую сильную, как это можно было ожидать... И она страшно выругалась...

Где-то рядом раздалось шуршанье шин подъехавшей машины, и спустя минуту она услышала:

– Вам плохо? Вы идти можете?

Мужчина и женщина вышли из автомобиля и подошли к ней. Александра огляделась вокруг.

– А этот где?

– Кто? – спросил мужчина.

– Тот, кто на меня напал. Где он?

Мужчина и женщина переглянулись.

– Никого нет. Мы не видели, – добавила женщина, склонившись над Александрой. – Мить! Помоги встать, похоже, женщина стесняется попросить о помощи.

Они помогли Александре добраться до дома, и там она без сил рухнула на кровать. Нога сильно болела; сумеет ли она поправиться до похода? Оставалось всего два дня.

Глава вторая

Талисман моряков и путешественников

То, что опасность воображаемая, не делает её менее реальной: воображение действует на человека столь же реально, как сила тяжести.

Джеймс Джордж Фрезер. «Золотая ветвь»

Дни, оставшиеся до поездки, были заполнены сборами. Александра покупала вещи, которые ей понадобятся в туре и лыжном походе, постоянно заглядывая в список, который она носила с собой. Список ей дали в турагентстве вместе с путевкой и программой. Алла Бояшко, вручая путевку и материалы, пожелала ей «счастливого отдыха». При этом она добавила, что «Глобал Тур Инвест» всегда будет рад помочь выбрать интересное путешествие.

Список был длинным.

Александра достала с антресолей старый рюкзак, с которым ходил в походы еще ее отец, и стала укладывать в него вещи по списку.

Когда она доставала рюкзак, в глубине антресолей увидела какой-то черный пакет. Она подцепила лыжной палкой пакет и потянула на себя. Сверху пакет уже покрылся сероватым налетом пыли. Она редко заглядывала на антресоли, а тот угол вообще не ворошила с тех пор, как погибли родители.

Стряхнув пыль, она заглянула внутрь пакета. Там лежала гладкая черная папка. Она открыла ее и увидела небольшую тетрадь. В тетради мелким почерком отца были сделаны какие-то записи и рисунки, чертежи. Много было написано карандашом, эти записи уже выцвели и были видны с трудом. В середину тетради была вложена карта; Александра бегло осмотрела ее – на ней были изображены места Северного Урала – места, куда она собиралась ехать. Немного поколебавшись, Александра сунула папку в рюкзак: вдруг пригодится.

Раздался телефонный звонок. Александра слезла с табуретки и пошла на кухню. Звонила Лилька, она обещала с Кириллом заехать

за ней, и тогда они все вместе поедут в аэропорт.

– Только будь уже наготове, Кирилл не любит ждать. Запиши где-нибудь, что мы приедем ровно в десять часов. Запиши в свой деловой блокнот или органайзер, слышишь, Сань!

Александра хотела сказать, что у нее нет ни делового блокнота, ни органайзера, но промолчала. Ровно в половине десятого она уже сидела с вещами в коридоре и ждала подругу с женихом. Стрельнуло в ногу, и она поморщилась. Все эти дни нога побаливала, хотя она мазала ее разными чудодейственными мазями, растирала и массировала. Больше всего Александра боялась, что больная нога подведет ее на лыжне, когда они выйдут в поход. «Вот ведь не повезло, – подумала она, – в такой момент подвергнуться нападению грабителя. А если бы он нанес мне серьезные травмы?» Она передернула плечами, думать о этом совсем не хотелось.

Без пяти десять в дверь раздался звонок. Лилька всегда звонила, не отнимая пальца от звонка, как будто бы сердилась, что дверь не распахивается сразу же.

Александра открыла дверь, и в уши ударил тоненький Лилькин голос:

– А вот и мы-ы-ы-ы! Где твое «Добро пожаловать!», «Велкам», как говорят у нас в приличных домах Европы и Америки.

– Ты уже во всех частях света отметилась.

– Да, она такая, – пробасил мужчина, стоявший рядом, и поправил очки. – Птичка перелетная.

– Кирилл, ты что, – толкнула его в бок Лилька. – Не порти мою безупречную репутацию.

– И не подумаю. Всем она известна, и испортить ее никто не может по определению.

Они перебрасывались шуточками, словно не обращая внимания на Александру, и на минуту она почувствовала легкий укол одиночества.

– Ладно, закроем тему, – сказала Лиля. – Кстати, вы еще даже и не познакомились. Это – Кирилл. Мой жених.

– А вы – Александра, – подхватил мужчина, беря ее за руку. Его рука была теплой и большой. – Мне о вас эта ветреная особа рассказывала.

Александра посмотрела на Кирилла. Ему было около сорока. Вид добродушного медведя, полные губы, умный проницательный взгляд. Александра почему-то думала, что Лилька выберет себе какого-нибудь мачо. Ан нет, простой парень, хотя впечатление всегда обманчиво. Особенно первое...

– Ну что, девочки, выходим из дома?

– А присесть на дорожку? – обрушилась на него Лилька. – Наша исконно русская примета.

– Исконно-посконная! Полжизни провела в Европах, а все за приметы цепляешься!

– Ага! – Лилька прищурилась. – Мне так легче. Вроде все сделала правильно. Так как надо.

– Молодец! Правильная умная девочка, – и Кирилл погладил Лилю своей рукой-лапицей по голове...

Она, как упрямый бычок, мотнула головой и высвободилась от его прикосновения.

– Не надо, – сказала она сквозь зубы...

Кирилл с шумом выдохнул.

– Ну, тогда что? Присядем? Где сидеть-то? Прямо на полу?

– Я сейчас принесу табуретки из кухни, – всполошилась Александра. Она было метнулась в кухню, но затем махнула рукой: – Да ладно. Проходите прямо в комнату, не разувайтесь.

Александра села на стул, а Лилька с Кириллом опустились на диван. При этом Лилька сжала губы в тонкую ниточку и застыла, глядя прямо перед собой.

– Ну что, в путь! – Кирилл встал, в нем было почти два метра роста. – В путь-дорожку?

Лилька рядом с ним была маленькой и хрупкой.

– Едем, – проворковала она и прижалась к жениху. – Ты у меня самый-самый...

Александра подошла к окну, чтобы напоследок проверить балконную дверь: плотно ли она ее закрыла, и застыла в изумлении. Как по мановению волшебной палочки на улице прекратило моросить, и с неба начал падать мелкий горох, именуемый в народе манной крупой! Но это было лучше, чем дождь, который обволакивал все существо противной липкой пеленой, как это было в последние дни.

– Ну что? Поехали? – прогудел Кирилл. – Если вдруг пробки – можем не успеть в аэропорт.

На улице манная крупа падала с неба, как будто бы кто-то тряс рукавом, и она вылетала неравномерными порциями; ветер кружил горошинки и швырял их в лицо.

– Забыла крем от мороза, – вполголоса сказала Лиля.

– Сойдет и обычный крем.

– Но там лучше защита от холода... А то лицо пойдет красными пятнами. Ладно, куплю в аэропорту.

Пока Кирилл заводил джип, Александра с Лилей стояли на месте и пританцовывали, чтобы согреться. Заметно похолодало.

– Скоро Новый год, – негромко сказала Лилька, поднимая голову к небу. – Обожаю этот праздник. Всегда ждешь от него чего-то нового, необычного... – И она повернулась к Александре.

Та хотела сказать, что она уже ничего не ждет от праздников, а живет скорее по инерции, но промолчала. Каждый день был похож на другой – длинная череда одинаково похожих дней.

Машина завелась, они нырнули внутрь, где было тепло, пахло нагретой кожей и кофе.

– Мы только что из «Старбакса», – подтвердила Лилька. – Кофейком согревались. Ой, что же мы Саньке забыли кофе взять?!

– Обойдусь.

– Это мы виноваты, растяпы. Черствые, невнимательные, эгоистичные люди.

– Эка ты загнула, – покачал головой Кирилл. – Прямо злодеи в натуре. – Он помолчал, а потом добавил: – Трогаем? Навстречу экстриму и приключениям!

– Не знаю, – негромко сказала Лилька. – Что нас там ждет?

– Сама захотела – вот и получай. Могли бы поехать в более теплые края.

– Я? Это все ты – «поехали да поехали... Новый год встретим в зимнем лесу».

– Не припомню такого.

– А я помню, я все помню, – протянула Лилька. – Не надо из меня теперь беспмятную делать...

– Ну, спорить с женщиной – себе дороже, так что не буду и пытаться. Пусть я во всем, старый пень, буду виноват. Согласен и на это. Чего не сделаешь ради любимой женщины!

Джип тронулся с места...

– Интересно, что нас там ждет? – тихо сказала Лиля. – Как представлю милую дружескую вечеринку перед Новым годом, треск поленьев в камине, за окном – ночь, снежинки, сугробы...

– Это она текст рекламного буклета репетирует. – Кирилл обернулся к Александре и подмигнул ей. – Будешь выступать перед остальными членами группы на импровизированном капустнике.

– А что? – оживилась Лилька. – Надо же будет новогоднюю программу отрепетировать. Кирилл, это класс!

– Только увольте меня от выступления в роли Деда Мороза.

– Здесь вообще-то без вариантов. Я буду Снегурочкой...

– Давай сначала доедем до места назначения. Еще неизвестно, как отнесутся другие члены группы ко всем твоим планам. Может быть, резко отрицательно.

– Хорошо отнесутся. Праздники все любят.

– Поживем – увидим.

– И поживем, и увидим, – многозначительно сказала Лилька, понизив голос.

Александра искоса посмотрела на Лильку. Похоже, она была в приподнято-романическом настроении и уже нарисовала себе заманчивую картинку: двое сидят перед камином в уютных креслах, а за окном – зимний рай, воплощенный в ночном звездном небе, елях и сугробах по пояс. Хорошо, что она уgomонилась, и теперь у нее впереди – семейная жизнь с Кириллом, таким надежным и спокойным. Он будет хорошо уравнивать легкомысленную взбалмошную Лильку. У этих ребят все будет хорошо. Александра почувствовала легкую грусть и уставилась в окно: вечерняя Москва проплывала за ними, нарядная, похорошевшая в ожидании Нового года. Александра не любила этот праздник, она всегда ощущала в это время смутную тоску. Когда все веселились, планировали праздник, покупали подарки родным и близким, собственное одиночество высвечивалось особенно ясно и беспощадно. Когда была Буська, было не так тоскливо. Александра обычно покупала в магазине готовые салаты и курицу гриль, красное вино. Но она никогда не покупала

новогодний напиток – шампанское. Пить его в одиночестве казалось ей верхом идиотизма. Шампанское – напиток романтический. Его пьют вдвоем, не отрывая друг от друга взгляда, а потом одни губы встречаются с другими... Выпив бокал красного вина, Александра ложилась спать еще до наступления Нового года, провожаемая укоризненным взглядом Буськи. Александре казалось, что собака не одобряет ее равнодушия к этому празднику. Вот так, Бусь, обычно говорила она перед тем, как погасить свет, еще один год пролетел. Что будет в новом? Почему-то кажется, что ничего хорошего...

Здесь Буська поднимала вверх одно ухо и заливалась лаем.

«Дура ты дремучая, – слышалось Александре в этом лае, – дремучая и замшелая. Вышла бы ты из своей скорлупы на свет божий и встретила бы хорошего человека. И все было бы у тебя по-другому».

– Все Бусь, – здесь Александра ее одергивала, – хватит. Не учи меня жить...»

Но собаки уже нет. И Новый год стал совсем тоскливым мероприятием, о котором хотелось забыть еще до его наступления...

Снег усилился. Снегоочистители работали без устали, их ритмичное постукивание успокаивало. «Все будет хорошо, – подумала Александра, – непременно».

Она посмотрела на Лильку. На секунду, перед тем как тень упала на ее лицо, Александре показалось, что на нем застыло выражение досады. Может быть, правда, подумала она, Лилька не хотела туда ехать, но Кирилл ее уговорил. А на самом деле она мечтала отдохнуть где-то в теплых краях, где солнце, море и тепленький песочек... А теперь уже все, поздно. Ничего не перепишешь и не переделаешь.

Около аэропорта их встретил друг Лилькиной семьи, который забрал ключи от джипа и сказал, что оставит его у себя в гараже, пока они не вернутся. Джип Кирилл взял в аренду на три недели, именно этот срок они собирались провести в Москве.

После регистрации подруга с женихом устремились в магазины и бутики; Лилька собиралась купить что-то. Александра отказалась присоединиться к ним. Ей хотелось просто посидеть в каком-нибудь кафе и расслабиться перед полетом.

Александра увидела кафе-бар немного в стороне от магистралей, протоптанных пассажирами, и направилась туда. Там царила мягкая полутьма, полностью была освещена только барная стойка. Александра заказала крепкий кофе с молоком и выбрала дальний столик в углу.

Заиграли что-то бесконечно грустное – фаду, португальскую печаль. Пела Мариза, Александра узнала голос, потому что иногда слушала ее песни. Эти пронзительно-щемящие мелодии находили отклик в ее душе. Александра сидела, уткнувшись в чашку с кофе, а когда подняла глаза, то увидела у барной стойки мужчину. Черная кожаная куртка, брюки цвета хаки, свитер светло-шоколадного оттенка, ежик русых волос, трехдневная щетина и колючий взгляд, метнувшийся по столикам. В нем было нечто, от чего у Александры перехватило дыхание, может быть, дело было в этой пронзительно-печальной мелодии, рассказывающей о разлуках и расставаниях. Может быть, в свете, придававшем всему оттенок легкой нереальности, или в самой фигуре, сжатой как пружина и почему-то внушавшей чувство опасности, – трудно сказать. Время словно остановилось, и Александра чувствовала глухие толчки сердца. Она сглотнула и поднесла чашку кофе к губам. Прищурилась. Внезапно мужчина бросил взгляд в ее сторону, и она испугалась. «Не слишком ли я пялюсь на него, подумает: сидит одинокая женщина и пожирает глазами мужчину, забредшего в кафе». Она рассердилась на саму себя и, достав сотовый, уставилась на экран дисплея, чтобы чем-то себя занять. Но тем не менее несколько раз украдкой Александра посмотрела на него. Он заказал пиво и сэндвич и сел, выбрав столик почти напротив нее. Теперь она видела, как он ест. Во всех его движениях было ощущение силы, властности и уверенности в себе. И еще спокойствия. Но в отличие от добродушного спокойствия Кирилла это спокойствие было и обманчивым. Как у зверя перед прыжком, который своим напускным равнодушием хочет просто обмануть жертву. «Чертовски хорош мужик! – подумала Александра. – Эдакий герой в стиле Клайва Оуэна. Мужественный, сильный. Раньше я думала, что такие мужчины бывают только в кино, оказывается, иногда они еще случайно забредают в аэропорты. Как перелетные птицы, побудут немного здесь и полетят дальше...»

Ел он не спеша, сосредоточенно о чем-то думая. Пару раз он поднял голову, обводя зал взглядом, и снова погрузился в свои мысли.

У мужчины были крупные красивые руки. Александра всегда обращала внимание в мужчине прежде всего не на глаза, лицо или фигуру, а именно на руки. Когда она смотрела одинокими вечерами какой-нибудь фильм, то при появлении главного героя ее внимание приковывалось к рукам. Они ей говорили о многом – надежности, силе, влюбчивости или холодности натуры. Длинные артистичные пальцы свидетельствовали о том, что мужчина – увлекающийся и ветреный, плотные пальцы средней длины – о заботе и внимании, широкая ладонь с крупными костяшками – о бесстрашии и размахе. И о том, что мужчина, скорее всего, однолюб. Как ни странно, ошибалась Александра редко. К концу фильма все пороки или достоинства героя выходили наружу, и Александра убеждалась в том, что ее вывод верный.

Но сейчас Александра вдруг поняла, что не в состоянии ничего анализировать; у нее было одно желание – подольше посмотреть на эти руки. Она пила кофе небольшими глотками, смотря на мужчину и только изредка переводя взгляд на других людей и предметы, чтобы со стороны ее пристальное внимание все-таки не бросалось в глаза. И вот когда Александра в очередной раз уставилась на предмет своего внимания, мужчина, словно почувствовав ее взгляд, резко вскинул голову и посмотрел на нее. Он смотрел серьезно, почти строго, как будто бы вопрошал, что ей от него нужно, потом отвел взгляд и тут же, через одно мгновение, снова полоснул ее своими непроницаемыми глазами. Похоже, что в них горело мрачное пламя. Это было уже слишком для Александры. Сердце взмыло вверх. А потом понеслось вниз, по кочкам и колдобинам, как по американским горкам. Она уткнулась в чашку с кофе и, обнаружив там белое дно, поняла, что кофе она уже допила, ей нужно встать и покинуть кафе. Сколько она может сидеть перед пустой чашкой?

И здесь залился трелью мобильник. Звонила Лилька.

– Ты где? – прощebetала она. – Мы тебя ищем-ищем. Куда пропала? Скоро уже посадку объявят. А тебя нет.

– Сижу в кафе, – негромко ответила Александра.

– Мы все покупки уже сделали, ждем тебя в зале вылета. Встретимся там. Не опаздывай!

– Я скоро буду. Ждите.

Александра положила на столик трубку медленно, осторожно, словно боялась, что та взорвется от ее прикосновения. Она вдруг ощутила, что не хочет нарушать атмосферу, сложившуюся в этом кафе: ни разговором, ни резким движением. Это было пространство, поглотившее ее целиком, пространство, где разливалась, выходя из всех берегов, музыка, где мужчина с крепкими, отточенными ветром, морем, дальними странствиями пальцами, никуда не торопясь, ел, а она заворожено смотрела на него...

Но нужно было идти. Прогоняя минутное наваждение, это полное и окончательное помутнение, Александра встала и задела стул, который с грохотом упал на пол. Взгляды всех сидящих в кафе обратились на нее. Она почувствовала неловкость и, поспешно нагнувшись, подняла стул. Но в этот момент рукой она случайно задела чашку и та покатила по столу, Александра успела остановить ее, придержав рукой, прежде чем та упала на пол и разбилась. «Ну я и растяпа», – подумала она с досадой.

Она шла к выходу, ощущая, как горят ее щеки. В больной ноге пару раз неприятно стрельнуло. Александре казалось, что мужчина смотрит ей в спину, но, наверное, только казалось, потому что совершенно невероятно, чтобы такой редкий экземпляр мужской стати обратил на нее внимание. Скорее сидит и удивляется ее неуклюжести и неловкости. И вслед ей неслась мелодия фаду, словно подтверждая мысль о том, что жизнь – это сплошные расставания и разлуки. А любовь если и случается, то вскоре рассеивается, как мираж и сон.

Лилька и Кирилл сидели в зале вылета и, увидев ее, дружно взмахнули руками. Александра направилась к ним, стараясь не задеть катящиеся мимо нее чемоданы и сумки на колесиках.

– Ой, мы уже думали, что ты где-то застряла, сидишь в баре и глушишь преспокойненько себе виски или коньячок потягиваешь. Я уже собиралась отправить Кирилла, чтобы он схватил тебя в охапку и приволок сюда. Сань! – Лилька внимательно посмотрела на нее. – Ты чего, Сань? Что случилось?

– Ты о чем, Лиль? – не поняла Александра.

– Ты словно светишься изнутри, а щеки горят. Познакомилась с кем?

Александра поставила рюкзак рядом с Лилькиными вещами, приложила ладони к щекам – и правда они горели. Вздох застрял где-то посередине груди. Она досчитала до пяти, а потом ответила.

– Чего ты себе напридумывала? Просто сидела в кафе пила кофе. И всех делов-то. А ты всполошилась.

– Я просто за тебя волну-у-ю-сь, – вытянула губы трубочкой Лилька. – Ты же мне не чужая.

– Я тоже, надеюсь, тебе не случайный прохожий, – вставил Кирилл, – потому что ты уже целый час игнорируешь мой вопрос: взяла ли ты фотоаппарат?

– Взяла, – отмахнулась Лилька.

– И зарядник к нему?

– И зарядник.

– Чудеса! Моя безалаберная невеста проявила аккуратность и собранность.

– Я не безалаберная... – вспыхнула Лилька. – Просто иногда ты меня не так понимаешь...

Кажется, назревала семейная ссора, и Александра выставила вперед руку.

– Не ссорьтесь. К чему это? Лиля у нас вполне аккуратный человек. Ответственный и дисциплинированный.

– Как я понимаю, уважаемая Александра, вы с Лилей виделись не очень часто. А вот я имел счастье лицезреть ее каждый день какой-то период времени и поэтому знаю ее как облупленную.

– Ну уж дудки! – отрезала Лилька. – Как облупленную меня никто не знает. Должна же быть в женщине какая-то загадка?!

– Ладно. Сдаюсь. – Кирилл поморщился. – Глупое выяснение отношений на пустом месте. Ты чего ершишься, Лилек? Такая колючая стала в последнее время. Что с тобой творится, маленькая? – И он шутливо притянул ее к себе.

Александра посмотрела на Лильку – ее била дрожь.

– Н-не знаю. – Ее зубы выдавали дробь. – Что-то нашло.

– Нашло-прошло. Брось! Нас ждет замечательный Новый год в замечательном месте.

– Точно, ой, – вплеснула она руками. – Я совсем забыла о покупках. Вот они. – Она достала из большого пакета два шарфика – ярко-оранжевый и розовый. Розовый она повязала себе на шею, а оранжевый накинула на Александрю.

– Нравится? – повернулась она к Кириллу.

– Позитивненько. Будете как снеговички, – откликнулся он. – И заметно издалека. В походе полезно.

Вслед за шарфом из пакета вынырнула большая керамическая кружка с улыбающимся заросшим мужиком, похожим на лешего, с надписью «Темыч».

– Что за Темыч? – удивилась Александра. – Какой «Темыч»?

– Это кружка такая прикольная. Я как увидела, так и решила купить. В походе кому-нибудь подарю. У нас же будут подарки на Новый год делать. А я кому-нибудь кружку эту вручу. У нее этот... как это там... походный антураж. Вот! Еще мешочек есть для подарков.

Она была явно довольна собой, щеки покраснелись, а глаза довольно сияли.

– И вдобавок вот, – из сумки выпорхнула, зазмеилась с легким шуршанием серебристо-синяя елочная гирлянда, а потом в руках у Лили оказались две небольшие фигурки – Дела Мороза и Снегурочки. Лиля вынимала из пакета предметы и показывала Александре.

Та даже не стала спрашивать, зачем в походе нужны ароматизированные мешочки, декоративный кинжал, кружка «Темыч», свечка в виде Эйфелевой башни и набор матрешек. Наверное, Лиле было виднее.

– А вот еще... – и напоследок она достала из пакета круглый медальон.

– Что это?

– Талисман моряков и путешественников. Мне он сразу приглянулся. На благополучное завершение нашего похода. – Она повертела в руках медальон и протянула его Александре. – Нравится?

Та внимательно посмотрела на него.

– Интересная вещь!

– Мне тоже нравится.

Она подбросила медальон вверх и поймала его.

А потом убрала обратно в пакет.

– Нет. Лучше повешу его на шею.

Убрав все вещи обратно в пакет, Лиля повернулась к Александре:

– Я отлучусь ненадолго. Схожу в дамскую комнату.

Оставшись одни, Александра и Кирилл молчали. Наконец Александра нарушила паузу:

– Вы где будете после свадьбы жить?

Кирилл ответил неохотно:

– Пока не знаем. Сначала нужно с работой толком определиться...

– Да, Лиля говорила, что у вас есть привлекательные контракты с западными компаниями.

Кирилл, очевидно, не хотел говорить на эту тему и промолчал. Александра его понимала: некоторые люди не говорят о будущих перспективах из чувства чистого суеверия. Вдруг на кону крупный контракт, и лучше всего, если об этом до поры до времени никто знать не будет. Когда все решится – тогда уже можно и объявить о состоявшейся сделке...

Вернулась Лилька. Она была напряжена и взволнована.

– Представляете! – сказала она, почему-то оглядываясь. – Ко мне подходила цыганка.

– Цыганка? – изумился Кирилл. – Откуда здесь цыгане? Тебе, наверное, почудилось. – Он хохотнул и повертел головой, но тут же осекся под взглядом Лили.

– Не смейся, – шепотом сказала она. – Все это очень и очень серьезно. Это была настоящая цыганка, – и она обернулась, словно кто-то мог их подслушать. – Она взяла мою руку и стала гадать. И нагадала, что все закончится большой бедой. Мы не должны ехать туда.

– Чушь! – резко перебил ее Кирилл.

– Не чушь. – Александре показалось, что Лилька чуть не плачет. – Она все сказала правильно; сказала, что ты учился в институте, но бросил и перешел в другой. И что твое любимое варенье – вишневое, ты можешь его есть целыми банками.

– Но постой! – поразился он. – При чем здесь я? Гадала-то она тебе.

– Ну да, мне! Но она сразу сказала, что я – невеста и мой жених – замечательный парень. И потом она перешла к тебе. Представляешь? Все выложила как есть. Это – настоящее ясновидение. Не какое-то там фуфло несчастное. Разве можно, не зная и не видя человека, вот так все и определить?

С ходу?!

– И где она теперь?

Лиля вытянула шею, словно пытаюсь кого-то разглядеть в толпе.

– Была здесь. Совсем недавно.

– Она поймала тебя в толпе? Прямо здесь в аэропорту? – не поверил он.

– В туалете, – упавшим голосом сказала Лиля. – Я зашла в туалет, и когда мыла руки, увидела ее. Она стояла рядом и смотрела на меня. Не сводя глаз. Я даже испугалась, такой пристальный взгляд. И здесь она предложила погадать. Я ничего не успела сказать, как она схватила мою руку и стала говорить. И все это правда... – В голосе Лили звучали слезы... – Я отдала ей деньги и убежала.

Александра неожиданно вспомнила о нападении около гаража. Какая-то неясная мысль мелькнула в голове и пропала. Лиля, конечно, существо впечатлительное, эмоциональное... Наверное, цыгане вычисляют таких людей и разводят их на деньги.

Объявили посадку, они пошли к трапу самолета, при этом Кирилл шел впереди, а Александра с Лилей сзади.

– Тебе не страшно? – неожиданно спросила ее Лилька.

Александра пожала плечами.

– Нет.

Александре уступили место у окна. Она сразу задремала, проснулась, когда разносили еду, потом снова провалилась в сон. Лиля растолкала ее, когда самолет садился на полосу екатеринбургского аэродрома.

– Прилетели? – пробормотала Александра, выныривая из тяжелой дремы. Голова была как ватная, а во рту – неприятная сухость.

– Прилетели! – откликнулся Кирилл. – Всем подъем и к выходу.

Когда они вынырнули из стеклянных дверей екатеринбургского аэропорта, то натолкнулись взглядом на плакат с надписью: «Олеандр-плюс». Тоненькая девушка в черной короткой дубленке и джинсах в обтяжку держала плакат, притопывая от мороза. Рядом с ней стояла небольшая группа людей с лыжами в руках и с рюкзаками за спинами.

– Привет! – бросил Кирилл, первым подходя к группе. – Вот и мы. Будем знакомы. Я Кирилл, это моя невеста – Лиля. А это наша хорошая знакомая Александра.

– Я Вероника, – сказала девушка с плакатом. – Представитель фирмы. Мне нужно всех вас собрать и доставить к месту назначения.

– Иннокентий, – сказал плотный мужчина невысокого роста лет тридцати с небольшим. Он был одет в темно-зеленую куртку и черную вязаную шапочку. У него было широкое лицо и глубоко посаженные глаза. И широкие плечи, про таких раньше говорили – «косая сажень».

– Игорь, – представился молодой парень высокого роста с жидкой бородкой, на щеке его был виден едва заметный шрам. Глаза – зеленые, а кожа с легкими веснушками.

– Дмитрий Слюсарев, студент Петербургского университета! – бойко отбарабанил молодой человек, широко улыбаясь. Между зубов была видна легкая щербинка. Он часто вертел головой, словно стараясь все рассмотреть. – Очень приятно, что наше общество украсили дамы. – И он отвесил шутливый поклон в сторону Лили и Александры.

Лили поправила шапочку и кокетливо стрельнула глазами. Ее кокетство было чисто бессознательным и распространялось на всех особей мужского пола.

– Петр Васильевич, – вставил мужчина лет шестидесяти с пышными пшеничными усами. Он снял с головы шапку и тряхнул головой. Потом надел снова. – Долго ждать будем?

– Время еще есть, – Вероника посмотрела на наручные часы. – Думаю, что сейчас граждане подтянутся.

– Ждем-с граждан, – весело сказал Игорь. – И надеемся на их сознательность. Не будут же они нам портить отдых своим опозданием. Моя девушка, кстати, тоже попала в разряд несознательных, до сих пор нет.

– Что же вы свою девушку к порядку не приучили, – проворчал Петр Васильевич. – В туристической группе дисциплина прежде всего.

– Да ладно, дед, не заводись, мы знакомы совсем недавно. А вот и она. Танюх! – заорал Игорь, сложив руки рупором. – Мы здесь!

– Хам какой, – недовольно проворчал Петр Васильевич. – Если что – я буду жаловаться в фирму. Сейчас пока поднимать волну не стану – присмотрюсь, а потом поставлю вопрос на голосование. – И он погладил свои усы. Петр Васильевич стоял рядом с Александрой и говорил, как бы обращаясь к ней.

Она промолчала. Теперь она уже жалела, что поехала в этот тур. Судя по всему, эта группа – собрание разных людей, со своими характерами, гонором, привычками. А если у них конфликты будут возникать по каждому поводу?

Вероника стояла и безучастно смотрела в сторону. Вся ее фигурка и выражение лица говорили одно: «Меня все ваши разборки не касаются. Мое дело доставить вас и свалить. Дальше уж сами разбирайтесь как-нибудь без меня...»

– Таня, Танюха по-простому, – подошел Игорь со своей девушкой. – Прошу любить и жаловать.

Рыжеволосую Танюху можно было бы назвать симпатичной, если бы не обильный макияж. У нее было круглое лицо и полные, ярко накрашенные губы. Она улыбнулась и обвела группу взглядом.

– Ну что, все? Я была последней?

– Ага! – Игорь обнял ее за плечи. – Я уж думал, ты не приедешь. И страшно боялся.

– Я сама боялась за свое опоздание.

– Остался один член группы. Алексей. – сообщила Вероника. – Я получила от него сообщение. Сейчас он будет. Алексей изучает флору и фауну нашего региона. У него даже есть несколько статей в журналах и в интернет-изданиях, – с гордостью сказала она.

Высокий худой молодой человек вынырнул из-за спины какого-то толстого мужчины и остановился как вкопанный, словно не ожидал увидеть людей. У него были блекло-голубые, словно выцветшие, глаза и заметная сутулость.

– Не робей, пацан, – хмыкнул Игорь и хлопнул его по плечу. – Здесь все свои.

– Ты вообще-то уймись, – тихо сказал Иннокентий. – Не базарь!

– А ты чо, главный что ль? Командовать тут? – недовольно буркнул Игорь. Он был не в меру суетлив и выглядел эдаким рубахой-

парнем, который старается стать центром любой компании.

Кирилл, услышав последние слова, встрепенулся.

– Давайте придерживаться рамок цивилизованного общения.

– Рамки мы только что прошли, – кивнул Игорь в сторону аэропорта. – Металлоискатели.

– Все в сборе? – не то вопросительно, не то утвердительно сказала Вероника и поправила свой белый шарфик. – Тогда прошу идти за мной. И не отставать.

Она задумалась, кому бы дать нести плакат, и решила препоручить его Иннокентию.

– Вот возьмите. Помогите, – при этом на него она не смотрела, и ее «помогите» было адресовано в пространство.

Ни слова ни говоря, Иннокентий взял плакат в руки и зычно сказал:

– Выступаем! – И поинтересовался у Вероники: – Далеко идти?

– Нет, ну что вы, – оскорбилась она. – Фирма всегда заботится о своих клиентах. Машина вас ждет почти рядом. Пройти всего несколько метров.

Несколько метров растянулись до четверти километра; «Газель» прикорнула у автострады, шофер в расстегнутой дубленке стоял рядом и смолил сигарету.

– Никандрыч, – сказала, подходя к нему, Вероника. – Не дыми. Люди подошли уже.

– А я что, не вижу? – Сигарета описала плавную дугу и полетела в сугроб, мелькнув красным маячком. – Пришли, и отличненько. Значит, трогаемся. Сначала весь ваш походный инвентарь погрузим, чтобы доставить в целости и сохранности, а потом вас рассадим. Все будет как надо.

Александра все это время молчала, ее удивило, что и Лилька была притихшей. Обычно она фонтанировала, а здесь – морщинка на лбу и сосредоточенный взгляд. Перехватив недоуменный взгляд Александры, Лилька сказала, едва разомкнув губы:

– Голова. Просто раскалывается.

– Таблетка есть?

– Потерплю. Приеду, тогда приму.

Через двадцать минут они отъехали, и Вероника бодрым голосом стала заученно рассказывать им о красотах Урала, начав с великого

сказочника Бажова.

День был бело-серым, снега не было, и от этого пейзаж за окном производил унылое впечатление. Александра прислонилась к стеклу и думала, что могла бы остаться и дома. А она поехала в этот тур, повинувшись странному инстинкту. Хотя, возможно, то, что она называла «инстинктом», на самом деле – усталость от одиночества, от собственных беспросветных мыслей и желание приобщиться к Новому году, празднику, который она давно и за праздник не принимала. А она все это назвала красивым словом «интуиция». «Но ведь ты хотела поехать на место гибели родителей», – возразил ей внутренний голос. – «Да, все так, – сказала самой себе Александра. – Так что я все сделала правильно».

Под конец поездки она все-таки задремала и очнулась от того, что Лилька трогала ее за плечо.

– Приехали! Сань, вылезай.

– Вытряхиваемся, девушки, – балагурил Игорь. – Вы же не собираетесь здесь сидеть до персонального приглашения.

– Не собираемся, – тряхнула головой Лилька. – А вы, кажется, взяли на себя роль лидера? По-моему, это не ваше.

Игорь, оскалившись, собирался отпустить какую-то колкость, но здесь Вероника громким голосом поторопила их, и они высыпали из машины.

В первый момент Александра подумала, что это ей все приснилось. Сказочной красоты дом, даже не дом, а терем плыл в белом снежном пространстве, возвышаясь над елями и плавно-волнистыми сугробами. Остроконечная крыша, которую Александра раньше видела только в детских книжках, была с резьбой, резьба украшала крыльцо, окна и навес, пристроенный сбоку.

– Красотища! – выдохнула Лилька. – Вот красота-то!

– Фирма «Олеандр-плюс» старается сделать отдых клиентов качественным и разнообразным. К их услугам баня, сауна, бассейн, бильярд, каминный зал, – перечисляла Вероника. – А также трехдневное разнообразное меню и блюда русской и европейской кухни.

– Неужто из самой Европы поставляют? – хохотнул Игорь. Когда он смеялся, то обнажались неровные зубы. А бородка придавала ему

едва уловимое сходство с сатиром.

– Послушайте, – громко сказала Лилька – Ваши шуточки уже всех достают. Потрудитесь вести себя прилично.

Игорь налился кровью, его челюсть с неприятным звуком клацнула, но здесь Татьяна успокаивающе похлопала его по руке:

– Ну-ну, не надо.

Он как-то разом сник, мотнул головой и сплюнул сквозь зубы в снег.

Вероника сделала вид, что ничего не заметила.

– Я сейчас представлю вас персоналу – Марье Ивановне и Николаю Даниловичу. Если есть какие-то вопросы – звоните мне, вашему координатору, Снегиревой Веронике Аркадьевне. Мой контактный телефон запишите, пожалуйста...

Все, как по команде, достали мобильники и стали записывать телефон Снегиревой Вероники Аркадьевны.

Александра скосила глаза. «В случае чего возьму телефон у Лильки», – подумала она, хотя была твердо уверена, что он ей никак не понадобится.

– Записали? Марья Ивановна даст вам ключи от комнат и познакомит с гостиницей. Позже к вам инструктор присоединится, Николай Кузичев. Хорошего всем отдыха и с наступающим Новым годом.

В ответ раздался нестройный гул голосов, среди которых выделился голос Петра Васильевича, пожелавшего удачи и побольше денежных клиентов для «Олеандра-плюс».

* * *

На крыльце их встречали Марья Ивановна – полная женщина среднего роста с добродушным лицом и Николай Данилович – худой, жилистый, похожий на цыгана.

– Здравствуйте, – распевно проговорила она, – заходите, располагайтесь, сейчас я вам все расскажу...

Друг за другом они вошли внутрь, отряхивая обувь вениками, стоявшими у стены. Там же вдоль стены они оставляли свои лыжи. Внутри пахло теплом и свежей выпечкой.

– На первом этаже у нас столовая, бассейн, бильярдная... Ваши номера – на втором этаже, наверху. Вот здесь, – показала она на деревянный щиток, – висят ваши ключи. Четные – номера с двумя кроватями. Нечетные – для одиноких. Берите ключи и проходите в номера. Ужин в девятнадцать ноль-ноль. Просьба не опаздывать, а то еда остынет.

Александра взяла номерок с цифрой «семь» и пошла наверх по широкой деревянной лестнице.

Вероника уже покинула их, дав последние наставления.

Им предстояло прожить в гостинице три дня, а потом тронуться дальше по заранее утвержденному маршруту.

Глава третья

В плену снежных снов

Иногда это происходит случайно. После долгих лет ожидания – правильного порядка планет, судьбоносной встречи, внезапного порыва вдохновения – нужные обстоятельства возникают сами собой, украдкой, без фанфар и предупреждения... Но иногда это лишь томление, нечто в воздухе, одно движение – и то, что годами лежало мертвым грузом, меняется внезапно и необратимо.

Джоан Харрис. «Ежевичное вино»

Войдя в номер, Александра почувствовала, как на нее навалилась усталость. Перелет, дорога, новые люди, новые впечатления. Раньше она жила в собственном замкнутом пространстве, а сейчас вышла из него и с непривычки чувствует утомление...

Номер был небольшим, метров четырнадцать, но уютным. Внутри была отделка деревом; кровать, застеленная белым покрывалом, манила прилечь. Она развесила вещи в шкафу и легла на кровать, чувствуя, как тянет в сон. Через три часа был ужин и встреча в каминном зале, где им нужно было обсудить разные вопросы.

Эта «повестка дня» висела на первом этаже и сразу бросалась в глаза. Очевидно, «Олеандр-плюс» таким способом организовал досуг вверенных ему клиентов. Они и договорились после ужина встретиться в этом самом зале и обсудить вопросы.

До ужина Александра дремала, а потом вскочила и стала одеваться. Она надела черные брюки и темно-синюю водолазку. Волосы, как всегда, собрала в пучок: бледные щеки, большие серые глаза, темные волосы... Когда-то ее любовник сказал, что у нее «интересная бледность».

Александра повертела головой. Обычная женщина тридцати двух лет, может быть, при других обстоятельствах и других условиях ее

можно было бы даже назвать красивой... Но ни обстоятельства, ни условия не сложились должным образом, и поэтому осталась только «интересная бледность».

Ужин проходил в большом зале, где столы были накрыты белыми хрустящими скатертями с вышитой оборкой по краям. За столом вместе с Александрой сидели Лиля с Кириллом и Петр Васильевич. Еда была уже на столах.

Ужин был вкусным. Макароны с нежным воздушным мясным рулетом, греческий салат, соленые огурчики, творожная запеканка с клубничным вареньем.

Играла негромкая музыка.

Под конец ужина из-за своего стола поднялся Игорь и громко крикнул:

– Не забудьте, через час – встреча в каминном зале!

– Нудный тип, – шепнула Лилька. – Он еще создаст нам проблемы.

– Не нудный, а наглый, – поправил ее Петр Васильевич. – Нужно его одергивать и ставить на место. Иначе волю большую возьмет. Интересно, здесь можно попросить добавки? Уж больно запеканка вкусная. А вот горбулка наша – лучше.

– Что? – спросила Лиля.

– Горбулка, буханка хлеба, хлебушек по-нашему, по-уральски. Вы, чай, москвичи?

Лиля с Кириллом переглянулись.

– Москвичи.

«Европейского разлива», – подумала про себя Александра. Но об этом Лилька говорить не хочет.

– Ясненько. А я наш, уральский. Суровые у нас края и... – Немного помолчав, добавил: – Люди – тоже.

Когда все нестройной гурьбой переместились наверх в свои номера – отдохнуть перед сбором в каминной, Александра поняла, что сидеть ей в номере не хочется. Посмотрев на телефон, она увидела, что здесь есть вай-фай, и решила посидеть в каминной и дожидаться остальных там. Она опустилась в глубокое кресло, чувствуя, как блаженное тепло от огня в камине проникает в нее. Посмотрев

горячие новости в Сети, Александра встала и подошла к окну. Пошел снег, он падал крупными хлопьями, около дома зажглись фонари, они подсвечивали снег мягким желтовато-сливочным светом. Перед домом была полянка с одиноко растущей елкой. К Новому году догадалась Александра. Водить хороводы и пить шампанское. Тоже пункт, предусмотренный турфирмой. За этой елкой было пространство, а за ним плотной стеной подступал лес. Но плотный он был только на первый взгляд, если присмотреться – справа и слева отходили утрамбованные лыжни.

Послышались какие-то голоса, один из них был похож на голос Кирилла; непонятно почему, Александра метнулась к тяжелым портьерам и замерла, уткнувшись носом в ткань.

Это были Кирилл и Игорь.

– Красота! – сказал Кирилл, подходя, как поняла Александра, судя по шуму шагов, к камину. – Зимняя сказка. Сто лет о такой мечтал. А то все мотался по заграницам, а нашей настоящей русской красоты не видел. Скорее бы на лыжню и в путь.

– Три дня мы здесь.

– Знаю. Время пролетит.

– С невестой, значит, приехал.

– Да, – после легкой заминки сказал Кирилл.

– Красивая. Ты где с ней познакомился?

– Уже и не помню. В компании. – Голос у Кирилла стал напряженным. – А ты на своей девушке жениться не собираешься?

В ответ был краткий смешок.

– Я парень холостой, еще не нагулялся и свою свободу менять на тихий домашний очаг не собираюсь.

Вот так всегда, подумала Александра. Слова «домашний очаг» всегда почему-то ассоциируется с покоем и тишиной. А «свобода» должна бурлить и кипеть.

– А ты точно жениться собрался? – обратился Игорь к Кириллу. – Не передумал?

– К чему? Я давно этого хотел.

– Маладца! – хлопнул его по плечу Игорь, издав звук, похожий на фырканье. – Кому-то нужно заниматься деторождением и пополнять ряды женатиков. Уважаю. Но сам пока не готов.

– Сколько тебе лет?

– Я не баба и своих годиков не скрываю. Через три недели тридцать два стукнет. Все тип-топом. И работа, и жизнь. Все путем-чередом.

Александра подумала, что о «тип-топе» и о том, что «все чередом», как раз говорят те, кто сильно в этом сомневается, не признается в этом факте даже самому себе.

– И не нагулялся?

– Не встретил свою любимую и единственную.

– Бывает, – согласился Кирилл. – Это нелегко.

– Что «нелегко»?

– Встретить свою любимую и единственную.

Наступило молчание. Александра чувствовала себя по-идиотски. Надо бы выйти из-за шторы, но тогда странным будет выглядеть, что она до сих пор пряталась. Нужно было обнаруживать себя раньше, а не стоять и слушать чужие разговоры, но то, что она услышала дальше, заставило ее застыть на месте.

– Как тут с охраной? – Кирилл спросил, понизив голос, так что Александра с трудом услышала его.

– Нормально. – В голосе Игоря послышалось удивление. – Как везде в таких местах. Сидят охранники в своей конуре и просматривают мониторы. Домик неподалеку, справа. Одного я даже видел на крыльце. А что? Страшилки снятся?

Возникло молчание.

– Да так, – выдавил Кирилл. – Моя невеста немного нервничает. Спать стала плохо в последнее время. Да еще какая-то цыганка в аэропорту ее напугала. Сказала, что беда будет.

– Это она перед свадьбой нервничает. У меня с двоюродной сестрой то же самое было. То слезы и истерика, то смех без причины. Женщины – они такие, сплошные эмоции. Кто их там разберет, что им кажется?! Лучше и не вникать в это.

– Ладно, я пошел, – сказал Кирилл. – Пойду посмотрю, что там моя делает.

– Ты в бильярдной не был? – теперь звук был, как будто Игорь со свистом втянул в себя воздух. Вообще он был слишком шумным, слишком нетерпеливым, слишком нервным.

– Нет.

– А я – туда. Ознакомлюсь – что и как. Уважаю бильярд. Может, и партнер найдется. А нет – так один погоняю. Попрактикуюсь.

Как только мужчины вышли, Александра рванула к двери. Слава богу, все обошлось и ее никто не видел.

Времени до собрания оставалось десять минут, и Александра решила пройтись по холлу.

Большая люстра, висевшая в холле, была словно сделана из маленьких металлических шариков и напоминала застывшие водяные пузырьки. Открыв первую дверь, она увидела небольшой зал с черными кожаными диванчиками и прямоугольную площадку. Танцпол, поняла Александра. Есть где оттянуться на Новый год. Она закрыла дверь и направилась дальше. Следующей была комната с изогнутыми лежанками белого цвета. На низком деревянном столике стояла трехъярусная ваза с фруктами, керамический чайник и белые чашки с квадратными блюдцами. Между лежанками – тумбочки из дерева, стилизованные под «пни». В углу на черной подставке высилась ваза с длинными сухими цветами «метелкой». Это была спа-комната. В стене была еще одна стеклянная дверь, но туда Александра уже заходить не захотела.

Она заглянула в бильярдную, но там никого не было. В гостинице все было сделано добротнo, основательно; чувствовались продуманность и забота о туристах. Отдых сулил удовольствие и полый комфорт. Настроение у Александры, несмотря на усталость, поднялось.

Посмотрев на часы, она поняла, что пропутешествовала не пятнадцать минут, а целых двадцать. Опаздывать не хотелось, и она поспешила обратно.

В зале царила полутьма, и Александра тихонько пробралась, пригнувшись, к Лиле, сидевшей на диване. Та подвинулась, освобождая место рядом с собой.

Игорь, стоявший в центре, метнул на нее сердитый взгляд, но ничего не сказал. Судя по всему, он уже толкал спич.

– Итак, продолжаю... – Игорь взмахнул рукой.

– Вы все еще хотите выяснить, кто главный? – подала голос Лилька.

– Этого требуют интересы группы, девушка, как говорится, ничего личного.

– А группа – это вы?

– А что не так? Разве я не член группы?.

– Похоже, у нас партийное собрание, – громко сказал Иннокентий. У него был глухой голос, как будто бы он простудился.

– Собрание не собрание, а выработать программу дальнейших действий нужно, – отрезал Игорь и потер руки.

– А вы командир? – не унималась Лилька.

Свет от огня упал на Татьяну, и Александре показалось, что она плакала. Глаза были припухшими, или это игра света и тени? Хотя такого хама выдержать нелегко. Правда, у нее есть шанс соскочить с этого поезда и расстаться с ним. А вдруг это любовь? И что она, Александра, может об этом знать и судить? С ее-то куцым опытом?

Она перевела взгляд снова на Игоря. Он опустил слегка голову, словно набычившись. Заиграли желваки.

– Командир! – с вызовом сказал он. – Надо же кому-то взять на себя функцию лидера. – Как многие нервные люди, он легко переходил от балагурства к вспыльчивости.

– «Бремя белого человека»! – негромко сказал Кирилл.

Но никто даже не повернулся в его сторону; Александре стало смешно, похоже, Киплинга здесь никто не читал.

– Лидерство нужно заслужить. – прозвучал голос Иннокентия.

– Хорошо, может быть, тогда ты возглавишь группу? – сказал Игорь, нажимая на «ты».

– Ну, тыкать, положим, не надо. Мы все тут взрослые люди и находимся в одинаковых стартовых условиях. Мы из детсадовского возраста уже вышли и помочей нам не надо, – снова сказал Кирилл. У него был спокойный голос человека, который урезонивает не в меру распоясавшегося хулигана-подростка.

Александра посмотрела на Игоря с неприязнью. В каждом коллективе обычно находится такое вот шило в заднице, которое хочет с кандачка стать главным и прямо-таки лезет на рожон. А потом при малейших признаках опасности – в кусты. Зато понтов и гонора на первых этапах – хоть отбавляй.

Все реагировали на него по-разному. Татьяна сидела, погруженная в себя, Дмитрий сидел нахмуренным, словно у него болели зубы. Понятное дело – молодой. Еще не привык к взрослым разборкам. Алексей ерзал на месте и тер виски. Александре казалось, что он вот-

вот схватится за голову. «Ученый», вспомнила Александра характеристику, которую дала Алексею Вероника Снегирева, представитель турфирмы «Олеандр-плюс». Изучает флору и фауну. Сразу видно – кабинетный червь. Ботаник. Хорошо, если он хотя бы умеет на лыжах стоять. А то всякое бывает.

– Мужики! – Игорь поднял руку в знак примирения. – Не будем ссориться. Зачем? Мы здесь собрались, чтобы прекрасно провести Новый год, а затем насладиться красотами Урала. Разве не так? Мы весь год пахали как каторжные, работали не щадя живота своего, так, кажется, говорили в старину, и зачем же мы сами собственными руками станем портить себе заслуженный отдых?

– И правда, – переняла лавры мирноносицы Татьяна. – Будем жить...

– Дружно, – подхватила Лиля и рассмеялась. – Мы же все друзья – ну я имею в виду на это время. Или мы будем порознь?

– Если честно, мы друг друга не знаем, – вставил Алексей. У него был высокий монотонный голос. – Нужно познакомиться и рассказать о себе.

– Как на детском капустнике, – поддела его Татьяна.

«А эта дамочка – стерва натуральная, – подумала Александра. – Под стать своему бойфренду. Трудновато с этой парочкой придется».

– Мы будем ходить гурьбой? – задал вопрос Иннокентий. – Это ни к чему. Мы приехали сюда отдыхать.

– До отдыха мы еще доберемся, – хмыкнул Игорь. – Прежде всего нам нужно разработать правила сосуществования.

– Курить можно? – поинтересовалась Татьяна.

– Нет, – отрезал Кирилл. – У меня лично аллергия на табачный дым. Здесь свежайший воздух, который можно пить горстями. А вы собираетесь дым развести. Сидели бы, милая девушка, в баре и дымили там. Чего вас тогда сюда понесло?

– Не твое дело.

– Общее, – вставила Лиля. – Вы тут не одна. Группа – дело коллективное.

Возникла пауза.

– Ладно, – подал голос Кирилл. Стекла очков поблескивали от пламени камина. – Переходим к стадии знакомства. Дело нужное.

Мы же какое-то время будем бок о бок друг с другом находиться. Без этого – никак.

– Тогда и начнем – с вас. – И Игорь развернулся в его сторону.

– С меня? – Кирилл как будто бы удивился такому повороту дела. – Что сказать? – Он обвел их глазами.

На короткое время – две недели – им предстояло стать сплоченной группой, коллективом, вот только никакой сплоченности не наблюдалось и в помине, наоборот, при каждом столкновении вырисовывались различия их характеров, темпераментов.

– Я – компьютерщик, айтишник, выражаясь по-современному. В последнее время работаю за границей разработчиком веб-приложений. Джава девелопер. Собираюсь жениться на этой вот замечательной девушке, – кивнул он в сторону Лили. – Вроде все.

– Компьютерщик – это круто, выражаясь по-современному – «Вау!» Ну а вы? – Теперь Игорь смотрел в упор на Иннокентия.

– Менеджер среднего звена. Работаю в компании, связанной с распространением вентиляторов. Имею постоянный неплохой доход. На жизнь хватает. На хлеб с маслом – тоже.

– А на черную икру? – Татьяна, похоже, получила новую порцию яда и сил.

– И на икру хватает. На черную и красную.

– Вот и привезли бы сюда эту черную икру. Я сто лет ее не ела.

– Послушайте, Татьяна, не надо мне хамить...

– И что тогда? Вышвырнешь из отеля на мороз? За мною же уплаченные деньги?

Игорю эта перепалка, похоже, доставила удовольствие.

– Вах-вах, – поцокал он языком. – Милая компания. Для этого и нужен лидер. Чтобы призывать всех к порядку.

– Валяй, – неожиданно согласился Иннокентий. – Призывай! Если ты такой... крутой!

– Тогда поставим вопрос на голосование.

– Как в старые советские времена, – насмешливо сказала Лилька.

– А вы помолчите, – огрызнулся Игорь.

– Хам! – негромко сказала Лиля.

– Хватит! – бросил Кирилл. – Надоело.

– Предлагаю выбирать лидера на день, – вставила Александра. – Попеременно. Так, наверное, будет лучше.

Все взгляды устремились на нее.

– А она права, – заметила Лиля. – Так и правда лучше. Меньше поводов для ссор.

– Пойдите, – послышался взволнованный голос студента Дмитрия. – А кажется, Петра Васильевича здесь нет. – И он повертел головой.

– Отличная группа, – с расстановкой произнес Игорь. – Одного человека уже нет, а никто и в ус не дует. «Отряд не заметил потери бойца».

– Может быть, ему плохо стало? – с испугом спросила Лиля. – Человек он уже немолодой.

– Дедуля еще всех нас переживет! Вы его мышцы видели?

– Не имела чести видеть обнаженным. А вы что, нетрадиционной ориентации?

Татьяна захохотала. Игорь бросил на нее сердитый взгляд, и та умолкла.

Да, Лильке было лучше на язык не попадать. Она кого угодно могла разделать под орех.

– Давайте пошлем кого-нибудь наверх, чтобы посмотрели, где Петр Васильевич, – предложил Алексей. Его высокий голос просто резал уши.

– Зачем посылать, – сказал Кирилл. – Я сам схожу и посмотрю. – Он поднялся со стула и направился к выходу.

Все примолкли.

– Нелегко нам тут будет, – шепнула Лилька Александре. – Один этот записной шут Игорь чего стоит. И чего он выпендривается – не пойму!

– Хочет быть в центре внимания.

– Надо было остаться дома, – тихо сказал Лиля. – И Кириллу не по себе. Я вижу...

Вдруг раздался шум, возгласы.

– Петр Васильевич! – громко воскликнула Лилька прямо над ухом Александры. – Ну разве можно так, вы нас всех просто напугали!

Петр Васильевич стоял посередине зала и моргал глазами. Он был похож на подслеповатого моржа, выброшенного на берег.

– Заснул, – добродушно побряхтел он в усы и погладил их. Как поняла Александра, это был его излюбленный жест. – Задремал

чуток.

– А вы на лыжах вообще ходите? – спросил Игорь. – Ноги-руки передвигаете? Имейте в виду, у нас тут физически крепкие люди... И возиться с вами никто не будет.

– Ты за меня не бойся, сынок, ты за себя бойся.

– Все, хватит! – вскинул руки Кирилл. – Голосовать так голосовать.

На завтрашний день с небольшим перевесом руководителем группы был выбран Иннокентий.

– Ну что, народ, по койкам, – предложил он. – Желаю уснуть пораньше. – Он замолчал, а потом добавил: – Кажется, метель начинается. Если развоется – уснуть будет трудновато.

Александра проснулась и не сразу поняла, где находится. За окном был серый мрак и кружились-вихрились белые кольца метели. Они то сплетались друг с другом, злобно рыча, то, покрхтывая, уносились прочь. А потом все начиналось сначала. Вихри рождались, ширились, опадали, умирали, и на смену им приходили новые. Метель разыгралась нешуточная. Раньше такую метель она видел только в кино и на картинках, а здесь она была рядом, грозная, неминуемая.

Выражение «разгулявшаяся стихия» набило оскомину. Но стоит увидеть эту стихию лицом к лицу, как становится понятно, что все это – правда. И стихия действительно способна разгуляться. Да еще как!

Александра посмотрела на экран дисплея сотового. Половина первого ночи. Ей захотелось пойти вниз, на первый этаж. Она оделась и, закрыв за собой дверь, спустилась по лестнице. Было чувство, что дом необитаем: никаких звуков. Внизу в холле горел слабый огонек-ночник.

Александра подошла к окну в холле.

Свет от дома падал на ели, подкрашивая их тусклым, едва различимым желтым светом: лапы елей были почти не видны в этом снежном вихре, завывавшем с ожесточенной силой.

Александра стояла и смотрела туда, в темноту, в глубину елей, как будто бы они были одушевленными существами и могли что-то сказать ей, прошептать, поведать.

Внезапно ей почудилось какое-то движение между веток, словно огромный бурый медведь продирался через эту чащобу. Она с напряжением всматривалась в темноту и вдруг вздрогнула: крошечный золотистый огонек замерцал среди елей, а потом очертился темный силуэт. А чуть подалее – второй огонек. Что за бред! Александра подалась вперед: сомнений не было. Какой-то человек шел на лыжах к дому. В такую-то метель! Александра бросилась к выходу, в дверь постучали, она распахнула ее, и клубы слепящего белого снега ворвались в холл.

Лыжи он уже снял и держал в правой руке. За спиной был рюкзак. Ни слова ни говоря, он отряхнул ботинки веником и прислонил лыжи к стене. Затем стянул шапочку с головы и посмотрел на нее.

Сердце захолонуло так, что во рту появился привкус льда. Это был он, мужчина, которого она видела в аэропорту, в баре, и в чьи руки сразу влюбилась. Мелодия фаду долетела сюда, в этот деревянный терем, и свернулась клубочком у ног мужчины, как прирученный котенок.

– Вы? – выдохнула она.

Он посмотрел на нее с удивлением.

– Что?

– Простите, вы как сюда попали?

Александр показалось, что он был готов улыбнуться, но сдержался.

– Через лес.

Она кивнула, по-прежнему заворуженно смотря на него.

– Можно я пройду? – спросил он. – Чертовски устал добираться сюда. На улице, знаете ли, метель. Непогода. Где здесь кухня? Хотелось бы выпить горячего чаю.

– Я принесу, – вырвалось у Александры. – Вы сидите. Отдыхайте. Я сейчас. Направо – каминная. Я принесу чай туда.

– Спасибо. Премного благодарен.

– Вы к нам? – все было нереально и непонятно. – Я имею в виду – к нам в группу? Или вы заплутали в лесу? И как вы могли выехать в такую метель?

– Так много вопросов, даже и не знаю, на какой отвечать. Вы что-то говорили о горячем чае?

– Да-да, – встрепенулась Александра. – Минуту.

И она метнулась в сторону кухни.

Где здесь можно найти чайник? Черт! Черт! Черт!

Марью Ивановну она будить не хотела, да честно говоря, и не знала, где та обитает – в какой из комнат гостиницы.

Александра нашарила на стенке выключатель и щелкнула кнопкой. Свет залил кухню. Чайник стоял на столе.

Она включила его, ощущая, как ее бьет дрожь.

«Кто он? Почему здесь? Что теперь будет? Надолго ли он?»

Мысли то кружили, возвращались к тому моменту, когда она его впервые увидела в баре, то ныряли, проносились с ужасающей быстротой. Чайник отключился, и этот звук возвратил ее в реальность.

Александра раскрыла шкафчик и, сняв с полки большую кружку, бросила туда пакетик заварки и налила кипяток.

Когда она вошла в каминную, мужчина сидел в кресле у камина, протянув к нему руки. При звуке шагов он повернул голову.

– Ваш чай.

– Спасибо. – сказал он, принимая из ее рук чашку.

– Забыла сахар.

– Я пью без сахара.

Она отошла от него и встала, прислонившись к стене.

– Вы садитесь. В ногах, говорят, правды нет. Но я не проверял.

Она села в кресло напротив, крепко вцепившись руками в подлокотники. Мужчина пил чай большими глотками, не глядя на нее и думая о чем-то своем.

– Вы из группы? – наконец спросил он.

– Да.

– Все в сборе?

– Да.

– И сколько нас?

«Нас, – пронеслось у нее в голове. – Значит, он к нам».

И словно подтверждая ее мысли, он сказал.

– Я не успел к началу. Но главное, что не опоздал к лыжному походу, так что ничего страшного. Как вам нравится?

– Что?

– Все: дом, обстановка, люди...

– Нравится.

Наверное, со стороны она выглядит ужасно по-дурацки, ей задают вопросы, а она отвечает односложными репликами. Как на экзамене. Нет чтобы дать развернутые красивые ответы.

– Здесь отлично: бассейн, сауна, баня, бильярдная...

– Я понял, – остановил он ее взмахом руки, – вам обстановка подходит.

– Да.

– А люди как?

– Люди? – растерялась она. – Нормально.

Не рассказывать же ему, что они все грызутся по каждому поводу.

– То есть они вам нравятся меньше камина и бассейна? – Невольно она рассмеялась. – Чай замечательный. Спасибо. А можно еще?

– Конечно. Может быть, вы хотите поесть?

– Спасибо. Я сыт.

Дрожь в теле прошла, но теперь слабо кружилась голова.

Когда она вернулась, он сидел по-прежнему на своем месте и задумчиво смотрел на огонь.

– Ваш чай.

Но он даже не повернулся к ней.

Александра застыла с чашкой в руке – окликнуть или подождать? О чем он думает?

Она сделала несколько шагов к нему.

– Я вижу вас, – услышала она. – Поставьте чай на столик...

Ей подумалось, что ему хотелось сказать «...и проваливайте ко всем чертям. Оставьте меня в покое».

– Как вас зовут?

– Александра.

– «Победительница».

– «Победа» – это Виктория.

– Вы что-то имеете против Александра Македонского, завоевавшего пол-мира? – В его голосе послышались нотки удивления.

Она тихо рассмеялась.

– Нет. Ничего не имею.

– Вот видите. Хорошее у вас имя. Царственное.

Он снова задумался.

– А вас?

– Что? – Наконец-то он повернул голову в ее сторону и посмотрел на нее.

– Кажется, я вас где-то видел. Мы встречались раньше?

– Да.

– И где?

– В московском аэропорту, в баре. Там еще играла музыка фаду.

– Бар помню. Фаду и вас – нет. А... вспомнил! Вы сидели за дальним столиком. И смотрели на людей.

«Пялилась на тебя, скажи проще. Но ты меня запомнил – и то хорошо. Я для тебя не безличная единица. Во всяком случае – хотелось бы так думать». Александра кивнула.

– Это была я.

– Странно.

Но что было странным, он не пояснил, а Александра не спросила. От стояния постепенно затекали ноги, да еще отдавала боль в травмированной ноге. Но присесть, как в прошлый раз, он ей не предложил и тем самым сигнализировал, что хотел бы поскорее избавиться от ее общества. Но уходить она не хотела.

– Как вас зовут?

Он скользнул по ней взглядом, и словно тяжелые блики огня полыхнули в нее.

– Вячеслав. Для своих – Слава.

– Слава, – прошелестела она одними губами.

Раздался шум, кто-то спускался по лестнице.

– Эй, – это был Игорь. – Кто здесь? – Его взгляд упал на Александру. Вячеслава ему видно не было. – Ты с кем говоришь?

– У нас новый член группы. Вячеслав.

– Да? – Игорь уже подходил к ним. – А вы откуда?

Вячеслав вздернул подбородок чуть вверх.

– Оттуда. – И кивнул в сторону леса.

– Из леса? – повертел головой Игорь. А потом с шумом втянул в себя воздух. – Но там же эта... метель. Как вы пришли-то? Прилетели на голубом вертолете? – И он хихикнул от собственной шутки.

– Давайте все завтра. Я устал и хочу спать. Где моя комната?

– Посмотрите на щитке в холле. Там висят ключи от свободных номеров.

– Понял. До завтра. И всем спокойной ночи.

Рюкзак по-прежнему красовался посередине комнаты. Сна не было, и Александра решила принять душ. На полочке в ванной были расставлены шампуни, гели для душа и бальзамы для волос и тела. Большое белое полотенце пахло яблоком, хотелось принять горячую ванну и согреться. Зимой Александра любила подолгу лежать в ванне и отмокать с книжкой в руках. Почему-то в ванне она любила читать тоненькие дамские романы с яркими обложками, с изображениями красивых женщин и знойных мужчин. Эти книжечки проглатывались за один раз. Потом, когда скапливалась стопка, она отдавала их в библиотеку недалеко от дома.

Но сейчас ей был нужен душ, контрастный душ, чтобы прогнать все мысли. Она включила воду, и тугие струи ударили по телу. Но все равно она постоянно возвращалась к Вячеславу. Было странно осознавать, что он – в их группе и она будет сталкиваться с ним каждый день...

Неожиданно раздался звук открывшейся двери. Александра замерла. Может быть, показалось? Но через некоторое время она явно услышала шаги: кто-то ходил в комнате. Потом раздался легкий свист. Она выключила воду и, кое-как обмотавшись полотенцем, вышла из ванной. И здесь она остановилась как вкопанная. Посередине комнаты стоял Вячеслав и с удивлением смотрел на нее. А Александра – на него.

– Вы откуда? – выдохнула она.

С нее стекала вода, и вообще она чувствовала себя ужасно.

Мужчина повертел головой и посмотрел на дверь, словно хотел там обнаружить еще один выход.

– Через дверь, а что?

– Как вы могли? Даже без стука...

– Без стука, – повторил Вячеслав, как будто бы хотел прояснить для себя какие-то моменты. – Я должен стучать в дверь?

Александра постепенно приходила в себя.

– Неплохо бы, когда входите в номер к незнакомым людям.

– В мой номер? Я должен стучать, чтобы войти в мой номер? – Он громко расхохотался. – А вот что здесь делаете вы? Похоже на типичную дамскую уловку!

– Вы о чем?

– Ну, это так банально, – протянул он издевательским тоном. – Проскользнуть к мужчине в номер, занять ванную и потом выйти... – Он смерил ее взглядом.

Александра вздрогнула, как от удара.

– Вы сошли с ума!

– Ничуть. Что-то пошло не так? Я разрушил ваш хитроумный план?

Полотенце все время норовило сползти с нее, и было страшно неудобно его поправлять.

– Какой план?

– Вы удивительно наивны или притворяетесь?

– А вы – хам, – с расстановкой сказала Александра. – И редкостный. Потрудитесь выйти из моего номера.

– «Потрудитесь», «моего номера». ... Сколько слов! Я устал и хочу спать, в конце концов, дорога меня утомила. Давайте разойдемся по-хорошему. Вы же не хотите, чтобы я взял вас в охапку и вынес в коридор? Так можно привлечь внимание людей. Или вам уже все равно?..

Александре затрясло.

– Это мой номер, и выметайтесь отсюда...

– Да? – Вячеслав вынул из кармана брюк ключ с номерком и подкинул его вверх. – Вот. Вы читать умеете? Смотрите, какие тут цифры.

Александра не верила своим глазам. Номерок был с цифрой семь. Ее номер!

– Да... – упавшим голосом сказала она. – Но это мой номер. Я клянусь...

Решительным жестом он отмел ее слова.

– Свои клятвы приберегите для кого-нибудь другого. Говорю же: я устал и хочу спать. Можете идти в свой номер. Только не ждите, что я буду вас провожать...

– Сейчас... сейчас... я найду свои ключи. Да отвернитесь же, – с досадой сказала Александра, поправляя полотенце. – Дайте мне одеться.

– Опа! Вы уже и свой скарб сюда перетащили, – присвистнул Вячеслав, натываясь взглядом на ее рюкзак. – Оперативненько...

– Заткнитесь! – бросила Александра. – Сию минуту!

– А то что?

– Ничего...

Господи! Она накинула халат, путаясь в пуговицах. Метнулась обратно в ванную и, кое-как застегнув его, влетела обратно в комнату.

Господи! Где же этот ключ? Кажется, она положила его на тумбочку. Где же он?

На тумбочке его не было, она обежала глазами комнату. Нигде нет. На всякий случай она опустилась на колени и заглянула под кровать.

– Может быть, номерок в окно улетел? – не унимался Вячеслав.

– Я правда не знаю, – упавшим голосом, сказала Александра. – Но он был. Клянусь, и это мой номер.

– Докажите.

– Но вы же видите, я ищу, – чуть не плача выдавила Александра.

– Плохо ищите.

– О чем мы спорим? Вам что, трудно перейти в другой свободный номер?

– Может быть, лучше перейти вам?

– А вы что в этом номере забыли?

Разговор незаметно перешел в словесную перепалку.

Вячеслав подошел к окну и отодвинул занавеску.

– Меня здесь привлекает красивый вид из окна.

– Вы за видом сюда приехали? Ехали бы тогда на Мальдивы или Сейшелы. Вот там вид... Океаны, пальмы...

– Вы, я вижу, специалистка по Мальдивам. Но не учите меня, где мне лучше отдыхать.

– Я не учу. Я пытаюсь разрулить ситуацию.

– Плохо пытаетесь.

– А вы вообще стоите сложа руки.

– Сейчас сложу ноги. Я просто жду, когда вы уйдете.

– Не дождетесь, в таком случае вам придется ждать всю ночь.

– Интересно... – повертел головой мужчина. – Вы откуда... такая агрессивная? С вами спорить – невозможно... Я мог бы применить силу, но я – джентльмен и не стану применять меры физического воздействия к даме.

И здесь Александра расхохоталась. Она хохотала громко, забыв о правилах приличия, забыв о том, что этот мужчина ей нравился до коллик. До дрожи в коленках. Еще полчаса назад.

Он посмотрел на нее и, покачав головой, вышел, плотно закрыв за собой дверь. Но перед этим положил ключи от номера на тумбочку.

А Александра все еще продолжала хохотать, она упала в кресло и продолжала смеяться, пока на глазах не выступили слезы. Она поняла, что у нее – форменная истерика.

Истерика прекратилась так же внезапно, как и началась. Александра шмыгнула носом и заплакала, уже тихо, без надрыва, слезы сочились, текли из нее, как вода из лесного родника. Наверное, ей было необходимо выплакаться, чтобы снять то напряжение, которое скопилось у нее внутри. Вытерев слезы полкой халата, она захотела выпить горячего чая. Из рюкзака она достала кружку с изображением Буськи, вскипятила воду и бросила туда пакетик заварки.

«Молодец, – казалось, говорила ей Буська. – Отбрила этого хама. Уважаю. Пусть знает наших».

– Все так, Бусь, – устало сказала Александра. – А теперь нужно спать, а то я завтра буду как вареная курица. – Перед сном она почему-то вспомнила о втором огоньке рядом с Вячеславом. С ним был кто-то еще? Или ей показалось? И куда делся второй человек, если он был? Она подошла к окну, и здесь – сомнений не было – блеснул огонек и еще что-то, похожее на бинокль. Кто-то стоял и наблюдал за гостиницей и людьми? По спине пошла дрожь. И она быстро отошла от окна.

К утру метель утихла. Еще до завтрака Александра решила пойти поплавать в бассейне.

Она сложила в большой пакет купальные принадлежности, запихнула туда банное полотенце и направилась на первый этаж.

Переодевшись в душевой, она вышла в бассейн и зажмурила глаза от неожиданно яркого света. Одна стена бассейна выходила прямо в лес, и были видны темные, почти черные елки, стоявшие неровной грядой. В глаза бросился небольшой водопадик: вода стекала сверху дуги, построенной над бассейном, и с брызгами спадала в него.

Около дальней стенки плескался Петр Васильевич, что-то напевая про себя. А вот у другой стенки... был ОН! Сразу захотелось развернуться и убежать. Но со стороны это выглядело бы смешно.

Значит, нужно было сделать «независимый вид», нырнуть в воду и плавать, как будто бы этого хама не существует в природе.

Кажется, он еще разглядывает ее, вспыхнула Александра, было ощущение, что она не в купальнике, а полностью раздета. Хотелось прикрыться руками или накинуть на себя полотенце, которое осталось в раздевалке. Стоять тем не менее было глупо, надо было прыгать в воду и плыть. Александра сделала несколько шагов вперед. Лесенка была около НЕГО. А идти в ту сторону – страшно, нужно попытаться просто нырнуть в воду. Без всякой лесенки. Когда она уже стояла у бортика, на влажной кафельной плитке, нога поскользнулась и она плюхнулась в бассейн, подняв вокруг себя фонтан брызг. Александра отчаянно колотила по воде руками и ногами, ничего не видя. Наконец она открыла глаза и увидела, что ее несет прямо на водопад и на мужчину, который находился рядом. Она охнула и с ужасом поняла, что водоворот, образовавшийся у водопада, засасывает ее и выносит прямо на этого хама.

Она натолкнулась на его тело, вокруг них бурлила вода, ей пришлось обхватить его руками, чтобы удержаться. Под водой его тело дробилось, отсвечивало водными бликами, загорелые части мелькали перед глазами. На груди шевелились какие-то змеи. Татуировка, решила Александра. Она уткнулась носом в его грудь, и тут сильная мужская рука вытащила ее из воды.

– Вам плохо? – участливо спросили ее. – Вы не умеете плавать?

Она фыркнула, выплевывая воду:

– Умела. В детстве.

– Говорят, что навыки, приобретенные в детские годы, не пропадают, а вы вроде доказываете обратное.

– Мне... по правде плохо... – Все перед глазами мелькало, кружилось, казалось, что сейчас она потеряет сознание прямо в воде. Ее сильно хлопнули по спине, и в этот момент из глаз, ушей, рта хлынула вода. Она отфыркивалась, мотая головой, и откашливалась.

– Сейчас станет легче. Вы аккуратней ныряйте.

– Я не хотела, так получилось...

Александра боялась поднять глаза на Вячеслава. А когда подняла, увидела, что он смотрит на нее пристально, серьезно и даже не смеется.

Она немного приободрилась.

– Бывает...

– Но все-таки будьте осторожней в следующий раз. – И здесь он неожиданно заправил мокрую прядь волос ей за ухо. И улыбнулся.

Он нырнул и уплыл от Александры, уверенно и сильно рассекая воду взмахами рук. А она стояла и смотрела ему вслед, ощущая, как горит ухо, до которого он дотронулся.

Плавать расхотелось. Александра выползла из воды, карабкаясь по лесенке, и быстренько ушла в раздевалку.

Только в номере она ощутила, как ее охватывает нестерпимый стыд. Это надо же, так опозориться! Теперь она уже никогда не сможет с ним встретиться как ни в чем не бывало и завести обычный разговор. Ей просто стыдно ему даже в глаза смотреть! И в то же время помимо ее воли в памяти всплывали сильные мужские руки, грудь с татуировкой и жест, которым он заправил ее волосы за ухо. Александра вспомнила, как некоторые люди, обменявшись рукопожатием со звездами, потом несколько дней не мыли руки, и поняла, что такая же участь ждет ее ухо.

Завтракать не хотелось, она лежала в кровати и дремала, когда услышала стук и Лилькин голос:

– Открой!

Александра вскочила с кровати и открыла дверь.

И застыла, пораженная Лилькиным видом:

– Лиль! Ты чего?

На бледном Лилькином лице были видны одни огромные глаза...

Она ввалилась в комнату и без сил упала в кресло.

– Какой кошмар! Ты даже не представляешь!

– Что-то случилось? Объясни толком.

– Толком – не могу. Это – катастрофа.

Александра молчала. Лилька полулежала в кресле, прикрыв глаза.

– Помнишь, я тебе рассказывала про одного мужчину, за которого чуть не вышла замуж?

– Помню.

– Он – здесь.

Кровь ударила Александре в лицо.

– Это – кто? – глупо спросила она, зная ответ.

– Ну этот... кто, оказывается, приехал сюда вчера ночью. Ты его видела?

– Да. Утром столкнулась в бассейне.

– Это – моя погибель, – выдохнула Лиля. – Хорош мужик, правда?

– Ничего особенного, – солгала Александра. – Он правда симпатичный. Но не более того. Такие пачками везде валяются, – прибавила она.

– И где ты видела эти пачки? – с горечью произнесла Лилька. – Поделись, пожалуйста.

– Лиль, какой бы он ни был, это – прошлое. А сейчас у тебя – Кирилл. Отличный парень, спокойный, надежный. А этот... хам, каких поискать. Я уже в этом убедилась. Что было, то было, а теперь впереди у тебя совсем другая жизнь.

– Сань! Подойди сюда! – попросила Лиля.

Та подошла, и Лилька взяла ее за руку.

– Знаешь Сань, мне иногда снится, что мы с ним лежим в постели и целуемся, и я просыпаюсь в слезах и одновременно такая счастливая. – Голос Лильки дрогнул. – Я помню все: как мы с ним познакомились в Праге. Потом мы поссорились, и он уехал в Лондон, а я рванула за ним. И как там, в маленькой комнатке, где мы жили, я была так счастлива, как никогда в жизни. А потом я сделала одну ошибку, Сань, только не спрашивай меня какую. Я все равно тебе не скажу. И все закончилось. В один момент. – И Лилька тряхнула головой. – А... теперь...

– А теперь у тебя другая жизнь, – подхватила Александра. – И не надо возвращаться к тому, что было.

– Легко сказать, – тихо произнесла Лилька. – А вот сделать это... намного трудней. Хотя он – человек с темным непонятным прошлым, и наверное, лучше было бы держаться от него подальше. Но этот совет был точно не про меня!

Они замолчали. Внутри у Александры бушевала буря. И что теперь будет? Здесь же Кирилл! А если Лилька опять захочет все вернуть, что тогда? Как ОН отреагирует на это? А если Вячеслав тоже до сих пор любит Лильку? И с удивлением Александра обнаружила, что этот вопрос ее волнует...

– Ладно, – сказала Лилька, поднимаясь с кресла. – Надо идти завтракать. Интересно... – протянула она. – Как он на меня отреагирует? Я его видела, а он меня еще нет. Сань, а я... хорошо выгляжу? Ну, в смысле... нормально?

– Выглядишь ты замечательно, – заверила ее Александра. – Просто отлично.

– Спасибо. А знаешь... – сказала Лилька, усмехнувшись. Она стояла около двери и держалась за ее ручку. – Иногда я даже завидую твоему спокойствию и думаю: а может быть, лучше мне было вообще не влюбляться в него? Жить тогда мне бы было намного легче.

– Да... наверное, ты права.

Лилька исчезла за дверью, а Александра стояла как в столбняке. Все было непонятным, странным, более того – кошмарным. Ну кто бы мог подумать, что мужчина, которого без памяти любила Лилька и о котором когда-то рассказывала Александре, и сегодняшний Вячеслав – одно и то же лицо... А самое ужасное, что она, Александра...

И в этом месте Александра сердито сказала сама себе, что пора идти завтракать. А все остальные мысли нужно гнать прочь.

В столовой народ сидел тихо и уже ел, когда Александра вошла в зал. За ее столиком завтракали Кирилл и Петр Васильевич. Лильки не было.

– Всем доброе утро, – поздоровалась Александра. – А где Лиля? – обратилась она к Кириллу.

– Сейчас придет, – буркнул он. Очевидно, Кирилл был не в духе.

– Любит молодежь опаздывать. – покачал головой Петр Васильевич. – Неправильно это. Жизнь – она точность любит и порядок.

Намазывая масло на хлеб, Александра обвела глазами зал. Вячеслав сидел со студентом Дмитрием, который ел и одновременно что-то смотрел в своем айфоне. Внезапно Дмитрий нахмурился и вскинул голову, словно хотел что-то сказать.

И здесь появилась Лилька. Одета она была в струящееся розовое платье с большим вырезом. В ушах поблескивали сережки, золотая

цепочка с бриллиантовым кулоном обвивала шею. Все взгляды устремились на нее.

– Доброе утро! – весело сказала Лиля. – Приятного аппетита.

Александра бросила взгляд на Вячеслава. Тот поднял голову и застыл. А Лилька тоже смотрела на него. Не отрываясь. Александре почудилось, что воздух словно наэлектризовался от взглядов этих двоих. Ей даже послышалось потрескивание, как от электрического разряда во время грозы. Она посмотрела на Кирилла. Тот сидел мрачный и никак не реагировал. Может быть, не знает о Лилькином увлечении, вряд ли она рассказала ему об этом...

Лилька прошествовала к ним и опустилась на стул. Она тяжело дышала, как будто только что пробежала стометровку.

– Выглядишь сногшибательно! – сказала Александра.

– Да? – Лилька взяла вилку и нож в руки и закусила губу. У нее был такой вид, что казалось: сейчас она вот-вот заплачет. Лилька устала в тарелку с отрешенным видом, ничего не замечая вокруг.

– Лиля! – громко сказала Александра, желая вывести ее из этого ступора. – Попробуй омлет. Он очень вкусный. Я такого в Москве сто лет не ела.

– Послушайте! – неожиданно на весь зал прогремел голос Иннокентия. – Если это чья-то шутка, то очень дурная. И шутнику следует немедленно извиниться перед всеми. – Александра повернулась в сторону Иннокентия. Он стоял и потрясал своим телефоном. – Только что мне пришло на почту странное письмо... – И он принялся читать: *«Поход начался... На лыжи мы еще не встали, но этот момент скоро наступит. Мы должны преодолеть на лыжах не менее 350 километров и совершить восхождение на североуральские горы Отортен и Ойко-Чакур. Мы уже в Вижаяе и остановились в местной гостинице...»* Чьи это шуточки, а?

– Мне тоже, – громко сказал Дмитрий. – Мне тоже это пришло. Я хотел сказать, спросить...

– Блин! – брякнул Кирилл. – Мне тоже самое... Кто это? Уши бы поотрывал уроду.

– Это же о группе Дятлова. Ну, о той самой знаменитой группе Дятлова... – возбужденно зазвенел голос Алексея.

– Это те, кто все погибли? – спросила Лилька.

И внезапно в зале стало тихо, так тихо, что стук ножа, который Александра положила рядом с собой, показался ей трубным гласом.
Все молчали и растерянно переглядывались друг с другом.

Глава четвертая

Тропой невидимых слез

*Находясь на вершине горы, мы всматриваемся
в пропасть.*

Упав в бездну, созерцаем небо.

*Виктор Гюго. «Человек, который
смеётся»*

Первым молчание, воцарившееся в зале, нарушил Кирилл:

– Давайте вести себя так, как будто бы ничего и не было. Зачем мы позволим какому-то идиоту портить нам отдых?!

Все снова уткнулись в свои тарелки и принялись за еду.

Петр Васильевич крикнул, погладил усы, хотел что-то сказать, но – промолчал.

После завтрака Александра распрощалась с Лилькой и Кириллом, направившимися к себе в номер: Лиля выглядела безучастной и подавленной, Кирилл – нахмуренным. Насчет своих ближайших планов они ничего не сказали, Лилька только прибавила, что у нее страшно болит голова и она ляжет отдохнуть.

В номере Александра достала маленький ноутбук, который в самый последний момент сунула в рюкзак – сама не зная зачем. Компьютером она пользовалась не каждый день; в социальных сетях не торчала, блог не вела, словом, как выражается современная молодежь, продвинутым юзером не была. Этот маленький комп она купила два года назад. Консультант, который его рекомендовал, молодой парень лет девятнадцати, разливался соловьем. И компьютер он почему-то все время называл *лэп-топ*. По-английски. Расхваливал характеристики, напирал на известный бренд. Александра скосила глаза на полку, где стоял ряд других ноутов. Они все были одинаковыми – с черными поблескивающими корпусами. А этот был сливочно-белый, как сахарный. И Александра почему-то сразу влюбилась в него, хотя стоил он в два раза дороже, чем стоявшие на полке. С одной стороны, понятно: задача консультантов – впарить

товар любой ценой. Но с другой стороны, глаза у тебя есть. Хочешь – покупай, не хочешь – не бери. Последний и окончательный выбор – за тобой. После недолгого колебания Александра решила: куплю этот белый. Раз понравился, надо брать.

И вот теперь, раскрыв этот *лэп-топ* (вспомнила она словечко консультанта) и вбив пароль вай-фая, Александра набрала в поисковике группу Дятлова. Она слышала об этой трагической истории, случившейся с группой туристов в горах Урала и раньше, но сейчас хотела узнать подробнее. Ссылок и информации было много. Старушка вики и другие источники сообщали следующее:

Гибель тургруппы Дятлова – событие, случившееся предположительно, в ночь с 1 на 2 февраля 1959 года на Северном Урале, на перевале, когда при невыясненных обстоятельствах погибла группа из 9 туристов, возглавляемая Игорем Дятловым.

Смерть туристов до сих пор продолжает привлекать внимание исследователей, журналистов, политиков своими неразгаданными тайнами и загадками.

Поход группы был приурочен к XXI съезду КПСС. За 16 дней участники похода должны были преодолеть на лыжах не менее 350 км по северу Свердловской области и совершить восхождения на североуральские горы Отортен и Ойко-Чакур. Поход относился к 3-й (наивысшей) категории сложности по имеющейся на тот день классификации спортивных турпоходов.

23 января группа выехала на поезде из Свердловска в Серов, куда прибыла утром 24 января. Вечером того же дня группа выехала на поезде в Ивдель и прибыла туда около полуночи. Утром 25 января туристы на автобусе выехали в Вижай, где заночевали в гостинице.

Утром 26 января группа на попутке выехала в посёлок лесозаготовителей (пос. 41 квартала). 27 января они сложили рюкзаки на выделенную начальником лесучастка подводу, встали на лыжи и отправились в посёлок 2-го Северного рудника, входивший ранее в систему Ивдельлага. В тот же день обнаружилось, что один из участников Юрий Юдин из-за боли в ноге (воспалился седалищный нерв) не может продолжать поход. Утром 28 января Юдин, попрощавшись с группой, вернулся назад с подводой. Дальнейшие события можно реконструировать лишь с помощью обнаруженных дневниковых записей и фотографий участников похода.

Первые дни похода прошли без особых происшествий. 28 января туристы, выйдя из 2-го Северного поселка, продвигались на лыжах вдоль реки Лозьвы и заночевали на её берегу. 29 января был совершён переход к стоянке на притоке Лозьвы – Ауснии по тропе манси. 30 января группа продолжала продвигаться вдоль Ауснии по санно-оленьей тропе манси. 31 января дятловцы подошли к горе Холатчахль и попытались подняться по склону. Им помешал сильный ветер, они были вынуждены вернуться обратно к Ауснии и там заночевать.

1 февраля группа, оборудовав в долине Ауснии лабаз (склад части вещей и продуктов, не нужных при восхождении на Отортен), поднялась на склон горы Холатчахль (Холат-Сяхыл) и остановилась на ночлег недалеко от безымянного перевала (впоследствии названного перевалом Дятлова).

12 февраля группа должна была дойти до конечной точки маршрута – посёлка Вижай и оттуда отправить телеграмму в институтский спортклуб. 15 февраля следовало вернуться в Свердловск. Но в нужное время группа в городе не появилась. И телеграммы от нее не было. За судьбу туристов стали беспокоиться родные.

Когда же 16–17 февраля из УПИ связались с Вижаем и задали вопрос, возвращалась ли группа из похода, то им ответили, что нет.

Начались поисковые работы. И здесь выяснился интересный факт: точный маршрут, по которому собиралась отправиться группа, был неизвестен, так как маршрутную книжку Дятлов в спортклуб УПИ не сдавал. Маршрут был восстановлен благодаря сестре одного из пропавших Римме Колеватовой.

22 февраля турсекцией УПИ были сформированы три группы поисковиков. На месте к поискам присоединились военные и группа оперативных работников с розыскными собаками, саперы с миноискателями и курсанты. Также к поисковикам присоединились местные жители – представители семейства манси Куриковых (Степан и Николай) и Анямовых, охотники, радисты с рациями для связи.

Поиски было решено начать в районе от горы Отортен до Ойко-Чакура. Отрядам поисковиков ставилась задача найти следы пропавшей группы. Ещё одна группа, в составе которой были манси и радист-геолог, начала движение с низовьев Ауснии к её верховьям...

Александра прервала чтение. Ей стало не по себе. Ее мысли вернулись к письму, которое туристы получили по электронной почте. Похоже, что какой-то псих решил сыграть с ними в виртуальную страшилку. То, что в Интернете развелось много психов и неадекватных людей – известно уже давно. Причем анонимность усиливает неадекватность. Сама мысль, что ты можешь безнаказанно лгать, гадить и обливать потоками грязи, некоторым психически нездоровым людям просто кружит головы. Уже писали о том, что матерщинник в жизни может быть затюканным подкаблучником, а смелый разоблачитель коварных замыслов правительства и мировой закулисы – безработным со стажем, который собственную лень и неумение наладить жизнь списывает на чьи-то происки.

Так и здесь, видимо, кто-то решил сыграть на их нервах и поглумиться. Возможно, это какой-то, как выражались в старину, *тайный недоброжелатель*. Александра забарабанила пальцами по столу. Но откуда он узнал адреса их почты? Ладно Лилька, Иннокентий, студент Дмитрий... – они, вероятно, активно пользуются Интернетом, но ее почта... куда приходил только спам рекламной рассылки интернет-магазинов да Лилькины редкие письма. Кстати, вспомнила Александра, она указывала адрес своей электронки, когда заполняла анкетные данные в турфирме. Значит, какой-то псих подсмотрел их анкеты и решил им всем разослать однотипные сообщения. Нагнать страху. Александра повертела головой. Ну и ну! Балуется же народ таким вот способом, адреналин себе разгоняет... Придурок! Она сердито захлопнула крышку *лэп-топа*, но тут же открыла и сверила – на всякий случай! – координаты их местонахождения с маршрутом группы Дятлова.

Получается, находятся они от того места довольно далеко, и никаких оснований для страха или паники нет. А этот гад пусть подавится собственным страхом!

От этих мыслей стало немного легче. Александра решила пройтись вокруг гостиницы – погулять. Плавать в бассейне ей уже не хотелось. Наплавалась с утречка! А вот совершить променад перед обедом, нагулять аппетит – самое оно.

Одевшись потеплее и повязав шею Лилькиным ярко-оранжевым шарфиком, Александра спустилась вниз. Было искушение постучать в дверь к Лильке и предложить ей прогуляться. Но эта мысль так же

быстро улетучилась, как и появилась. Сейчас подруга не в том состоянии, чтобы составить ей компанию. Все мысли Лильки крутятся вокруг Вячеслава, и вряд ли она станет думать и говорить о чем-то другом. Быть жилеткой Александра не хотела, хотя в другое время она с удовольствием утешила бы Лильку. И сделала все, чтобы та поскорее забыла предмет своего прошлого обожания.

Но сейчас эта мысль была ей почему-то неприятна. Спускаясь вниз, Александра никого не встретила. Неужели это письмо так всех напугало, что туристы сидят по своим номерам и носа никуда не кажут?! Ну и ну! И это взрослые люди, которые собираются идти в не самый легкий лыжный поход.

На улице было довольно холодно, холоднее, чем в Москве. Здесь уже была настоящая зима, тогда как в Москве она только начиналась.

Тропинки были расчищены от снега, а лавочки – напротив, покрыты настоящими сугробиками с наметенными холмиками.

Александра направилась в сторону леса – туда, где начиналась лыжня. В какое-то мгновение она пожалела, что не взяла с собой лыжи, можно было проехать немного, посмотреть лес... Рядом с лыжней шла дорожка. Александра пошла по ней, не успела она пройти несколько метров, как послышался шум, кряхтение – словно небольшой паровозик, мчался на всех парах лыжник в низко надвинутой черной шапочке.

– Э-ге-ге, – услышала она. – Посторонитесь! – Она едва успела отпрыгнуть в сторону, как около нее затормозил лыжник. Александра узнала Петра Васильевича по пышным усам.

– Чуть не зашиб, – протянул он. – Вовремя в сторону крякнулись.

– Как лыжня?

– Отличная. Для меня хорошая. Как для других – не знаю.

– Скорее бы в поход, – непонятно почему сказала Александра.

– Торопишься куда? – удивился Петр Васильевич. – Все мое время.

– А как вы относитесь к письму? – неожиданно спросила Александра.

– Какому письму?

– Которое пришло нам всем на почту.

Петр Васильевич крякнул и ничего не сказал. Напрасно Александра ждала хоть какого-то ответа, опровержения типа:

ну балуется чудак, бывает. Но ее сосед по обеденному столику молчал, а потом взмахнул лыжной палкой в знак прощания и откатил от нее.

Отходить далеко Александра не хотела; решила обойти гостиницу по периметру. Воздух был свежайший, мороз пощипывал, все вокруг было тихо, даже не верилось, что ночью была метель. И мело так, что ничего видно не было.

Она обходила гостиницу, иногда проваливаясь в снег по колено. Там, где стояла сторожка, как окрестила она домик с охранниками, была кирпичная стенка, и так просто к сторожке было не приблизиться. На цепи около будки сидела овчарка, поэтому подходить Александра не рискнула. Она сделала почти полный круг и теперь стояла с той стороны, куда выходили ее окна. Нос уже начал замерзать, она стянула варежку и потерла нос рукой. От неловкого движения варежка упала – отлетела под ближнюю елку, теперь нужно было наклониться и достать ее оттуда. Нырнув под мохнато-пушистую разлапистую ветку, с которой сразу посыпалась легкая россыпь снега, Александра обратила внимание на бычок, лежавший на снегу. Очевидно, кто-то здесь стоял и курил, а потом бросил, даже не втоптав, справедливо решив, что под елку вряд ли полезут и поэтому можно было не опасаться наследить. И здесь Александра замерла, она вспомнила: перед тем как ложиться спать, она подошла к окну, смотрела на край леса и увидела, как в темноте что-то блеснуло, похожее на стекла бинокля. И еще был темный силуэт. Получается, некто стоял и смотрел на ее окна. Или не на ее? В конце концов, сюда выходят окна трех номеров. Но зачем? И кто этот человек? И тут Александре стало страшно, она выбралась из-под елки и быстрым шагом направилась к гостинице.

В номере она с трудом отдышалась, а потом задумалась. Что делать? Если письмо отправил какой-то псих, выкрав или подсмотрев их электронные адреса, то человек, стоявший около елки, был живой, во плоти, а не какая-то *виртуальная реальность*. И с кем ей посоветоваться по этому поводу? С Лилькой? Ей сейчас не до чего. С Петром Васильевичем? Станет ли он с ней вообще разговаривать? Со студентом Дмитрием? Смешно! С Татьяной? Та пошлет ее куда подальше. То же самое сделает ее сожитель Игорь. Вячеслав? Это вообще отмечается на корню. Не сможет она с ним разговаривать. Иннокентий? И здесь Александра решила,

что в принципе – это неплохая кандидатура. Он спокоен, рассудителен, не истерит, видно, что мужчина разумный; может быть, и правда поделиться с ним своими опасениями?

Иннокентия Александра нашла в бильярдной. Он задумчиво в одиночестве катал шары и при ее появлении кратко кивнул, впрочем, не оставив своего занятия.

– Я хотела с вами поговорить... – начала Александра.

– Со мной? – Он посмотрел на нее с некоторым удивлением.

«Еще решит, что я к нему клеюсь», – с некоторой досадой подумала Александра.

– С вами. Это по делу.

Теперь в его взгляде читалось сомнение.

– Ненадолго, – добавила Александра после краткой паузы.

– Прямо сейчас?

– Да. А что, вы заняты? – спросила Александра, напирая на слово «заняты».

– В общем-то – нет. Я вас слушаю.

– Вы хотите говорить здесь?

– Вас чем-то это место не устраивает?

– Да нет, устраивает, – стусевалась Александра, – но сюда могут заглянуть.

– Тогда – в зал.

Иннокентий с видимым сожалением положил кий на изумрудный бархат бильярдного стола и повернулся к ней.

– Идемте.

И его широкая спина замаячила перед Александрой.

Пока они шли, Александру терзало сомнение. Не сочтет ли Иннокентий ее чокнутой истеричкой, которой всюду мерещится опасность? Может быть, извиниться и уйти в номер? Но тогда ее поведение будет выглядеть еще более странным.

Елка в зале переливалась шарами, гирляндами, тонкие нити, именуемые «дождиком», поблескивали серебром, колыхаясь от малейшего дуновения воздуха.

Они сели на диван.

– Дело в том, что нам всем пришло письмо.

– Я знаю, – кратко сказал Иннокентий.

– Но я еще нашла окурок на снегу, – заторопилась Александра, боясь, что Иннокентий сейчас ее оборвет, поднимется и уйдет. И она опять останется одна со своими страхами и сомнениями.

Выслушав ее, Иннокентий погрузился в молчание.

– Что вы скажете?

Он неопределенно пожал плечами.

– Ну... письмо могли салаги отправить. Балуются придурки всякие. Окурок... Ну, блин, может быть, охранник стоял и курил.

– А бинокль?

– За жильцами наружку вел. Он должен охранять постояльцев? Должен. И на вашем месте я бы... девушка, – с расстановкой произнес Иннокентий, – не поднимал бы на пустом месте панику. В походе главное – выдержка, – и он для убедительности стукнул кулаком по дивану. – А вы раньше времени гоните волну. Что же будет дальше? – В его интонации явно слышалось, что такие слабые и трусливые люди, как Александра, не годятся для лыжных походов и на роль сильных духом туристов. – Поход еще не начался, собственно говоря, а вы паникуете... – Он скользнул по ней взглядом и замолчал. Но и так все было ясно без слов. «Трусиха и паникерша! – читалось в этом взгляде. – Сидела бы ты в Москве, москвичка, и не совалась в суровый уральский край!»

Щеки Александры невольно запылали. Это уже было слишком! Она вздернула голову выше и поднялась с дивана.

– Спасибо!

– За что?

– За то, что выслушали.

– Да вы не думайте, чего там... это я... так. – Иннокентий нахмурился. Было видно, что он переживает за свою внезапную резкость.

Александра вышла из зала, ощущая на своей спине взгляд Иннокентия. Короче, обратиться за помощью не к кому, устало подумала она. Все ведут себя как ни в чем не бывало. Лилька, понятно, занята своими любовными переживаниями, а остальные не видят ничего опасного в том письме. А насчет окурка, бинокля и того, что кто-то рассматривал наши окна, – Иннокентий тоже решил не брать в голову. А вдруг это и правда кто-то из охранников... а я

мечусь, пытаюсь привлечь внимание к этому факту. А... пропади все пропадом!

За обедом в зале чувствовалась напряженность. Лилька выглядела – хуже не бывает, глаза – ввалившиеся, тусклые, вдобавок – бледность, как будто бы она приехала не в край, где воздуха навалом и можно резать сочными ломтями, а просидела долгое время в подzemелье, где не было света, воды, воздуха и всего остального, необходимого для нормальной жизнедеятельности человеческого организма. Александре стало не по себе. Не замечает ли этого Кирилл? Но тот сидел задумчивый, погруженный в себя. Из-за Лильки? Или чего-то другого?

Иннокентий поднялся из-за своего столика и объявил, что после ужина они собираются в зале и отмечают Новый год. Включат музыку, потанцуют. При этом слово «потанцуют» он произнес с некоторой долей брезгливости, словно заранее открещиваясь от этого мероприятия.

– Лиль! Ты хотела еще подарки раздаривать, – напомнила Александра.

– А? – подняла Лилька на нее глаза. – Да, подарки, спасибо, что напомнила, – усмехнулась она. – А то бы совсем забыла. Голова просто раскалывается. И чего я сюда приехала?

– А вы, милая, на лыжи встаньте и походите, – предложил Петр Васильевич, – а то небось сидите в номере и по Интернету шарите. Негоже так делать. Вы отдыхать приехали – так отдыхайте.

– Спасибо за совет, – вспыхнула Лилька. – Когда он понадобится, я вас обязательно спрошу.

После обеда Александре было решительно нечем заняться. Но сидеть в комнате и думать опять о письме, окурке и поблескивающих стеклах бинокля было невыносимо. Она решила последовать совету Петра Васильевича, который тот дал Лильке: встать на лыжи, немного прокатиться, остудить голову и заодно размять мышцы.

День был сумрачно-туманный, солнце проглядывало изредка, то запутываясь в серой пелене, то раздирая ее своими лучами, как острыми спицами. Александра надела лыжи, проверила крепление ботинок и резко выдохнула. Легкое облачко пара появилось в воздухе.

Неожиданно она почувствовала азарт и прилив сил. Из головы все вылетело: перед ней была лыжня! *Ее лыжня*. Адреналин ударил в голову, в ушах что-то мощно заревело, и она рванула вперед.

Ноги сами несли ее по лыжне, иногда она сворачивала, подрезая повороты, делая это умело, как когда-то учил ее отец. Увлечшись гонкой, она не сразу услышала чей-то голос позади себя, а когда услышала, кровь заклокотала, забурлила в ней, и ни за что она бы не смогла обернуться и оказаться лицом к лицу с этим человеком.

– Постойте, как вас там, кажется, Александра, уступите лыжню, а то вы мне мешаете.

– «Кажется Александра» вам не уступит. Хотите – догоняйте! Хотите – нет.

Она прибавила темп. Все слилось в одно серо-белое полотно, взмах, еще взмах, руки без устали ритмично вторят шагам, поворот. И... ох... она не вписалась в очередной поворот и, балансируя руками с лыжными палками, со всего размаху влетела в сугроб.

Черт! Снег залепил лицо и рот, она мотала головой и отфыркивалась, пыталась встать, но снова проваливалась в снег, ничего перед собой не видя. Она не сразу поняла, что снегом ей залепило глаза и поэтому она не видит...

– Вам помочь? – услышала она над собой.

Она провела рукой по лицу, стирая белую снежную массу. Хорошо же она выглядит сейчас, ничего не скажешь!

Вячеслав стоял и серьезно смотрел на нее.

– Вам помочь, Александра? Черт возьми, вы катаетесь, как сам бог или дьявол. Кто вас научил этому?

Она ничего не ответила, пытаясь подняться на ноги. Но дна у снежной массы как будто бы не было, во всяком случае, ей никак не удавалось найти точку опоры, чтобы не перевернуть мир – бог с этим! – а просто встать на ноги.

Мужчина протянул ей руку.

– Держитесь!

– Справлюсь без вас, – сердито ответила она.

Одним рывком он поднял ее и стряхнул снег с воротника куртки.

– Почему вы отказываетесь от помощи?

– Не хочу.

– Вот как! – весело изумился он и помотал головой, как будто бы она сказала нечто смешное. – И почему?

– Не хочу, и все.

– А как же женское хлопанье ресницами и трогательная беспомощность? – с насмешкой сказал Вячеслав. – Кажется, так пишут в женских журналах. Нужно быть нежной, трогательной и беспомощной, и тогда все будут крутиться вокруг вас.

– Я не читаю женских журналов, и вообще ко мне это не относится.

– Я вам чем-то неприятен? – настойчиво допытывался он.

– Почти.

– И чем же?

Она посмотрела на него: взгляд был серьезен, сосредоточен, как будто от ее ответа зависело разрешение сложной проблемы. Александра поспешно отвела взгляд. Смотреть на него без остановок было чревато учащенным сердцебиением, приливом крови к щекам, покалыванием в кончиках пальцев... Словом, могли появиться признаки, которых следовало избежать любой ценой. Но он смотрел, ожидая ответа, и ей стало трудно дышать.

– Тогда в номере...

– Я был несколько с вами груб. Да, признаю свою вину... И приношу извинения. Простите! Прошу вас великодушно.

– Вы говорите так, как будто бы смеетесь, – пробормотала Александра внезапно севшим голосом.

– Ну не виноват я, что у меня такой тон.

Она тряхнула головой, и шапочка полетела в сторону. Волосы разметались по плечам.

– Ой!

– Одну минуту, я ее вижу, она на елке.

Ловко подцепив палкой шапочку, он снял ее с ветки и протянул ей.

– Вам идет с распущенными волосами. К чему этот нелепый пучок?

– Вы еще меня критиковать вздумали, – насупилась Александра. Ну почему ей кажется, что он все время смеется над ней? И Иннокентий тоже разговаривал насмешливо. Может быть, мужчины не воспринимают ее всерьез. Но какое ей дело до мужчин? До всех, кроме одного, который сейчас стоит перед ней и смотрит на нее.

И от этого взгляда хочется куда-то провалиться или, наоборот, вознестись.

– Это добрый совет: женщине грех скрывать свою красоту.

«Красоту»... Неужели ей послышалось «красоту»? Теперь ей стало жарко, так жарко, словно на нее дохнула раскаленная за день пустыня.

– Надо ехать, – сказала она как бы в пустоту. И взмахнув руками, поняла, что у нее одна палка.

– А где вторая?

– Справа. – Он ткнул своей палкой в сторону. – Видите?

Александра скосила глаза. Из сугроба торчал кончик палки. Она сделала шаг в сторону и снова провалилась по пояс в снег. Имеющейся лыжной палкой ей удалось подцепить вторую, та упала в снег около дерева. Она скользнула взглядом по стволу и увидела странный знак, высеченный на нем. И озадаченно прищурилась.

– Что это? – Она обернулась к Вячеславу и показала рукой на знак.

Мужчина нахмурился.

– Это... не знаю. – Но по краткой запинке Александра поняла, что он соврал.

– Да вылезайте же из сугроба! Вы что, там так и будете сидеть?! Еще простынете и заболаете. Я бы мог и сам эту палку достать. Залез бы на дерево с другой стороны и вытащил ее.

– А вам что за дело? – буркнула она.

– Первый раз вижу такую строптивую и упрямую женщину. Даже забавно...

– Я вижу, для вас женщины всего лишь забава, – парировала Александра, вспомнив Лильку. Конечно, этот хам разбил ей сердце. Играючи и мимоходом. А подруга до сих пор страдает. Это видно невооруженным взглядом.

– Ну знаете, это слишком, – сердито сказал он. – Что вы себе позволяете? С вами просто невозможно разговаривать.

«Ты невозможный человек, Александра», – вспомнила она слова своего любовника при расставании. «Невозможный», – повторил он еще раз, словно ставя ей окончательный и неоспоримый диагноз. Может быть, она и правда «невозможная»? Зачем-то грубит Вячеславу, который и вправду хочет ей помочь. Или это неосознанная месть

за Лильку? «Ты просто его боишься, – сказал кто-то ехидно внутри нее. – И поэтому твоя грубость и ершистость – всего лишь защитная реакция. Вот так-то, голубушка».

– Я не голубушка... – Она и не заметила, как сказала эти слова вслух.

И осеклась.

– Вы это кому?

Она подавила вздох.

Вячеслав развернулся и покатил по лыжне. Александра ехала за ним, чувствуя, как на душе скребут кошки. «А ну их всех», – разозлилась она. И неожиданно для себя обошла Вячеслава и рванула вперед. Но на этот раз ей никто не крикнул в спину: «Пропустите!»

Раздосадованная на всех и вся, она влетела в коридор, поставила лыжи у стенки и веником отряхнула снег с ботинок. Ей не хотелось ни с кем сталкиваться.

Время до ужина было, и она решила продолжить знакомство с материалами по группе Дятлова. Штаны промокли, она переделась в сухое белье, заварила чай в большой кружке с изображением Буськи, забралась на кровать и открыла *лэп-топ*.

24 февраля, в ходе опроса охотников-манси, выяснилось, что есть «свежие» остатки стоянки какой-то туристской группы в долине реки Аусши. На её левом берегу спасатели обнаружили едва заметный лыжный след. Была проведена разведка в нескольких направлениях: вниз и вверх по Аусши и в сторону вершины Холатчахль. Вскоре спасатели вышли к туристской палатке, которая находилась на склоне горы Холатчахль, примерно в 300 метрах от вершины. Палатка была пустой и с разрезанной стенкой. По найденным вещам и документам было установлено, что она принадлежала тургруппе Дятлова.

Позже при участии профессиональных туристов было установлено, что палатка была поставлена по всем туристским и альпинистским правилам.

В это место были стянуты все поисковые группы. 26 февраля в полутора километрах от палатки, в месте, где уже начинался лес, возле крупного кедра были обнаружены тела Юрия Дорошенко и Юрия Кривонищенко. Они лежали на некотором расстоянии друг от друга рядом с остатками костра. Оба тела были раздеты до нижнего

белья. Дорошенко лежал на животе. Под ним – разломанный на части сук дерева, на который, видимо, он упал. Кривонищенко лежал на спине. У Дорошенко была обожжена стопа и волосы на правом виске, у Кривонищенко – ожог левой голени и ожог левой ступни. На самом кедре, на высоте 4–5 метров, были обломаны ветки, часть из них лежала вокруг тел.

В 300 метрах от кедра вверх по склону в направлении палатки охотниками-манси было найдено тело Игоря Дятлова. Он был слегка занесён снегом, полулежал на спине, головой в сторону палатки, приобняв рукой ствол берёзки. На лице был ледяной нарост, означавший, что перед смертью он дышал в снег.

Вечером того же дня примерно в 330 метрах от Дятлова выше по склону под слоем плотного снега с помощью поисковой собаки было обнаружено тело Зины Колмогоровой. Она была тепло одета, но без обуви. На лице были признаки кровотечения из носа.

2 марта в лесу был найден лабаз тургруппы.

5 марта был найден труп Рустема Слободина. Он был также довольно тепло одет, при этом на правой ноге был валенок, надетый на 4 пары носков (второй валенок был обнаружен в палатке). На лице был ледяной нарост и были признаки кровотечения из носа.

Расположение всех трёх тел, найденных на склоне, их позы указывали на то, что они погибли на обратном пути от кедра к палатке.

С 28 февраля (или 5 марта) поиски официально возглавила Чрезвычайная комиссия Свердловского обкома КПСС. Было принято решение вести поиски до нахождения всех туристов. Однако результаты были нулевые.

В первых числах мая, когда началось таяние снега, были обнаружены предметы, которые указали направление поиска. Усилия спасателей сосредоточились на ложбине ручья, протекавшего примерно в 70 м от кедра и сильно занесённого снегом. На глубине ложбины был обнаружен настил из стволов пихт и березы, на котором лежал лапник и несколько предметов одежды. Было установлено, что данный настил был сооружен для четырех человек.

А 4 мая в 75 метрах от костровища, где были найдены первые тела, под четырёхметровым слоем снега в русле ручья были найдены оставшиеся туристы. Сперва наткнулись на Людмилу Дубинину –

она застыла, стоя на коленях лицом в склон у водопада ручья. Других обнаружили еще ниже. Колеватов и Золотарёв лежали в обнимку «грудь к спине» у кромки ручья, видимо, согревая друг друга до конца. Тибо-Бриньоль находился ниже всех, в воде ручья.

Найденные тела были переправлены на судмедэкспертизу в Ивдель.

Одних версий гибели группы было множество. От экзотических, вроде нападения НЛО и инопланетян, до технологических – предполагалось, что в данном районе происходило испытание нового оружия. И группа по случайности оказалась на том месте.

Гибель группы обросла слухами и домыслами. Время от времени всплывают новые версии и трактовки событий. Словом, сама группа и ее таинственная гибель стали культовыми, как выразился один журналист. Александру покорило от этого словечка. В настоящее время на месте гибели поставлена стела-обелиск с высеченными именами погибших туристов.

Александра посмотрела на часы: пора было собираться на ужин.

После ужина Иннокентий напомнил, что через три часа, то есть ровно в десять, они собираются в зале, танцуют и встречают Новый год. Лилька сидела, уставившись в тарелку, и Александра тихонько окликнула ее.

– Ты придешь?

– Приду! – эхом откликнулась она. – Куда же я денусь!

В назначенный час все пришли и расселись по диванам. Столы уже были накрыты, как и было указано в программе турфирмы, висевшей в холле. Здесь был и традиционный салат оливье, только вместо колбасы или курицы была молочная телятина, холодец, всевозможные канапе, сельдь под шубой, колбаски из лося, говядина, запеченная с сыром, фрукты... Из спиртного – шампанское и водка.

Елка сияла, сверкала, переливалась всеми цветами радуги, и наверху у нее поблескивала серебром макушка, похожая на купол собора. В руках у Лильки был большой пакет. С подарками, вспомнила Александра, она еще старалась, закупала их в дьюти фри...

Иннокентий как старший по группе поднялся и громогласно объявил:

– Празднование Нового года объявляю открытым! У кого есть какие идеи, соображения? Давайте проведем Новый год достойно.

Александра обвела собравшихся взглядом. Игорь сидел спокойный, даже было трудно представить, что еще совсем недавно он балагурил, хамил и лез, куда его не спрашивали. Татьяна тоже была притихшей. Вячеслав – хмурым. «Неужели это я на него так подействовала? – подумала Александра. – Точнее, стычка со мной». Он, наверное, привык, что ему в рот смотрят, а тут – огрызаются. Но скорее, она никакого отношения к его настроению не имеет, это что-то его личное. Может быть, он переживает насчет Лильки... У Александры возникло острое желание провести рукой по ежику его волос. Студент Дмитрий резко выпадал из общего ряда – было видно, что у него прекрасное настроение: рот сам собой расплывался до ушей, а щербинка между зубами придавала ему и вовсе детский вид. Очевидно, это было его первое серьезное путешествие во взрослой компании, вот он и радовался всему как ребенок. Алексей сидел с важным видом, отдельно ото всех. Теперь Александра рассмотрела его хорошенько. Лет 35–36, в лице есть что-то острое, птичье. Ученый... И еще этот пронзительный голос, высокий, девчачий...

Петр Васильевич выглядел расслабленно-довольным. И чем-то напоминал старого кота, гревшегося на завалинке. Для него эта поездка – наверняка как отдушина. Чем старше люди, тем сильнее ценят каждое мгновение. Вот и он отправился в это путешествие, надеясь насладиться им сполна: каждым днем и каждой минутой. Не стал терять время, как другие, сидеть в номере, а уже с утрачка пробежался на свежем воздухе, получил свой заряд бодрости. Молодец, что и сказать. Лилька выглядела получше, чем днем. А вот Кирилл по-прежнему был мрачен.

– Вопросы есть? – спросил Иннокентий.

– Послушайте, мы же в прошлый раз не до конца друг с другом познакомились, – начала Лилька. – Помните, Петр Васильевич пропал, Кирилл пошел за ним, и на этом все закончилось. Давайте продолжим знакомство, расскажем, кто из нас чем занимается, где работает.

– Ну что ж! – крикнул Петр Васильевич. – Идея здравая. Как старший и начну. Пенсионер. Правда, в последние годы лохматил.

– Что? – переспросила Лилька.

– Сразу видно, что вы человек нездешний. Так и быть – объясню. По-нашему, по-уральски, значит – занимался частным извозом. Теперь

понятно?

– Яснее некуда.

– Ну вот и хорошо, – и уже привычным жестом он погладил себя по усам.

Дальше все представлялись по кругу. Игорь оказался экспедитором, развозил продукты питания.

Татьяна – регулярно меняла места работы, чтобы «скучно не было», как она выразилась. Последняя работа – продавщица в продуктовом магазине. Ну что ж, подумала Александра, отсюда и хамство, нахрапистость. Привыкла за прилавком базарить. Лилька обозначила себя сотрудницей крупного фармацевтического концерна. Александра подумала, что в прошлый раз она была ассистентом директора фирмы, занимавшейся экспортом продуктов питания в страны СНГ. И вообще – Лилька долго на одном месте не задерживалась.

Оставались Вячеслав и Александра.

– А я безработный! – весело объявил он. – Был охранником у одного бизнесмена, а он меня взял и уволил.

– За что уволили? – подал голос Петр Васильевич.

– С его женой стал кадриться. Она красивая – жуть, но и стерва порядочная.

При этих словах Лилька вздрогнула, как будто бы ее ударили...

– Работой в наше время не разбрасываются, сынок, – продолжил уральский пенсионер.

– А я ничуть и не переживаю, бизнесменов много, и все за свою жизнь трясутся. Так что работа мне обеспечена.

Все взоры теперь обратились на Александру.

– Я тоже безработная, – сказала она. И ей самой стало смешно, как будто бы она повторяет за ним эти слова.

– А кем работали до этого?

– Операционистом в банке.

– Тоже с начальником кадрились? – фыркнула Татьяна.

– Девушка! Вы язык свой прикусите, – вступился за Александру Вячеслав. – Следить надо за тем, что говорите.

– Заступничек, – протянула Татьяна.

– Все! – рыкнул Вячеслав. – Хватит!

Неожиданно все притихли.

Дальнейший вечер носил сумбурный характер. Лилька раздала свои подарки. Фигурки Деда Мороза и Снегурочки она поставила под елку. Ароматизированные мешочки достались Татьяне и Александре, свечка в виде Эйфелевой башни – Алексею, набор матрешек – Иннокентию, кружка «Темыч» – Петру Васильевичу, Кириллу – деревянный медведь, Дмитрию – маленький красивый фонарик, Игорю – картина с видами Урала, а Вячеславу – декоративный кинжал.

Все дружно поблагодарили Лилю, потом начались танцы. Но танцевать никто не захотел, только Игорь с Татьяной вяло потоптались посередине танцпола, а затем уселись обратно на свои места. Ближе к Новому году открыли шампанское, было произнесено несколько тостов, двое даже крикнули «Ура!», но выбегать на улицу никто не захотел, хотя Татьяна и предложила перенести празднество на свежий воздух. Телевизор на стене исправно показывал новогоднее торжество по всем каналам, можно было выбрать на любой вкус, но, посидев примерно полчаса, все разбрелись по своим номерам. Было чувство, что все только что отбыли какую-то обязательную, но не особо приятную повинность.

Сна не было ни в одном глазу, Александра ворочалась с боку на бок, вспоминая события прошедшего дня. Посредине ночи в ее дверь тихо постучали.

– Сань! Это я, – раздался тихий Лилькин голос. – Открой! Ты спишь?

– Нет. Сейчас открою. Минуту.

Открыв дверь, Александра увидела подругу, бледную как полотно.

– Что случилось?

Лилька ввалилась в комнату без слов и, прислонившись к двери, беззвучно сползла по ней. В руках у Лильки Александра увидела Снегурочку, которую та поставила под елку.

– Лиль! Что с тобой?

– Вот, – почему-то шепотом сказала она, протягивая ей куклу. – Посмотри внимательно. Я не спала, решила пойти вниз, посидеть где-нибудь, в каминной или в зале. В каминной мне показалось неудобно, захотелось полюбоваться елкой. Посмотреть на огоньки, все-таки праздник, Новый год. – При этих словах Лилька улыбнулась, но улыбка вышла какой-то кривой и натянутой. – Там был свет, и я

увидела... как чья-то тень метнулась к другому выходу. Я подумала, что мне показалось: все-таки напряжение, то да се. – Она провела языком по губам.

– Лиль! Встань.

Но она продолжала сидеть на полу:

– Я подошла к елке и увидела упавшую Снегурочку, нагнулась, подняла ее и увидела вот это.

Только теперь Александра перевела взгляд на куклу. Платье было сорвано, а на груди нарисован странный знак.

– Кому это надо, Сань?

– Не знаю.

– Раньше я думала, что... – Она поднялась, шатаясь, подошла к кровати и тут же рухнула на нее. – Что все еще обойдется, а теперь понимаю, что – нет.

– О чем ты, Лиль?

– Ни о чем, – отчеканила она. – Кто-то нас пугает и хочет, чтобы мы убрались отсюда поскорее. Сначала было письмо, теперь – вот это...

– Лиль! – Александра взяла ее за руки, ей было важно утешить подругу, прогнать страх и подозрительность. – Это какое-то недоразумение, которое вскоре разъяснится.

– Но кто это делает? – Лилька вскочила и обхватила руками подушку. – Что за идиот балуется! Кто-то из нас?

– Ну... идиотов в нашей группе хватает. Просто у кого-то сдали нервы, и он решил таким образом разогнать себе адреналин. Слушай, Лиль! Самое главное – не поддаваться, не показывать свой страх, растерянность, ведь тот, кто сделал это, ожидает именно такой реакции. Он наслаждается этим и кайфует. Зачем убудку доставлять такую радость? Нужно делать вид, что ничего не происходит!

– Наверное, ты права, – сказала Лилька, наматывая прядь волос на палец. – Эту радость мы гаду не доставим. – И она запустила подушку в угол.

– Потихе, это все-таки моя подушка, а не твоя.

– Жалко? Да?

– Как Кирилл?

– Нормально. – По Лилькиному лицу пробежала тень. – Ладно, я пошла. Счастливо. Спокойной ночи.

– Тебе тоже.

Оставшись одна, Александра взяла Снегурочку в руки. Знак на груди показался ей знакомым. И здесь она вспомнила, что точно такой же знак она видела сегодня утром в лесу на стволе дерева. И что это значит?

Глава пятая

Уравнение со многими известными

Любой плохой человек для самого себя внутри себя – прав. Он не мог бы жить, сознавая себя плохим. Он воздвигает систему самооправданий, своего рода внутренних укреплений.

Суди о нем не снаружи. Войди мысленно в его душу, постарайся понять, на чем он укрепил свое равновесие. Как он сам себя видит и чем себя оправдывает?

Умение влезать в чужую шкуру – грустный дар, которым награждает человека жизнь.

Ирина Грекова. «Кафедра»

Сна не было, даже если бы Александра хотела – вряд ли она смогла бы заснуть. Она вспомнила знак на стволе дерева. Потом на груди куклы. Тот знак был высечен давно, этот – свежий. Кто-то подражал знаку-символу в лесу. Кто? Кто мог видеть его раньше? Она встретила с утра на лыжне Петра Васильевича, позже – столкнулась в лесу с Вячеславом. И он видел этот знак на дереве. Получается, что он мог потом воспроизвести его на кукле? Но какой смысл? Что за нелепость? «А что ты вообще о нем знаешь? – возразил ее внутренний голос. – Эти все люди для тебя – чужие, ты ничего не знаешь о них, равным счетом ни-че-го! Все, что они сказали о себе – поди проверь! Возможно, там нет ни слова правды, или она так щедро разбавлена ложью, что до крупниц истины и не докопаешься». По спине Александры прошла дрожь. Пенсионер-таксист, экспедитор, продавщица. Лилька с Кириллом не в счет, она их знает, хотя что она может сказать о Кирилле? Ну, ты совсем, мать, сбрендила, одернула себя Александра, в чем ты можешь подозревать Кирилла? В России он, как и Лилька, бывает наездами, здесь вообще в первый раз... Зачем ему пугать туристов? А если он хотел напугать не всех, а конкретно – Лильку? С вполне определенной целью – чтобы

она поскорее отсюда уехала? Может быть, ему не нравится, что они здесь оказались. Он хотел со своей невестой отправиться в теплые края, к морю, да вышел облом, но еще можно все переиграть, время есть: рвануть отсюда и купить путевки в солнечный рай. На Бали, Сейшелы, Мальдивы или куда-то подальше. И он, не зная, как воздействовать на упрямую Лильку, берется за не совсем чистоплотные методы. А что делать? Когда-то Александра вычитала одну фразу, которая ей запомнилась: «В любви, как и на войне, все методы хороши». «Ну это же бред, – сказала она сама себе. – Однако ты не можешь отметать этот вариант, если он тебе кажется бредовым на первый взгляд». Она провела рукой по лбу... Так, чего доброго, у нее температура поднимется от таких рассуждений. Кто у нее остается там еще? Иннокентий – специалист по вентиляторам. Вроде бы спокойный, рассудительный... но хам, хотя сейчас многие российские мужчины не обременены избытком вежливости. Психологи объясняют это политическими и экономическими реалиями, мол, вокруг все нестабильно, мужчины нервничают, вот и ведут себя соответственно. Хотя, конечно, это слабая отговорка... Мог ли менеджер по вентиляторам нарисовать этот знак на груди куклы? Опять встает вопрос – зачем? Зачем кому-то пугать группу? Чтобы все массово отказались от похода? Но какой в том смысл? Какая-то мысль мелькнула в голове и тут же пропала... А что касается студента Дмитрия, этот – совсем маловероятно. Он с таким азартом относится к походу, что вряд ли стал бы малевать этот знак на груди Снегурочки. Если он только не псих, умело маскирующий свои клинические расстройства.

Экспедитор и продавщица – сладкая парочка простых, грубоватых ребят. Способны ли они на это? Интересно, что еще день назад Александра ответила бы отрицательно, сейчас она уже не была ни в чем и ни в ком уверена.

Промаявшись так какое-то время, она все-таки уснула, поставив будильник, чтобы не проспять завтрак.

Перед завтраком она скопировала знак на бумагу и решила спросить о нем Алексея, ученого, специалиста по флоре и фауне Урала.

Алексея она перехватила внизу, он собирался ехать на лыжах и стоял уже перед дверью.

– Простите! – обратилась к нему Александра. – Можно вас на минуту?

– Да. – Он поднял на нее блекло-голубые глаза. – Я вас слушаю. Это что-то срочное? А то я уже одет. И собираюсь на прогулку. Не хотелось бы из-за вас менять свои планы.

Скажите, какой дотошный и пунктуальный молодой человек!

– Срочное. Вы не можете сказать, что это за знак? – и она протянула ему бумагу с нарисованным знаком.

Он мельком взглянул на него, потом – на нее.

– Откуда это у вас?

– Я видела этот знак в лесу, он был вырезан на стволе дерева.

– Это знак манси, – машинально сказал Алексей. – Охотников-манси. Они высекают их, чтобы пометить свою тропу.

В голове у Александры зашумело.

– Это точно? Ошибки здесь нет?

– Нет. Простите, я пойду. У вас все? – зазвенел его высокий голос.

– Пока – да.

Алексей открыл дверь, и клубы холодного воздуха обдали Александру. Она поднялась наверх, к себе. Ей расхотелось кататься на лыжах, что-либо делать и вообще идти в этот поход. Она уселась на кровати и подвинула к себе *лэп-топ*.

Охотники манси... Народы манси и ханты – родственные. Когда-то это были великие народы охотников, слава о которых достигала самой Москвы. Сегодня же оба этих народа представляют немногочисленную группу, проживающую в Ханты-Мансийском округе.

Основным родом занятий племён являлись рыбалка, охота и оленеводство. Первая встреча людей из Московского государства с местными племенами произошла только в X–XI веках. Местных жителей пришельцы называли «вогулами», что означало «дикие». И они описывались как дикари, практикующие жертвенные обряды.

При словах «жертвенные обряды» Александра вздрогнула и повела плечами. Она досчитала про себя до десяти, чтобы успокоиться, и продолжила чтение дальше.

«Вполне возможно, что они враждебно относятся к появлению на их земле, – подумала Александра. – И воспринимают других как чужаков. И поэтому...»

Одним из самых древних святилищ, дошедших до наших дней, является Писанный камень на Вишере. Оно функционировало долгое время – 5–6 тысяч лет, в эпохи неолита, энеолита, Средневековья. На скалах охотники рисовали охрой изображения духов и богов. В Чаньвенской (Возульской) пещере в Пермском крае были обнаружены следы пребывания вогулов. Как считают исследователи, пещера была капищем (языческим святилищем) манси, в которой они проводили ритуальные обряды.

Александра подняла голову, вроде где-то совсем рядом стукнула дверь. Или все-таки показалось? Она снова перевела взгляд на экран лэп-топа.

В Свердловской области манси проживают в лесных поселениях – юртах, в которых насчитывается от одной до восьми семей. Наиболее известные из них Юрта Анямова (деревня Тресколье), Юрта Бахтиярова, Юрта Пакина (деревня Пома), Юрта Саминдалова (деревня Суеватпауль), Юрта Курикова и др. Остальные ивдельские манси живут в поселках Вижай (ныне сгоревший), Бурмантово, Хорпия, на территории города Ивдель, а также в посёлке Умша.

Стоп-стоп, фамилии Курикова, Анямова и Бахтиярова ей, кажется, встречались, когда она знакомилась с «делом» группы Дятлова. Александра бегло просмотрела ранее скопированные файлы. Так и есть! Представители этих мансийских родов приняли участие в поиске пропавших туристов.

Какое-то время дятловцы шли тропой манси и сталкивались с таинственными знаками.

Прочитав все, что касается манси и группы Дятлова, она узнала следующее. Туристы из группы Дятлова в долине реки Ауспии какое-то время шли по следам охотника-манси. Они не могли не думать об этом: так, в походном дневнике Зины Колмогоровой были записаны русские транскрипции нескольких мансийских слов и выражений. Осталась фотография Юрия Кривонищенко, где он стоит рядом с «мансийскими рунами». Расшифрованная надпись гласила, что здесь прошли трое манси-охотников с тремя собаками. И была указана родовая принадлежность манси.

Могли ли охотники-манси стать причиной того, что девять человек выбежали в мороз из палатки, предварительно искромсав ее крышу?

Такая версия выдвигалась... Тем более что к северо-востоку от места базирования группы Дятлова находился мансийский чум.

Также оказалось, что палатку дятловцы установили в нескольких десятках метров выше мансийской тропы, которая и вела к этому чуму. То есть встреча охотника-манси, одного или нескольких, с группой туристов была вполне вероятна. Если конструировать события дальше, то туристы могли чем-то невольным или осознанно задеть охотников, и тогда... Мог произойти трагический инцидент. В гневе охотники накинулись на студентов, порезали палатку и выгнали туристов на мороз. На Северном Урале находились культовые памятники манси, и поэтому коренные жители могли отнестись резко отрицательно к вторгшимся гостям. Вроде бы когда-то уже был прецедент: убийство в тридцатых годах женщины-геолога, совершенное руками манси. Это было нечто вроде легенды: никаких доказательств, даже толком не известно, было на самом деле убийство или нет. Но слухи ходили...

В рамках следствия по «делу Дятлова» несколько охотников были допрошены... Но потом эта версия была свернута. И якобы способствовал этому главный мансийский шаман, которому удалось добиться встречи с секретарем обкома КПСС Андреем Павловичем Кириленко и убедить того в непричастности манси к гибели группы Дятлова.

Александра задумалась. Вполне возможно, что манси недовольны появлением гостиницы на их земле. И поэтому враждебно относятся к туристам.

Значит, их задача – напугать чужаков так, чтобы те убралась отсюда подобру-поздорову и больше никто и никогда не приезжал в эти места? Получается, что они как-то проникают сквозь стены, несмотря на охрану? Но это вряд ли... Тогда кто-то из них, туристов, помогает манси и действует по их указке?

Поделиться своими соображениями было не с кем. После недолгого раздумья Александра решила еще раз обратиться к Алексею. Интересно, пришел он со своей прогулки или еще нет? Она закрыла *лэп-топ* и, одевшись, спустилась вниз. Если он уже пришел, то мог сидеть в зале или каминной. Кстати, можно узнать, какой у него номер комнаты, и постучаться... Тоже выход. У студента Дмитрия, сидевшего в каминной и с увлечением что-то смотревшего в компьютере, она узнала номер комнаты Алексея и опять поднялась на второй этаж.

В номере его не было, стало быть, он еще в лесу, значит, напрасно кто-то беспокоился, что ученый не выдержит похода.

Александра вышла на улицу и, обогнув дом, увидела под навесом Вячеслава, кутившего в одиночку. Неожиданно для себя она направилась к нему.

– Добрый день!

– Добрый!

– Я хотела бы с вами поговорить... – начала Александра.

– Пожалуйста. – Он говорил подчеркнуто вежливо. От былой грубости не осталось и следа.

– Дело в том, что я столкнулась со странными и необъяснимыми явлениями... – При этих словах Александра обернулась, как будто бы их могли увидеть или услышать.

– Здесь никого нет, – развеял ее опасения Вячеслав, – ну если только кто-то прикинулся зайцем-невидимкой.

Ей стало смешно, и она с трудом удержалась от смеха. Вместе с тем напряжение чуть-чуть отпустило ее.

– Помните, когда мы с вами были в лесу, я показала вам на странный знак, высеченный на стволе дерева?

При этих словах Вячеслав сдвинул брови.

– Да. Помню.

– Так вот, вчера кто-то нарисовал точно такой же знак на груди Снегурочки.

– Какой Снегурочки? – не понял Вячеслав.

– Куклы, помните, Лиля вчера раздавала подарки и эту куклу, изображающую Снегурочку, вместе с Дедом Морозом поставила под елку в зале.

Возникло напряженное молчание. Очевидно, даже упоминание о бывшей любовнице было ему неприятно.

– И кто-то такой же знак...

– Я понял. – Вячеслав бросил окурок в снег и достал из пачки вторую сигарету.

– Вы курите? – протянул он ей.

– Да, – соврала Александра. Последний раз она курила лет пять назад или даже больше. Она взяла из пачки сигарету, Вячеслав щелкнул зажигалкой, наклонившись в ее сторону. Александра втянула дым и с непривычки закашлялась.

– Крепкие...

– Я бы не сказал.

– И что вы скажете по этому поводу? – Его молчание подстегнуло Александру к продолжению монолога. – Я в Интернете посмотрела насчет манси. Оказывается, они всю практикуют жертвоприношения. И вообще считают, что нельзя вторгаться в природу, портить ее. А мы здесь... – она запнулась... – обитаем. Может быть, они считают нас непрошеными пришельцами... И еще то самое письмо насчет группы Дятлова, которое мы все получили по электронной почте. Вам не приходит в голову мысль, что таким способом они нас просто пытаются выжить?

Второй окурок полетел в сугроб, но порыв ветра отнес его к ногам Вячеслава, и тот втоптал окурок в снег.

– Нет, не приходит, – кратко бросил он и похлопал ладонями друг о друга, пытаясь их согреть. – Знаете, я бы на вашем месте не забивал себе этим голову. Кто-то хулиганит, а мы будем раздувать из мухи слона.

– Хулиганит? Но зачем? И что, знаки на стволах деревьев – тоже чье-то хулиганство?

– Нет. Это ставят охотники. Я просто не хотел вас пугать тогда, в лесу. Это обычное явление для этих мест, во всяком случае – ничего из ряда вон выходящего или экстраординарного. Но новичку кажется, что это нечто таинственное и загадочное.

– А вы не новичок? – вырвалось у Александры.

Он посмотрел на нее с удивлением, как будто бы она не имела права задавать этот вопрос.

– Нет, – отрезал он.

– Но если принять за версию, что кто-то хулиганит, тогда получается: этим занимается один из нас.

Вячеслав не смотрел на нее, а смотрел, прищурившись, куда-то в сторону леса.

Александра вспомнила, как он здесь появился, в метель. И тогда ей показалось, что он был не один, а с кем-то, так как рядом горел еще один огонек, но так смутно, что был едва различим. А что она вообще о нем знает? Как и о других людях?

– Очевидно, это не я. И не вы. – В голосе прозвучала ирония.

– А остальные – стало быть, под подозрением?

Ответом было молчание.

– Я пошел, – сказал он, по-прежнему не глядя на нее.

Вячеслав ушел. Немного потоптавшись на улице, Александра тоже вошла в дом, и здесь она вспомнила, что Алексея по-прежнему нет. Он мог прийти, пока она стояла с Вячеславом, но это было маловероятно. На всякий случай Александра обошла зал, каминную, заглянула в бильярдную – его там не было. Она поднялась на второй этаж и постучалась в номер – безрезультатно. Увижу за обедом, решила она. За обедом Алексея не было, и Александра уже встревожилась не на шутку. Она обвела взглядом людей: все сидели как ни в чем не бывало.

– Как провела утро? – спросила ее Лилька.

– Сидела в номере.

– А мы с Кириллом немного прошлись на лыжах, развеялись. Все время сидеть в номере – голова болит. Я и так напереживалась за это время.

– Я тоже прошелся, – протянул Петр Васильевич. Он зачерпнул ложкой картофельный суп и отправил ее в рот. – Погодка хорошая. До завтра бы только продержалась. Нам погода сейчас нужна.

– Да, завтра, – произнесла Лилька с некоторым вызовом и уткнулась в свою тарелку.

Александра хотела спросить Лильку: почему же та за ней не зашла, прогулялись бы на лыжах все вместе. Она отложила бы свои «исследования» и составила бы компанию подруге с женихом. Но вероятно, они хотели просто побыть вдвоем, и Александра была им ни к чему. И сердиться на Лильку она не имеет никакого права...

– Алексея в лесу не видели?

– Кого? – переспросила Лилька. – А... этого – нет. Никого не видели. Чья-то спина мелькнула впереди. Или нам показалось? Мы недолго ходили.

– Голова не болит?

– Пока – нет. А там – кто знает. Может быть, мне климат здешний не подходит.

– Чепуха! – веско сказал Петр Васильевич. – Климат у нас – прекрасный. Немножко суровый, но привыкнуть к этому, голуба, надо. Чай, москвичи все изнеженны и не приучены к трудностям.

– Мы не изнежены, – пробормотала Лилька. – Мы – калачи тертые.

– Значит, Алексея не видели? И куда он делся? – допытывалась Александра.

– Он тебе что, как-то срочно нужен?

– В общем – да.

– Я и не заметила, что вы уже подружились.

– Лиль! – мягко одернул ее Кирилл. – Ну что ты цепляешься к Александре?

Он выглядел расслабленно-благодушным. Видимо, помирились, решила Александра. Или они и не ссорились, просто Лилька уже пришла в себя после встречи с бывшей любовью, смягчилась, вот и Кирилл тоже оттаял. Он, скорее всего, чувствовал Лилькино состояние, вот и нервничал. А может быть, она ему обо всем и рассказала, хотя вряд ли. Надо будет Лильку аккуратно об этом спросить: знает ли Кирилл о Вячеславе...

– Я не цепляюсь. – Лилька лихо расправлялась с картофельной запеканкой, к ней вернулись привычные бодрость и энергичность. – Я наблюдаю... – И она расхохоталась. – Иногда совместные походы сплачивают людей, возникают обоюдные симпатии.

Здесь уже Александра почувствовала, что невольно краснеет.

– По-моему, ты расфантазировалась!

– Посмотрим-посмотрим... – многозначительно сказала подруга.

После обеда Александра решила еще раз постучать в номер к Алексею. Около номера стоял Иннокентий.

– Вы тоже к нему? – обратился он к ней.

– Да. Кстати, странно, что его нет, а никто не беспокоится по этому поводу.

– Ну, вы же, девушка, видите, что у нас за группа – не группа, а собрание разношерстных идиотов – нудный пенсионер, парочка молодых хамских дебилов. – Это он имеет в виду Игоря с Татьяной, поняла Александра. – Студентик, – с презрением, оттопырив нижнюю губу, сказал Иннокентий. Видно, сам университетов не кончал, мелькнуло в голове у Александры, только человек без высшего образования способен так «от души» презирать тех, кто его имеет. – Без пяти минут молодожены. – Здесь презрения было немного меньше, но уши холостяка со стажем торчали. – Столичный сноб. – Это он

о ком, заметались мысли Александры. О... Вячеславе? И почему Иннокентий решил, что он «сноб»? Наверное, потому что тот не общается с ним, не снисходит до разговоров. Вот тот и решил, что «столичная штучка» просто пренебрегает им. – Мы с вами – самые нормальные люди среди всех, – удостоилась Александра «хорошей компании». – И вот... ботан пошел в лес и пропал. Может быть, завалился под елку с непривычки и лежит... отдыхая. Откуда мы знаем, у кого какая подготовка физическая присутствует? Мы что, проверяли? Или каждый из нас нормативы ГТО сдавал? Верим на слово... А может, этот ученый лыжи в первый раз видит, надеется на авось. Думает, что тут сложного – передвигай по снегу ногами, и все...

В глубине души Александра была с ним согласна. Во всяком случае, физическая подготовка и способность Алексея выдержать лыжный поход определенные сомнения у нее вызывали.

– По вашему лицу вижу, что я прав и возразить вам особо нечего. И что будем делать с нашим дохликом? У кого-нибудь есть его телефон?

Обойдя туристов, они выяснили, что телефона ни у кого нет.

– Группа, – процедил Иннокентий, – даже телефонами не обменялись, зато подарки нам вручили.

– Ну, это же приятно, – пролепетала Александра. – Все-таки Новый год...

– Приятно будет, когда наш ботан объявится. И вообще у меня несколько другие представления о... приятном, – хмыкнул он.

– Хорошо, что будем делать? – решила взять в свои руки инициативу Александра.

– Звонить в турфирму, может быть, там знают телефон нашего горе-лыжника. Телефон фирмы висит на первом этаже перед щитком с ключами.

– А если на него кто-то напал?

– Кто? Проснувшийся не вовремя медведь?

Они находились в каминной, сюда же спустился студент Дмитрий. Больше озабоченных судьбой пропавшего члена группы не наблюдалось.

– Ну как, нашли? – спросил Дмитрий, приблизившись к ним.

– Молодой человек, не суетитесь. Сейчас все выясним. Мы звоним в фирму, чтобы узнать телефон Алексея.

Трубку никто не брал.

– Сегодня первое января, – робко сказала Александра, – фирма может еще не работать. Общероссийские выходные.

– Отлично! Так и запишем. Первого января можно смело пропадать, гореть, тонуть, никто все равно на помощь не придет. – Он прищелкнул языком. – В хорошее время мы живем!

– Я сейчас притащу компьютер, можно по Интернету узнать телефоны вышестоящей инстанции, – взволнованно сказал Дмитрий. От напряжения он побледнел, а подбородок решительно выдвинулся вперед. Было видно, что студент рвется в бой и намерен доказать всем свою нужность и полезность.

– Господа Бога, что ли? – недовольно заметил Иннокентий. Похоже, ему не нравилось, что «студентик» проявил инициативу.

– У этой турфирмы, как ее, кстати...

– «Олеандр-плюс», – подсказала Александра.

– Вот-вот, наверняка есть вышестоящая фирма. Туроператор, наконец.

– Послушайте, – вспомнила Александра. – Нам же всем Вероника Снегирева давала свой телефон. Правда, я его не записала.

– У меня есть, – откликнулся Дмитрий. – Действительно, как же мы не вспомнили... Совсем расслабились.

– Да уж, расслабились... – проворчал Иннокентий.

Вероника Снегирева долго не брала трубку, потом сказала, что она не в городе, а на отдыхе. Но сейчас посмотрит и перезвонит.

Время ожидания растянулось, Дмитрий от волнения сидел в кресле и грыз ногти, Иннокентий стоял у окна и смотрел во двор, словно ожидая увидеть там Алексея, возвращающегося с лыжной прогулки. Александра же села поближе к камину...

Внезапно чей-то крик вывел Александру из состояния забытья.

– В-о-о-от! – ворвался в каминную Петр Васильевич с мобильным телефоном в руках. – Мне только что позвонил Алексей. – Все немедленно обернулись к нему. – Сказал, что он упал на прогулке, сломал ногу и не может двигаться. Он сообщил свои координаты, поэтому нам нужно немедленно идти к нему. Я уже всех оповестил, что с Алексеем беда.

Каминная наполнилась людьми. Пришел и персонал гостиницы – Марья Ивановна с Николаем Даниловичем.

– Как же так! – восклицала Лилька. – Как он упал? По неосторожности, что ли?

– Бывает, – чуть распевно сказала Марья Ивановна. Ее руки все время находились в движении, словно она только что оторвалась от домашних дел и не знала, чем себя занять. На полном лице выделялись серые глаза, которые излучали спокойствие. Рядом с такими женщинами кажется, что ничего плохого случиться не может. А если и бывает что-то неприятное, то это – временное.

– Какой толк теперь выяснять, – резонно заметил Петр Васильевич, – нужно к нему спешить, пока не стемнело. Иначе будем блуждать в потемках. А человек там лежит, обездвиженный, заметьте. И это дикий лес, а не город. Здесь зверье всякое водится.

– Я тоже пойду, – бросил Иннокентий.

– И я, – откликнулась Александра.

Он смерил ее взглядом.

– Вы уверены, что вы там необходимы? Мы пойдем быстро!

– Она на лыжах ходит – каждому бы так, – вступился за нее Вячеслав. Александра уставилась себе под ноги, чтобы скрыть смущение. А когда подняла глаза, то увидела, что во взгляде Иннокентия промелькнуло удивление. «Наверное, он думал, что я – городская фифа, ни на что не годная», – подумала Александра. Она вздернула подбородок вверх, но здесь услышала Лилькин голос:

– Можно тебя на минутку?

– Конечно, Лиль, сейчас.

Она отвела Александру в сторону и жарко зашептала:

– И когда ты с ним успела познакомиться?

– Но ты тоже скажешь – «познакомилась»! Просто на лыжне столкнулись, перебросились парой слов, и все.

– А... Я бы пошла с вами, но голова болит.

– Тогда оставайся.

– Кирилл пойдет.

В итоге они выступили в следующем составе: Петр Васильевич, Иннокентий, Кирилл, Вячеслав, Игорь и она, Александра.

Игорю и Вячеславу предлагали остаться, но они наотрез отказались.

Взяв в холле лыжи, все вышли из гостиницы, и резкий порыв ветра чуть не сбил Александру с ног. Для транспортировки Алексея пришлось взять санки, стоявшие тоже в холле. Их повез Иннокентий.

– Кажется, вьюга поднимается, – пробормотал Петр Васильевич. – Налеем, ребята, четко идем, никто не отстает. А то...

Свою мысль он не закончил, но все поняли его и без слов. Темнело, а если еще поднимется вьюга – тогда совсем будет трудно найти человека, попавшего в беду.

С неба сыпались сухие трескучие горошины. Порыв ветра с силой швырял их в разные стороны, и приходилось то и дело увертываться от ледяных стекляшек.

Впереди шел Петр Васильевич, за ним – Иннокентий с санками, потом Вячеслав, Кирилл, Игорь, замыкала шествие Александра.

Мерный взмах лыжных палок, спина Игоря впереди. Ветер щипал щеки, обжигал горло, от него слезились глаза и было неприятно дышать. Внезапно все остановились.

– Стой! – скомандовал Петр Васильевич. – До Ледяной Сопки идем, он где-то там лежит. Подналяжем. Все тут?

– Да, все тут. Не будем останавливаться, – сказал Вячеслав. – Только время теряем, а то ветер вконец разгуляется.

И они рванули. Александре хотелось вырваться вперед, ей почему-то казалось, что все тащились ужасно медленно, но она понимала, что лучше вести себя тихо и никого не обгонять, чтобы не получить очередную порцию «любезностей».

Местность пошла неровная, деревья то близко подступали к лыжне, то удалялись от нее.

Ветер уже швырял в лицо снег с каким-то ожесточением: свирепо, без передышки. Александра стиснула зубы. И здесь резко зазвонил мобильный. Колонна остановилась.

– Да... да... Понял... Скоро будем... – донеслось до Александры.

– Алексей звонил. Мы почти у цели, – кратко бросил Петр Васильевич, а потом раздалось зычное:

– Налеега-а-а-й!

Ветер кружил вокруг них со скрипучим бормотанием, небо стремительно затягивалось хмурой пеленой. Игорь охнул и резко затормозил, Александра чуть не налетела на него.

– Кажется, оступился. Ногу повело... сейчас пройдет. Иди вперед.

– Что-то серьезное?

– Что там? – спросил кто-то впереди. Кажется, Иннокентий.

– Ничего страшного, – крикнул Игорь, – небольшая заминка!

Идите, ребята, я сейчас, крепление поправлю.

– Действительно все в порядке? – спросила Александра, понизив голос.

– Да. Все нормально. Я догоню.

Александра оттолкнулась палками от земли и покатила вперед.

Через какое-то время она обернулась. Игорь присел на корточки и возился с креплениями.

– Эй! – крикнул Петр Васильевич. И в ответ раздалось едва различимо-слабое:

– Эй-э-э-э-й!

Сперва Александре показалось, что откликается эхо, и только спустя несколько секунд она поняла, что это голос Алексея.

Вскоре группа уже была около него. Он лежал в снегу и стонал, повалившись набок.

– Нога болит. И лыжа сломана. Сам не знаю, как все получилось... – виновато сказал он.

– На месте разберемся, – сказал Петр Васильевич. – Сейчас мы тебя в санки погрузим и повезем в гостиницу, а там уже тебя осмотрят как надо, с толком.

– Даже неудобно как-то... столько хлопот.

– Неудобно только штаны через голову надевать, а так, сынок, все удобно. Потерпи маленько. Мужики, берите его аккуратно, не травмируйте человека.

Иннокентий и Вячеслав погрузили Алексея на санки, здесь к ним подкатил Игорь.

– Как он?

– С ногой что-то, – ответил Вячеслав. – И лыжа сломана. Где она?

– Где-то тут! В снегу.

Они нашли обломок лыжи и поехали в обратный путь.

Ехали молча, быстро, торопясь вернуться до наступления полной темноты. Когда показались огни гостиницы, Александра с облегчением выдохнула. Успели!

– Вернулись, – подтвердил Петр Васильевич. – Молодцы, ребята! Успели...

Все высыпали в холл.

Лилька, охнув, кинулась вперед:

– Живой?

– Раз перед нами, значит, живой, – съязвила Татьяна. – Что за дурацкие вопросы...

– Хоронить рано еще, – хмыкнул Петр Васильевич. – Скоро пацан оклемается и как огурчик будет. Главное – никому не нужную панику не поднимать. Откуда у тебя телефон-то мой, Лексей?

– А я, когда был в турфирме и заполнял анкету, увидел вашу, там контактные данные, вот и списал телефон на всякий случай. Думал – вдруг пригодится.

– И правильно сделал! Без этого пропал бы. Интуиция, значит, тебя, сынок, вела.

Предварительный осмотр показал, что, скорее всего, у Алексея растяжение связок. Осматривал его Иннокентий, который сказал, что он в медицине кое-что понимает и оказать первичную помощь сможет.

– Как же я завтра? – глухим голосом спросил он. – Что с походом-то?

– Какой поход! – громко сказал Вячеслав. – Нужно оставаться в гостинице и ждать нашего возвращения. Поход категорически противопоказан.

– Вот так, – и Алексей закрыл глаза. – Столько времени ждал этого момента, и все. Запорол сам, собственными руками, то есть ногами. – И он слабо улыбнулся.

– Ничего страшного! – подхватила Лилька. – Главное, что вы живы и здоровы. У вас еще столько таких походов будет впереди!

Тон Лильки был из разряда, как «нужно разговаривать с маленькими детьми, чтобы они не плакали». Все это почувствовали, поддержали Лильку и стали наперебой уверять Алексея, что на этом походе жизнь не останавливается, хорошо все, что хорошо кончается, главное – он живой, а все остальное – мелочи и детали.

– Ой! – вплеснула руками Лилька. – Что же это я про запеканку забыла? Я принесла из кухни картофельную запеканку. Сейчас чай подогрею.

Лилька ушла.

Алексея перенесли в комнату, туда же ему принесли запеканку и чай. Потом договорились, что поочередно будут дежурить около него, на всякий случай, если ему что-то понадобится. Иннокентий наложил шину на ногу Алексея. Марья Ивановна принесла из аптечки, находившейся на первом этаже, все необходимые медикаменты. Кто-то предложил обратиться за квалифицированной медицинской помощью в турфирму, но Алексей отказался наотрез. «Не стоит, – поморщился он, – не надо. Пройдет и так».

После ужина все перешли в каминную, нужно было обсудить завтрашний день: во сколько выходить, что с собой брать и другие технические детали предстоящего лыжного похода.

К общему удивлению, Иннокентий перенес сюда Алексея. Тот извинился и сказал, что таким способом хотел бы быть поближе к остальным участникам похода. Ему уступили место на диване, он лег, подложив под голову гобеленовую подушку.

Технические моменты обсудили довольно быстро.

Завтра с утра они садятся в джипы и едут до реки Ауспия, а дальше встают на лыжи и идут по заранее утвержденному маршруту. В день они должны были проходить примерно по 30 км.

Все это было заявлено в программе турфирмы, просто сейчас еще раз озвучивалось вслух. Предполагалось шесть дней в пути. Три дня по маршруту вперед, потом – обратно. Далее у реки они снова садились в джипы и доезжали до гостиницы.

– Вопросы есть? – спросил Иннокентий. – Задавайте. Обсудим сообща.

И здесь Александра подняла руку, как школьница на уроке. Все взгляды обратились к ней.

– Мы ведь вторгаемся в чужое пространство, – начала Александра. – Я имею в виду охотников-манси. Разве это не их территория? Не будет ли у нас в пути каких-то неприятных происшествий?

В каминной царила полутьма. Она окинула быстрым взглядом сидевших. И здесь ей показалось, что в чьих-то глазах мелькнули страх и растерянность. Но вот только в чьих?

Глава шестая

Первый исход

Если бы она не пошла, ее жизнь была бы другой. Меньше ветров, меньше дождей. Но возможно, она лишилась бы того прозрения, которое даруется людям, стоящим на продуваемых ветрами горных вершинах мира.

Гай Гэвриел Кей. «Львы Аль-Рассана»

После ее вопроса наступила тишина. Она ввинчивалась в уши и отдавала неприятным холодком в сердце. Александра чувствовала себя ужасно неловко, как будто бы она только что сморозила величайшую глупость и люди не знают, что ей ответить.

– Я хочу сказать, что мы здесь как гости, и отношение к нам может быть... – она запнулась, – не совсем доброжелательное.

В эту минуту она вспомнила слова отца, который учил ее: «Никогда не мямли, излагай все четко и деловито, если даже люди с тобой не согласны, они охотней рассмотрят твои доводы, если ты расскажешь все по порядку, не отвлекаясь на ненужные подробности». Сколько ей было лет, когда он сказал ей это? Десять? Одиннадцать? Мать часто одергивала отца, считая, что тот разговаривает с ней, как со взрослой. «Еще успеешь вложить в нее свои прописные истины, – улыбаясь, говорила она. – Зачем ей так рано загружать свою голову?..» Но отец отмахивался от матери и гудел своим низким голосом: «Чепуха, Вера, она уже не младенец, с которым нужно сюсюкаться. Будет быстрее понимать, что к чему. Жизнь редко кого гладит по головке, и нужно с раннего возраста уметь разбираться в ней».

«Успеется... успеется», – откликались потом в голове слова матери. Если бы в тот момент знать, что ничего не «успеется», что времени уже почти нет и что нужно использовать его с наилучшими возможностями. Никогда не следует думать, что впереди – целая вечность...

– Та группа, дятловцы, они же тоже шли по тропе манси. Может быть, в этом и кроется причина их гибели, – четко сказала Александра. – Я и в Интернете об этом читала...

Снова тишина. Она нарушила какие-то заповеди? Или люди предпочитают прятать, как страусы, головы в песок и ничего не знать? А она нарушает их священный покой неприятным напоминанием?

Эта тишина раззадоривала ее, бросала вызов...

– Не так все просто... есть и еще один неприятный случай. – Александра посмотрела на Лильку, не зная, как подруга отнесется к ее словам, но Лилька не смотрела на нее. Имеет ли она права выдавать подругу? Не обрушит ли темпераментная Лилька впоследствии на нее свой гнев? Она смотрела на нее, ожидая какого-нибудь знака, сигнала, подсказки, но Лилька молчала.

– Вчера я не спала и спустилась вниз, – продолжила Александра, решив перевести все стрелки на себя и не упоминать Лилю ни при каких обстоятельствах. – Прошла в зал, где стоит елка, и там под ней я обнаружила куклу Снегурочки со знаком охотников-манси на груди. Нас о чем-то предупреждают? Пытаются запугать? Или хотят, чтобы мы отказались от похода? И кто это делает?

И здесь тишина тихонько забурлила, зашевелилась, дала трещину, как лед на реке по весне. И наконец взорвалась...

– У-у-ф-ф-ф, – запыхтел Иннокентий. – Ну, у вас, девушка, и богатая фантазия. Все вам везде чудится, мерещится. Как с психикой-то?

Александра даже удивилась собственной бесчувственности. Еще месяц назад она бы стала возмущаться, возражать, но сейчас лишь холодно обронила:

– А по существу есть что сказать?

– По существу? Даже так? Ну и где эта кукла? Покажите! Предъявите в качестве вещественного доказательства, наконец!

– Минуту... Сейчас...

Она развернулась и чуть ли не бегом направилась к лестнице. Взлетела на второй этаж и, открыв дверь ключом, ворвалась в комнату. Нащупала рукой выключатель на стене и щелкнула им.

Неяркий свет залил комнату. Александра бросила взгляд на стол. Куклы не было! Она подошла к столу и отодвинула его. Ничего! На всякий случай заглянула под кровать. Тоже ничего. И куда она

могла деться? Кто был в ее комнате? Александра похолодела... Она осмотрела свои вещи: вроде все на своих местах.

Она вышла из комнаты и спустилась вниз. И здесь она приняла решение: ничего не говорить об этом. Решение пришло интуитивно, в какие-то доли секунды.

– Я не могу найти эту куклу. Наверное, куда-то ее засунула, – объявила она, появившись в каминной.

– Даже так? – не унимался Иннокентий. – Про-па-ла, – по слогам сказал он. – У-у-у... Расфантазировалась!

– Это не фантазия, – возразил Алексей. – Манси, как и другие народности, близкие к архаичной культуре, практикуют ритуальные культы. вспомните историю... Племена майя, ацтеков... Например, на ежегодном празднике маиса в храмовых комплексах в виде пирамид ежегодно приносились в жертву тысячи людей. А в Индии существовали кровавые жертвоприношения богине Кали. И наконец, все знают про культ вуду...

– При чем здесь манси и культ вуду? – резко возразил Петр Васильевич.

– На горе Холатчахль, которую по-другому, на языке манси, называют «горой мертвецов», когда-то было убито девять манси, и с тех пор их дух не дает взойти на эту гору. – Он устроил поудобнее больную ногу и продолжил: – Представьте себе такую картину. Своими действиями и подъемом на гору группа Дятлова оскорбила священную гору манси. Они жаждут отомстить им. Немедленно. И только туристы готовятся ко сну, как манси во главе с шаманом окружают палатку. Кто-то из туристов выходит по нужде и видит, как к палатке стягиваются манси в масках и ритуальной одежде. Впереди – шаман с бубном. Турист бросается обратно к своим, все в спешке покидают палатку, но снаружи их уже поджидают. Удар в бубен – и действие началось. Вокруг них в ритуальной пляске кружатся фигуры в масках. Есть от чего сойти с ума! Манси их не убивают, чтобы не привлекать к себе внимание, – они считают, что мороз все сделает за них. Смерть придет от холода. Разве так не может быть? – В голосе Алексея звучало волнение. – Они обречены на заклятие. Они – жертвы древнего ритуала.

– Чушь! – отрезал Петр Васильевич. – Полная чушь... Манси – они как дети, для них природа – божество. У них нет даже различий

между животным и человеком. Они не живут в тех местах, где обитают звери, не охотятся на молодняк и беременных самок, стараются не шуметь в лесу. Им даже запрещено касаться земли каким-либо острым предметом. Лес, озера, речки – для них священны. Проезжаешь или проходишь мимо священного места – будь добр, соверши определенный обряд. Раз уж ты нарушил его святость. А ты – жертвоприношения... – хмыкнул уральский пенсионер. – Что они жертвуют, так это первую добычу или улов, чтобы везло в новом сезоне. Поэтому у них так много праздников. Ты хоть был на одном, чтобы о чем-то говорить? Например, на медвежьем празднике? Самом любимом. Медведь – для них как брат. Успешная охота на медведя всегда сопровождается праздником... С одной стороны, манси чувствуют вину за его убийство, провожают его душу на небо, с другой – отдают ему почести... Эх, что там говорить! – махнул рукой Петр Васильевич.

– Но ведь есть такая версия, что охотники-манси могли быть причастны к гибели группы Дятлова, – настаивала Александра. – Разве не так?

– Была, – с расстановкой произнес Петр Васильевич. – Была такая версия, да сплыла. Доказательств не нашли.

– Велось следствие, были допросы охотников. Вы не будете этого отрицать?

– Время было такое, что вы, девушка, об этом знаете? Парткомы, обкомы... Они всю ситуацию контролировали, без них чихнуть нельзя было. Была объявлена сверху кампания против мракобесия. Вот и посчитали, что все хорошо укладывается в эту кампанию. Примитивные народы, у которых примитивная религия, расправились с группой туристов. Как хорошо и всем удобно. Только лопнула эта версия, как мыльный пузырь. Выеденного яйца она не стоит, а вы повторяете старые сказки.

– А может быть, наоборот? – выдохнул Алексей. – Не стали поднимать шума, потому что это как-то не... политкорректно. Страна запустила спутник, передовая вроде держава, ядерную бомбу сделала, а здесь какие-то пещерные религиозные культы. Шум мог подняться на весь мир...

– Чушь! – и для пущей убедительности Петр Васильевич рубанул рукой в воздухе.

«А ведь он непосредственно мог застать эти события, – мелькнуло в голове у Александры. – Сколько ему лет было в то время? Мальчишкой совсем был, но мог слышать разговоры старших. А потом эта история еще долго будоражила край... И что я могу сказать о нем? Только то, что он хорошо знает обычаи и традиции манси, защищает их, а может быть он... с ними заодно?» И эта мысль не показалась Александре абсурдной.

– На самом деле их погубила лавина, – раздался резкий голос Татьяны. – Они услышали звуки надвигающейся лавины и выскочили из палатки, в чем были, пытаясь спастись от нее.

Все взгляды приковались к ней.

– Интересная версия, – пробормотал Иннокентий. Татьяна, похоже, услышала его и повернулась в его сторону.

– Правда-правда. – Ее хриловатый голос звучал в тишине особенно звучно и громко. – Здесь не только лавина виновата, но еще и холод, мороз и сильный ветер. В тот район, где находилась группа Дятлова, внезапно вторгся арктический циклон. Сразу резко упала температура и усилился ветер. Потом и местные жители подтвердили, что ветер едва с ног не сбивал. И это – внизу. А наверху? В горах? Еще хуже...

Стояла тишина. Александра слышала, как тоненько воет ветер за окном, нудно, монотонно.

– Никаких следов лавины впоследствии не обнаружили, – спокойно сказал Вячеслав. – Поэтому данная версия как минимум несостоятельна.

– Да. Не обнаружили. – Теперь Татьяна развернулась к Вячеславу. – Травмы-то были, как от лавины. Судмедэксперты установили, что травмы возникли от сдавливания тел большой массой снега.

– Но простите, – вставил Кирилл, его очки блеснули в свете огня в камине, – лавина – это... – он взмахнул рукой, – стихия, она движется с бешеной скоростью, и от нее спастись практически невозможно. Лавина – как взрыв. Раз – и все... А дятловцы, получается, не только спаслись от лавины, но еще жили и двигались в течение нескольких часов.

– А это была особая лавина. Курить можно?

Татьяне никто не ответил, и она вынула из кармана джинсов сигареты и зажигалку, а потом встала, сняла пепельницу с подоконника и поставила себе на колени. Щелкнула зажигалкой и закурила.

– Специалистами было высказано предположение, что на палатку туристов сошла небольшая лавина из так называемой «снежной доски». То есть сверху находится твердый и плотно утрамбованный пласт снега, который лежит на слабой подложке. Достаточно какого-нибудь колебания, и эта твердая масса снега начинает скользить вниз – как лыжа по накатанной лыжне. Когда дятловцы стали устанавливать палатку, они могли подрубить «снежную доску» и затронуть ее «подпорки». Малейший толчок, и все – «доска» пошла вниз... И придавила палатку. Кстати, и раньше туристы гибли от таких лавин. Я читала об этом, – добавила она после недолгой паузы.

Возникла тишина. Татьяна стряхнула пепел с сигареты в пепельницу и обвела всех взглядом.

– Не знаю, – протянул Игорь, – что сказать...

Игорь был каким-то притихшим и спокойным. Он и Иннокентий как будто бы поменялись местами, подумала Александра. А может быть, это от того, что Игоря сразу обломали, вот он и притих. А Иннокентий, наоборот, почувствовал силу, обнаглел и расправил плечи.

– Скорее уж их погубил инфразвук, – сказал Кирилл.

– Откуда ему тут взяться? – фыркнула Татьяна. От ее серьезности не осталось и следа, она снова стала самой собой – острой, языкатой девицей.

– Физику надо знать, – отрезал Кирилл. – Долгая полярная ночь и яркое северное сияние могли породить инфразвук. Как известно, он может вселить в людей страх, тоску, панический ужас и даже – если попадет в резонанс с биоритмами – мгновенную смерть. Сильные ветры, дующие через перевал, могли преобразоваться в инфразвуковые волны. Это, кстати, мнение одного американского исследователя, который бился над тайной гибели группы. Он считает, что их погубил инфразвук. Испытав приступ ужаса и паники, они выскочили из палатки. Торопясь выбраться наружу, разрезали ее изнутри. Они пытались спастись, но все было бесполезно...

– Бред! – изрекла Татьяна.

– Почему – бред? – встрял в разговор Алексей. И он торопливо заговорил, как бы боясь, что его перебьют или не дадут высказаться. – Между прочим, есть мнение, что пение сирен в легенде об Одиссее – не что иное, как инфразвук. Есть истории, когда находили корабли или парусники без экипажа, и куда он подевался – непонятно. Скорее всего, услышав инфразвук, члены экипажа в страхе попрыгали за борт. Интересная история случилась в прошлом веке в тридцатые годы в одном театре. Режиссер захотел усилить эффект от своей постановки и обратился за помощью к известному физику Роберту Вуду. Вуд предложил применить обыкновенную органную трубу, но таких размеров, чтобы излучался не слышимый обычным человеческим ухом инфразвук. Когда раздался звук трубы, зрители в панике бросились вон из театра. Им показалось, что началось землетрясение... Такая же паника охватила и жителей соседних домов.

– Ребята могли отравиться подземными ядовитыми газами, – продолжал Кирилл. – Из трещин горы могли выходить вулканические газы. Так бывает в природе.

Языки пламени плясали в камине, яростно исполняя какой-то древний красивый танец.

– А еще говорят, что здесь виноват НЛО, или, как говорят в народе, летающие тарелки, – сказал Вячеслав. При этом по его тону было непонятно: шутит он или говорит всерьез.

– Да, – неожиданно встрепенулся Дмитрий. – Это действительно так.

– Вы тоже об этом читали? – Теперь в голосе Вячеслава явно звучала ирония.

– Читал, – сказал Дмитрий чуть ли не с обидой. – Должен же я знать, в какие места еду. – Тишина была такая, что слышны были ветер за окном и шорох огня в камине. – В том районе люди неоднократно видели НЛО. И до этого происшествия и после. НЛО видели и над местом гибели дятловцев. Поисковый отряд в феврале тоже столкнулся с этим явлением. Существует снимок дятловцев, где они сняли НЛО. Правда, некоторые утверждают, что здесь имеется простой брак пленки. Но надо понимать, что мы, наша Земля, являемся объектом для изучения других, более мощных цивилизаций. И туристы из группы Дятлова стали жертвой нападения посланцев внеземного разума. Они нарушили правила, которые следует соблюдать при атаке

НЛО: не смотреть на объект, не снимать, не приближаться... Если бы они действовали по правилам – были бы живы... Я интересуюсь темой космоса и иных цивилизаций, – добавил он после легкой паузы.

Голос Дмитрия был едва слышен. Наконец он умолк.

– А еще говорят, что они столкнулись с беглыми зэками, – вставил Игорь.

И здесь наступила не просто тишина, а безмолвный вакуум. Все звуки в комнате словно стерлись, выключились из окружающего пространства. Александре показалось, что она слышит, как тихо стучат зубы у Лильки, а на другом конце каминной дрожит рука Алексея, которая лежит на спинке дивана. Языки пламени в камине вспыхнули яростней, обреченней...

Александрю поразил, точнее, потряс один факт: оказывается, многие были хорошо знакомы с этой историей, читали о ней, размышляли над версиями гибели...

– Ну что! – поднялся с места Петр Васильевич. – Как говорят на флоте: по койкам. Завтра нам вставать рано.

Они разошлись по комнатам... Молчаливые, притихшие...

Оказавшись в своей комнате, Александра погасила свет и подошла к окну. И здесь... Она опять увидела отблески стекол бинокля и темный силуэт человека около ели... Или у нее разыгралась «богатая фантазия», как сказал Иннокентий? Она быстро выскользнула из своего номера и спустилась на первый этаж. Накинув куртку, она вышла на улицу, обогнула дом и увидела под навесом Вячеслава. Он стоял и курил.

Александра направилась к нему.

– Не помешаю?

Возникла легкая пауза.

– Нет.

– Дайте сигарету, – попросила она хриплым голосом.

Молча он протянул ей пачку.

Она взяла одну сигарету и затянулась, стараясь не кашлянуть от дыма, запершившего в горле.

– Завтра в поход... – начала она.

– А... да! Поход.

И снова молчание.

– Знаете, почему я сюда поехала?.. – Она сказала эти слова и испугалась. Страх перехватил горло, и стало трудно дышать. Словно лед обжег изнутри. И в то же время невидимая и неслышная работа шла внутри нее: с трудом, со скрипом внутри нее разворачивался маховик. «Это не так страшно. Попробуй, – уговаривал кто-то внутри нее, – рискни и увидишь, что получится...» Рискнуть... Никогда в жизни Александра не откровенничала с незнакомым человеком, она даже не знала, что это такое. Всю жизнь она была закрыта от посторонних людей, но сейчас эта тонкая, но необыкновенно прочная мембрана-оболочка начала рушиться...

Вячеслав молчал. Не давал никак знать, хочет ли он ее слышать или сейчас развернется и уйдет... Риск есть риск. Ты делаешь что-то без надежды на отклик, на взаимность, на сочувствие и переживание. Ты рискуешь просто потому, что ждать чего-то – уже бессмысленно. Ты не можешь не рисковать, потому что это твой последний оставшийся шанс, и его обязательно нужно использовать.

– Я приехала по одной причине... – Снежная лавина неслась прямо на нее, она уже настигала ее, еще секунда – и она утонет в ледяном вихре – грозном, неотвратимом, грохочущем... Он накроет ее с головой, и она не справится... Александра зажмурилась.

– Недалеко от этих мест погибли мои родители... – Лавина накрыла ее, и она на секунду ослепла и оглохла, мир качнулся и потерял свои очертания. Может быть, она просто умерла? Лавина унеслась прочь, задела ее, но не уничтожила. Александра открыла глаза.

Она стояла и чувствовала, как холод проникал в нее, леденил руки и пальцы, оставляя совсем немного незахваченного пространства. Но вместе с тем внутри постепенно разливалось тепло. Она не видела во мраке глаз мужчины, но почему-то ей казалось, что он смотрел на нее, не отрываясь, а может быть, ей хотелось так думать и представлять, что его внимание и теплота согревают.

– Мне было двенадцать лет, когда они погибли. Уехали кататься на лыжах и не вернулись, они сорвались в снежную пропасть и погибли. Я хотела поехать с ними, но они оставили меня дома. А я так просилась, чтобы они взяли меня с собой. Я хорошо ходила на лыжах и думала, что смогу уговорить их. Наверное, они боялись, что, взяв меня, ограничат свою свободу, а им хотелось побыть вдвоем,

ведь они об этом мечтали весь год. Я ждала их, было время школьных каникул, заняться мне было абсолютно нечем, никуда не хотелось ходить. Я сидела под присмотром соседки и рисовала. С тех пор я даже не могу брать в руки цветные карандаши или кисть. – Александра замолчала снова. Теперь Вячеслав чуть шевельнулся. Если он даже сейчас повернется и уйдет – плевать, решила она. Я совершила поступок, впервые рассказав о боли, терзавшей меня все эти годы.

– И однажды... они не пришли... Их нашли сорвавшимися в пропасть. Они лежали рядом. Мать и отец. Когда я узнала об этом, то упала в обморок – и это, наверное, меня спасло, потому что, мне кажется, я могла в тот же момент умереть от разрыва сердца. Только не спрашивайте меня о похоронах, о могиле, о кладбище, потому что детский разум этого вместить не может. Я помню только пустую квартиру. Оставшись одна, я выходила на детскую площадку и плакала...

На самом деле Александра вдруг с удивлением поняла, что она все забыла или почти забыла, а сейчас вспомнила. Старые воспоминания были заморожены в ней, они делали ее мертвой, ледяной, мешали жить... А сейчас они медленно таяли, уходили прочь в ночь, снег; уходили тонкой струйкой от ее дыхания в небо...

– И с тех пор я каждый раз со страхом ждала зимы. Я ждала ее с ужасом, а первый снег возвещал о наступлении моего личного персонального ада. Я старалась как можно меньше бывать на улице, а дома везде зажигала свет и ставила кассеты с фильмами. В свободное время я без устали смотрела фильмы, как будто бы они могли сократить время и ускорить приближение весны. И я перестала ходить на лыжах. И думала, что уже никогда на них не встану... Но меня спасла собака со смешным именем Буська...

И Александра вдруг тихо, беззвучно заплакала и больше всего на свете боялась, что он обнаружит ее слезы и увидит, какая она слабая, беспомощная. Она всегда была сильной. И никогда и никому не показывала ни своих страхов, ни растерянности и отчаяния перед жизнью, в которой она мало что смыслила, но делала вид, что понимала многое, почти все. И здесь она вдруг осознала, как это здорово: просто выговориться и увидеть, что тебя понимают и принимают вместе со всеми твоими словами, паузами, откровениями и обрывками воспоминаний; что тот лед, тот ком, который жил в ней

все эти годы, – растапливается, и вместо холода в груди появляются жжение, тепло и сумасшедшая, ничем не объяснимая радость. Она перестала плакать, и мощный поток света как будто бы омыл ее изнутри. Александра стояла, и сердце ее билось в унисон этой темноте, беззвездному небу, тишине, в которой на самом деле таилось много звуков: скрип двери, отголоски голосов, хруст снега под ногами. Она стояла и переминалась с ноги на ногу.

– А кем они были по профессии?

– Геологами.

– А... – и Вячеслав замолчал.

– Спасибо, – негромко сказала она. – За все.

Александра ждала слов, но он молчал, потом так же в молчании прошел мимо нее и вдруг остановился, взял за локоть и какое-то время держал ее так, и его тепло, уверенность и сила переходили в нее, словно у них была единая кровеносная система.

– А знаете, почему я приехал сюда?

Она качнула головой, не в силах говорить.

– Проверить. Испытать себя. Почувствовать братство, скрепленное снегом, трудностями, выживанием. Пусть и в сильно усеченном виде. Один раз я чуть было не рванул на Эверест. Уже собрался, нашел компанию. Я должен был туда пойти. Это было тяжелое для меня время, и мне нужно было проверить себя, вернуться оттуда другим. Мы уходим в походы и горы не только потому, что хотим проверить себя на прочность, понять, чего мы стоим, но и потому, что хотим измениться, что-то мы должны безвозвратно оставить в прошлом, сбросить старое... Но я не пошел...

– Почему? – прошептала Александра.

– Это трудно объяснить. Наверное, я не был готов. Я думал, что готов, но это было не так.

Он резко развернулся и ушел, а Александра стояла, не в силах пошевелиться или сделать шаг. Теперь она понимала выражение: «онеметь от радости». Это беспричинное состояние счастья привело ее в ступор. Какое-то время она стояла так, слыша стук собственного сердца, которое билось гулко, протяжно, до звона в ушах. Наконец она сделала шаг вправо и, нагнувшись, зачерпнула снег рукой, ей вдруг захотелось ощутить его холод, колкость... Снег приятно освежал лицо... Она нагнулась еще... Вместе с пригоршней снега в руках

оказалось что-то шершавое. Александра поднесла снег ближе к глазам. Это был клочок газеты. Она уже собралась выкинуть его, но вместо этого опустила клочок газеты в карман куртки и направилась в дом.

В номере она скинула куртку, разделась и пошла в душ, там она с наслаждением парилась под горячей струей воды, потом вытерлась насухо полотенцем, которое на этот раз пахло ванилью (целый склад запахов у них, что ли) и провела рукой по зеркалу. Лицо, которое она увидела там, было знакомым, а вот глаза – в глазах плескалась та сумасшедшинка, которой у нее сроду не было, и на щеках появился румянец, и куда, спрашивается, пропала ее «интересная бледность», которую отмечал любовник. И еще эта странная улыбка на губах, вроде бы она не хочет улыбаться, а губы сами складываются в эту счастливо-нахальную улыбку...

Она надела махровый халат, вышла из ванной, погасила свет и уже собралась нырнуть в постель, как вспомнила о клочке газеты. Конечно, можно оставить его на завтра, но все же чувство любопытства пересилило, она со вздохом снова зажгла ночник, подняла куртку с пола – так она и лежала там – и, сунув руку в карман, достала клочок. Он размок от влаги, Александра распрямила его, буквы кое-где стерлись... Это был отрывок какой-то статьи за подписью журналистки Светланы Коненковой. Как поняла Александра по этому обрывку, речь шла об убийствах в Екатеринбургской области, совершенных с особой жестокостью, потому что в конце статьи звучал гневный вопрос: «До каких пор полиция будет бездействовать, когда серийный убийца гуляет на свободе?»

Здесь Александра грустно усмехнулась: похоже, что журналистка очень молода, только по молодости тянет толкать пафосные речи и задавать прямолинейные безапелляционные вопросы. С годами все куда-то уходит: и пафос, и гнев, журналисты становятся циничными и прожженными. До такой степени циничными, что порой, когда смотришь репортаж с ними, хочется немедленно выключить телевизор, потому что в глазах такое неверие, такая тоска и усталость, что становится ясно – никакой правды здесь нет, но своим зрителям они упорно пытаются продать «осетрину второй свежести».

А ты, Светлана Коненкова, еще непроспительно юна, поэтому и задаешь неудобные вопросы. Сон потихонечку сползал, линиял,

комкался... Можно ли восстановить эту статью в Интернете. По клочку газеты нельзя судить, каким числом она датирована и о каких убийствах конкретно идет речь. Может быть, это старый номер, кто-то взял его в качестве обертки, а потом разорвал и клочок упал на снег...

Руки уже открывали *лэп-топ*. Александра подумала, что за эти дни она работала с ним больше, чем за целый месяц...

«Вот так, Бусь», – сообщила она собаке на кружке, кидая туда последнюю ложку кофе – надо было брать больше, купить банку, но она об этом не подумала...

Статью она нашла не сразу, пришлось помучиться. На каком-то екатеринбургском интернет-форуме Александра наткнулась на ссылку статьи. Однако когда она попыталась ее открыть, оказалось, что ссылка не работает... Вот незадача-то!

Но оказалось, что переживала она зря. Потому что на форуме пользователь под ником «*Брюс Всемогущий*» цитировал оттуда целые абзацы и, как поняла Александра, привел статью практически полностью. Она принялась читать и чем дольше читала, тем больше приходила в смятение. Было уже четыре жертвы. Три женщины и один мужчина.

Они все были убиты в лесу, при этом признаков ограбления не было, что само по себе являлось странным. Две жертвы были убиты три года назад. Третья в позапрошлом и четвертая – в прошлом году. Почерк убийства указывал, что убийца – один и тот же тип. Какой-либо связи между жертвами установить не удалось; чем руководствовался убийца, выбирая свои «объекты», – непонятно. Похоже, это действовал маньяк, следуя собственной, не доступной здравому уму, изощренной логике. Трупы обнаружили не сразу. Жертву, убитую в прошлом году, молодую девушку двадцати двух лет, студентку Наташу Грабову нашли в Ауспии. При этом жертва стояла на коленях, склонившись вниз.

Александра почувствовала тошноту и озноб и обхватила себя руками, пытаясь согреться. «Еще чашку кофе», – подумала она. Но вспомнила, что он закончился. Был, правда, чай в пакетиках.

Она заварила чай в чашке, сделала глоток обжигающего напитка и задумалась. Прочитала статью еще раз. Открыла в поисковике «*Брюса Всемогущего*» и зашла в его ЖЖ, то бишь Живой Журнал.

Рейтинг у Брюса (Brus Vsemoguchii) был не ахти какой, во всяком случае, в первую сотню блогеров он не входил. А болтался где-то в первой пятисотке, что тоже вообще-то было весьма неплохо. Специализировался Брюс на разных катастрофах, трагедиях, происшествиях. Статьи, или посты, как выражаются в Интернете, он писал бойкие, с захватывающими описаниями, подробностями, приводил для солидности кучу фактов. Аудитория реагировала по-разному – спорила, ахала, возражала. Несколько постов было посвящено трагедии на перевале Дятлова, очевидно, этой темой *Брюс* увлекся недавно, но старался вникнуть в нее, понять причины происшествия, рассмотреть не только старые, но и отыскать новые факты и версии. Александра пробежала глазами посты, потом ее мысли переключились на журналистку Светлану Коненкову. Можно попытаться найти ее в Интернете, если она есть в социальных сетях – связаться с ней, задать вопросы... Какие вопросы и как она будет их задавать – Александра не знала, но почему-то была твердо уверена, что ей непременно нужно разыскать эту Светлану Коненкову.

Самое странное, что никаких «следов» журналистки в Интернете не было. Александра была твердо уверена, что в Сети можно найти все, но оказалось – это не так. Раз за разом она набирала в поисковике «Светлана Коненкова, журналистка, Урал» и упрямо натыкалась на домохозяек, менеджеров... Ей повезло примерно через полчаса поисков. Маленькая фотография: журналистка вместе с представителями местной администрации на каком-то празднике. Александра кликнула и увеличила фотографию. Блондинка, короткая стрижка, лицо почти без косметики. Чем-то она показалась Александре знакомой; она внимательно присмотрелась. Стоп-стоп. Да, это, кажется... И она ахнула, зажав себе рот рукой. Это была Татьяна из их группы. Неужели она и есть Светлана Коненкова? Похоже на то... Если выкрасить волосы в рыжий цвет, сделать яркий макияж... Но почему она в таком виде и что здесь делает? И тут Александра похолодела: а не связано ли появление Светланы-Татьяны с ее профессиональным интересом? Может быть, маньяк, о котором она писала, идет по следу их группы, караулит, стережет их, ждет промахов? А если это он следит за ними в бинокль, каким-то образом проникает через стены, рисует на груди куклы загадочный знак?

По спине Александры прошла дрожь... Она подошла к двери и подергала за ручку. Заперто!

Она вспомнила, как сегодня они обсуждали причины гибели группы Дятлова и *все*, абсолютно все, кроме Лильки и Кирилла, были в курсе той давней трагедии, более того, настойчиво размышляли над причинами катастрофы, хотели ее объяснить...

И здесь Александре в голову пришла мысль: а может быть, в их группе находятся люди, так или иначе причастные к той истории? Только она не знает, сколько их и кто они? И какова их цель появления в турпоходе? А этот *Брюс Всемогущий*? Кто он? Александра внимательно посмотрела его *профиль* в ЖЖ. Вместо фотографии – физиономия Джима Керри, что вполне ожидаемо. И никаких биографических сведений. Даже в графе вместо города стоит – Российская Федерация. Коротко и емко. А вдруг этот Брюс Всемогущий тоже здесь? И кто же подходит на эту роль? Сразу на ум пришел Алексей. Ученый, журналист? Вместе с тем Александра понимала, что она, возможно, и ошибается! На эту роль годится кто угодно! Любой может быть под этим ником! И Дмитрий, и Иннокентий, и Игорь... И даже Петр Васильевич! Сейчас люди старшего поколения успешно овладевают Интернетом, а Петр Васильевич – не глубокий старик и вполне может быть продвинутым *юзером*. Он – местный, знает эту историю. Для стариков Интернет – как отдушина, связь с миром, когда круг друзей и знакомых сильно поредел, дети выросли. Вот он и решил вести свой *блог*. А почему бы и нет? Александра еще раз посмотрела ЖЖ *Всемогущего*. Журнал блогер стал вести относительно недавно – два года назад. А Вячеслав? И здесь сердце Александры сладко заныло. «Ты его исключаяешь из этого списка, – вкрадчиво шепнул ей внутренний голос. – А на каком основании? Потому что он тебе сильно нравится? И ты решила, что он образцовый мужчина – белый и пушистый, ни в чем не замешанный? А если это не так? Если ты, Александра, жестоко ошибаешься? Разве такое не может быть?»

Вздых застрял в груди. Нет, она не может его подозревать! Человеку, а особенно женщине, надо в кого-то верить; если думать, что все вокруг подлецы и негодяи, жить не просто трудно, а невозможно. Вера в кого-то или во что-то и есть та тоненькая ниточка, которая держит человека на плаву...

Она закрыла *лэп-топ*, погасила свет и забралась на кровать.

Мысли ее опять вернулись к Светлане-Татьяне...

Здесь Александра вспомнила, как еще в первый вечер она случайно услышала мужской разговор Кирилла и Игоря, который признался, что с Татьяной он познакомился недавно. А если Светлана-Татьяна *специально* познакомилась с Игорем, чтобы внедриться в группу? Конечно, с одной стороны, это перебор. А с другой – на что только не пойдут журналисты ради заветного репортажа, ради сенсации! А здесь – на кону поимка особо опасного маньяка, действующего с изощренной жестокостью. Ради этого можно пойти на многое...

Кто их разберет, этих журналистов, недаром их профессию называют «второй древнейшей»!

И даже посоветоваться не с кем! Александре почему-то подумалось, что о своем открытии насчет журналистки Светланы ей пока говорить никому не стоит.

Она уже собиралась нырнуть под одеяло, но случайно посмотрела в сторону двери, и ей показалось, что там кто-то стоит, какая-то тень... В коридоре был свет, в ее комнате – темно, и легкий сгусток темноты был около ее двери...

Она встала и на цыпочках подошла к двери. Шорох, скрип... Или у нее вконец расстроились нервы?

Александра легла спать, но уснуть никак не могла... Почему-то взгляд упорно возвращался к двери и той тени... Кто-то же украл из ее комнаты куклу?

Наконец она задремала... Но легкий внутренний толчок разбудил ее. Скрип. Шорох. Чье-то тяжелое дыхание около двери. Она бредит? У нее не все в порядке с психикой? И здесь Александра *явно* услышала, как в замок вставляется ключ. Она вскочила с кровати и зажгла ночник.

– Кто там? – негромко спросила она.

Тишина.

У кого может быть ключ от ее номера? Она вспомнила, как в первый же день Вячеслав попал в ее комнату. У него почему-то оказались ее ключи, и, как он утверждал, они висели внизу на щитке. Но как это могло быть? Она не стала заострять на этом внимание, но все же данный факт показался ей весьма странным. Так что может

быть, это Вячеслав хочет попасть к ней в номер? Но зачем? Тем не менее тогда, в первый же вечер, он уверял, что этот номер его... У Александры страшно заныл затылок, как будто бы она со всего размаху ударилась им о дверь или стену.

– Ешкин кот, – тихо пробормотала она, дотрагиваясь до головы. Она помнила, как отец, когда сердился, часто говорил эти слова. И когда она была маленькой, то не представляла, кто такой этот кот и почему он «ешкин»? Ей казалось, что это какой-то необыкновенно пушистый белый кот, который приходит ниоткуда и в никуда исчезает. И только повзрослев, она узнала настоящее значение этого выражения: просто отец не хотел ругаться при своих «девочках», вот и употреблял этого «кота».

– Ешкин кот, – повторила Александра, и ей стало легче, она словно услышала интонацию отца – сердито-ироничную.

«Думай, Александра, думай, – сказала она себе. – Что может быть ценного в твоём номере? И зачем в него лезут?» На ум пришли невидимые глазу тайники и хорошо замаскированные сейфы. Она встала и прошла по номеру, тихо постучала пальцами по стенкам. Ничего. Может быть, это банальный вор? Но чем здесь можно пожить? Она бросила взгляд на мобильный. Ей осталось спать несколько часов, и если она не выспится, то будет клевать носом на лыжне... Но если она уснет, то где гарантия, что к ней снова не полезут? Немного поразмыслив, Александра решила самое ценное вынуть из рюкзака и спрятать. Она достала из рюкзака кошелек, ключи от дома, черную папку, найденную на антресолях. Она машинально раскрыла ее; в глаза бросились анкеты родителей.

Волгин Геннадий Александрович

Родился 27 марта 1955 года в поселке Черемухово Североуральского городского округа Свердловской области. По окончании средней школы в 1972 году поступил в Свердловское педагогическое училище.

В 1975–1976 годах работал учителем, директором школы в посёлке Волчанск.

В 1977 году Свердловский обком партии направляет его на учёбу в Томский университет на геологическое отделение. После окончания университета его назначают начальником комплексной

геологоразведочной партии в Кангалассах. Геологическая партия впервые подсчитала запасы каменного угля в Кангалассах и дала рекомендации к его разработке. В 1982 году познакомился в экспедиции с практиканткой Московского горного института Дороховой Верой Константиновной и женился на ней. После свадьбы переехали жить в Москву. Вместе работали в геологических партиях.

В 1985–1987 годах, будучи начальником Буотамо-Тит-Аринской геолого-разведочной партии, Волгин Г. А. производит разведку месторождения железных руд по реке Буотама. Волгина В. К. работает гидрогеологом в гидрогеологическом отделе той же геолого-разведочной партии. В 1988 году Волгин Г. А. назначен начальником Якутского районного геолого-разведочного управления, а в 1990 году управляющим геолого-геофизической партии Пермской геолого-разведочной экспедиции Уральского территориального геолого-разведочного управления.

Волгина (Дорохова) Вера Константиновна

Родилась в Москве в 1959 году.

Закончила среднюю школу в 1975 году и сразу поступила в Московский геолого-разведочный техникум, который закончила в 1977 году. В 1979 году поступила в Московский горный институт...

Она вспомнила, как в детстве ее оставляли у бабушки Серафимы Павловны, когда родители уезжали в командировки. Родители частенько рассказывали ей, как они познакомились на практике... Лес, комариные укусы, холод по утрам, песни у костра, студеной вода озера, в котором они любили купаться...

У нее встал комок в горле. От того времени остались фотографии: какие они там счастливые, молодые, беззаботные...

Александра снова перечитала анкеты: получается, что родители какое-то время работали здесь. Александра нахмурилась... Что-то важное ускользало от ее понимания. Надо ложиться спать, а утром все обдумать заново, на свежую голову. Но куда спрятать папку? Она сунула ее вместе с деньгами и документами под ванную и легла в кровать, предварительно подперев дверь стулом. Александра надеялась, что если кто-то попытается забраться к ней в номер, она проснется от звука отодвигаемого стула.

Утро началось с того, что Александра вскочила от звонка будильника и посмотрела на часы. Через полчаса – завтрак, и они выходят в поход. Она еще раз проверила рюкзак: все на месте. Теперь нужно было привести себя в порядок и сойти вниз.

В столовую Александра пришла почти последней. Все, кроме Алексея, были на местах.

– Привет! – сказала она, подходя к своему столу.

– Приветик! – буркнула Лилька.

– Утро доброе! – протянул Петр Васильевич. – Погодка вроде хорошая установилась. Для похода как раз, – и Александре показалось, что он хитро усмехнулся в усы.

– Все готовы? – обвела их взглядом Александра, усаживаясь на стул и придвигая к себе тарелку с картофельным пюре и котлетами.

– Готовы! Как пионеры! – Лилька повернула голову, и Александра поняла, что она смотрит на Вячеслава. Невольно она тоже проследила за ней взглядом. Вячеслав сидел, уткнувшись в свою тарелку, и ни на кого не смотрел. Лилька быстро перевела взгляд на Александру.

– Немножко страшно, правда? Вдруг мы не справимся?

– С чем?

– Ну, со всем: с погодой, маршрутом, запутаемся, заблудимся...

– Раньше я тебя трусихой не считал, – и Кирилл приобнял Лилю за плечи. – Выше голову! Все будет замечательно.

– Надо было погоду в Интернете посмотреть. Вы не заглядывали в Сеть? – обратилась Александра к Петру Васильевичу.

– Куда? – переспросил Петр Васильевич.

– В Интернет не заходили?

– А... это... нет, не балуюсь. Мне это ни к чему.

– Но вы им пользуетесь? – настаивала Александра.

– Сань! Ты чего к человеку пристала, – одернула ее Лилька. – Выйди сама и посмотри погоду, всех делов-то!

– Да это я так, – стушевалась Александра. – Думала, человек уже с утречка все посмотрел.

– Не знаю, с чего ты взяла, что Петр Васильевич уже с утречка ловит вай-фай и сидит в Сети?

– Кофеек вкусный, еще пойду чашечку налью... – крикнул Петр Васильевич, поднимаясь со своего места.

– Сань... что с тобой? – шепотом спросила Лиля. – Все в порядке? Ты какая-то странная сегодня.

– Со мной все в полном порядке, – подчеркнула Александра. – «А вот с другими...» – продолжила она про себя.

– Ну вот и отлично! А то я уже подумала, что ты не выпалась или что-то в этом роде.

Лилька взяла зубочистку и вертела ее в руках.

– А все-таки странно... – но свою мысль она не закончила.

На улице был бодрящий мороз. Они встали в круг, стояли и смотрели друг на друга. Марья Ивановна в сером пуховике и белом оренбургском платке на голове и Николай Данилович в черной куртке провожали их.

– Все будет хорошо, – растягивая слова, произнесла Марья Ивановна. – И погода будет хорошая.

– Точно! – подтвердил Николай Данилович. – Метелей не ожидается.

– Ну что? – Вячеслав посмотрел на небо. – В путь?

– В путь-дорожку! – подхватил Петр Васильевич.

Два джипа уже ждали их, они погрузились в них и бросили прощальные взгляды на гостиницу. Алексей вышел на крыльцо и подошел к внедорожникам.

Вид у него был страдальческий.

– Вы, ребята, куда потом?

Один из шоферов – маленького роста, с желтыми, как у кота, глазами посмотрел в сторону. Потом – на него.

– Я сюда вернусь, мне тут нужно кое-что забрать, а Серега поедет дальше без захода на эту базу.

– Вернешься? – встрепнулся Алексей, опираясь на палку. – Тогда я с вами поеду. Все не так тоскливо будет, да и вместо гида выступлю, расскажу про места здешние. А потом вернусь.

Александра видела, что ему плохо, не хочется оставаться одному, все-таки они если и не сдружились за это время, то *группой* все равно стали. А теперь – они уходят, а он остается. И что может быть хуже и тоскливей для человека, который мечтал об этом походе, хотел быть со всеми...

Шофер посмотрел на него.

– Да куда ж ты с палкой?

– А ничего, – бодро откликнулся Алексей. – Она мне не помеха.

– Болеть в дороге нога не будет?

– Не-а. А если и будет – не скажу, ныть не стану.

– Ну, садись! Угораздило же тебя!

– Угораздило, – согласился Алексей. – Сам не рад.

Он стал забираться в джип, Кирилл прыгнул и помог ему.

Александра оказалась в одной машине с Алексеем, Лилей, Кириллом и студентом Дмитрием. Рюкзаки они погрузили в багаж. Черную папку с деньгами и документами она утром достала из-под ванной и положила на дно рюкзака.

Алексей сел, вытянув больную ногу, и прищурился. Он был в черной курточке и теплых спортивных брюках, на голове – серая шапочка.

– Вам удобно? – спросила Лиля.

– Все нормально. Без проблем.

На крыльце стояли два охранника и собака. Они провожали их.

– Я уже привыкла к нашей гостинице, – сказала Лилька, прижимаясь к стеклу. – Как родная стала. Когда вернемся, нужно будет отметить это событие. Выпить шампанского или вина.

– Надо о походе думать, а не о шампанском, – заметил Кирилл.

– Одно другому не мешает. Ну что поделать, люблю я праздники, – и она улыбнулась. Но Александра видела, что на душе у подруги тяжело, скребут кошки, однако та изо всех сил старается этого не показывать, бодрится, хорохорится.

– Три дня туда, три обратно, – сказал Алексей. – Я буду ждать вас всех. Скучновато будет валяться в постели и смотреть телек. Ну так сам виноват.

– Винить себя – последнее дело, а время пролетит быстро, – откликнулся Кирилл. – Не переживай. В жизни все бывает.

– Ну что, поехали? – обратился к ним шофер.

Они тронулись с места. Гостиница осталась позади. Справа и спереди простиралась лесотундра, и сердце Александры сжалось от странных предчувствий, которые она и сама себе не могла объяснить.

Глава седьмая

Призраки древних скал

*Когда выпадет снег и задуют белые ветры,
одинокий волк гибнет, но стая живет.*

Джордж Мартин. «Игра престолов»

В машине стояла тишина.

– Вас как зовут? – обратилась Александра к шоферу.

– Меня? – удивился тот. – Ну, типа, Николай. А что?

– По имени называть вас станем, – вмешалась Лилька. – Не звать же вас: «эй, извозчик!»

Тот неопределенно пожал плечами. Мужчина он, видимо, был неразговорчивый.

Дмитрий выглядел хмурым и невыспавшимся.

– Что-то случилось? – поинтересовалась Лиля.

– Дневник пропал, – выпалил тот и нахмурился. – Там кое-какие записи были, я их хотел потом в Интернет выложить.

– Вы блог ведете? – поинтересовалась Александра, вспомнив ночные бдения над лэп-топом и «Брюса Всемогущего».

Дмитрий заметно стушевался.

– Пока нет, – неохотно буркнул тот. – Я только собирался открыть блог. И сразу дать туда забойный материал. Я все изучил: как нужно блог раскручивать. Для начала оставлять комментарии у топ-блогеров. И по возможности интересные, чтобы на тебя люди внимание обратили и ломанулись на твою страницу. Они туда зашли поинтересоваться: кто ты и что ты. А там у меня свеженький материал готов. И какой только козел книжку спер?

– Наверное, тот, кто сам хочет стать топ-блогером, – сказала Лилька. – Тут у нас блогеров – зашибись. Я, например, даже не знаю, что это такое... А ты! – обратилась она к Александре – Ведешь блог?

– Увы! – развела та руками. – Я с компьютером и Сетями вообще не дружу. Так что на лавры топ-блогера не посягаю. И блога своего нет.

– Кирилл? – продолжила Лиля.

– Больше дел у меня нет, как в Сети торчать... Не подросток же я, в самом деле!

– Мы с Кириллом отпадаем.

– Я – ученый, а блоги – это... – И Алексей сделал соответствующий взмах рукой. При этом он презрительно поджал губы и, отвернувшись, стал смотреть в окно.

– Так что похитителей велосипедов, то есть вашего дневника, здесь нет. Да найдется он. Завалаялся где-нибудь, а вы уже – украли, – утешала его Лиля. – Вот увидите.

Они уже отъехали от гостиницы, и джип рассекал по лесу.

– Где же ваш рассказ о здешних местах? – посмотрела Лиля на Алексея. – Мы слушаем.

Тот кашлянул в кулак, потом обвел их глазами.

– Вам это действительно интересно?

– Еще как! – заверила его Лиля. – Должны же мы знать, куда едем и где будем шастать по лесу.

Алексей отвернулся в окно и начал монотонным голосом, как у гида, который читает свою лекцию в сто первый раз, отчего она уже успела ему порядком поднадоесть:

– Северный Урал начинается от горы Косьвинский Камень...

Голос Алексея определенно усыплял: монотонный, без всякого намека на эмоции.

Северный Урал – край густых таежных лесов, высокотравных субальпийских лугов и болот... Здесь обитают олени, лоси, медведи, россомаха, соболи, белки, бурундуки, колонки... На Севере богатым человеком считается не тот, у кого много денег, а тот, у кого больше оленей. Интересна полевка Миддендорфа, которая обитает в тундре Северного Урала...

– Кто-кто? – переспросила Лиля.

– Полевка Миддендорфа, – повторил Алексей. – Я о ней еще статью писал в научном журнале. Она строит гнезда в кустиках голубики и карликовой березы на высоте нескольких сантиметров над землей.

– Это грандиозно, – сказала Лилька с издевательским подтекстом.

Наконец джип затормозил.

– Ну, приехали, – скалал шофер, оборачиваясь к ним. – С прибытием на место.

Они высыпали из машин и смотрели друг на друга так, как будто видели впервые.

Им предстоял шестидневный поход, ради которого они сюда и приехали.

Александра обратила внимание, что лыжи почти у всех были хорошие, фирменные, видно было, что народ собирался в поход, основательно подготовившись, желая отдохнуть по полной и получить заслуженное удовольствие.

Александра украдкой посмотрела на Татьяну, Если бы не ее поиски в Интернете, ни за что не подумала, что эта развязная девица – *журналистка на задании*. И кого она выслеживает? С этим человеком они должны встретиться в походе? Или он в их группе? В кончиках пальцев неприятно закололо. Хотелось с кем-то поделиться своей тревогой, чтобы вместе придумать выход из положения, в которое они все попали. Александра прекрасно отдавала себе отчет, что этот кто-то – Вячеслав, но теперь она поняла совершенно ясно, что никому, абсолютно никому она не может доверять, потому что все здесь... как охотники, которые ловят дичь. Вот только кто или что выступает в роли дичи... Она вдохнула морозный воздух.

Вячеслав стоял как бы немного поодаль, не смешиваясь с толпой.

– У-у-у-у!.. – неожиданно крикнул Иннокентий и резким движением воткнул палку в снег.

Эхо раскатилось по лесу.

– Не шуми, сынок, в лесу, – негромко сказал Петр Васильевич. – Лес этого не любит. Мало ли что... – Он не закончил фразу.

Иннокентий бросил на него колющий взгляд, но ничего не сказал.

Джипы уже уехали, Алексей помахал им рукой, грустная улыбка скользнула по его губам.

– Сейчас к нам подъедет инструктор, – сказал Петр Васильевич.

До Александры дошло не сразу: какой еще инструктор, ах да, они же должны идти в поход с инструктором. Его фамилия и имя были написаны крупными буквами на плакате, висевшем в холле, там же, где была напечатана программа пребывания в гостинице «Уральские дали». Кажется, его звали Николай Кузичев.

– Что-то он запаздывает... – недовольно сказал Иннокентий.

– Машина уже едет, – ответил Петр Васильевич. – Я слышу звук мотора.

Александра прислушалась: к ее стыду, она ничего не слышала, наверное, у Петра Васильевича специально тренированный слух.

– Вы охотник? – спросила она его.

– Иногда хожу. А почему вы спросили об этом?

– Вы слышали звук мотора, а я ничего не слышу, – призналась Александра.

– А... это да, у охотников слух тренированный, – согласился он. – Что есть, то есть... Привыкли слышать тишину...

Черный джип вынырнул из-за деревьев и остановился. Из него вышел, нет, точнее, вывалился высокий сухощавый человек, которому при ближайшем рассмотрении можно было дать и сорок, и пятьдесят лет.

Он подошел к ним и представился:

– Кузичев Николай Павлович. Ваш инструктор. Надеюсь, не опоздал.

Лиля придирчиво осмотрела его с головы до ног и протянула руку.

– Лилия Шамсанова.

Но он словно не заметил протянутой руки, кратко кивнул:

– Хорошо. Давайте по порядку...

Про такие лица, какое было у их инструктора, обычно говорили «дубленое». Оно было сильно загорелым и обветренным. Тонкие губы и резкие носогубные складки. И вообще было похоже, что лицо ваял скульптор, не заботясь об отделке.

Когда все представились, Николай обвел их безразличным взглядом, таким, наверное, обводят стадо скота, и сказал негромким голосом:

– Прошу слушаться меня... – Александре показалось, что он чуть не добавил слово «беспрекословно», но в последний момент передумал, – ...со вниманием. Это не подмосковный лес с пеньками. Это суровый край, здесь туристов могут подстерегать разные опасности, так что прошу не отставать и ко всем моим командам относиться как к руководству к действию.

Было видно, что эти слова он говорил много раз, поэтому уже и не особо придавал им значения, это была инструкция, которую ему нужно было отбарабанить перед своими подопечными.

– Все понятно?

– Все ясно, командир! – ответил за всех Петр Васильевич и погладил свои усы. – Два раза повторять не надо.

– Очень хорошо, что не надо. Я рад, а то туристы попадаются разные, и бывает так, что неприятностей не оберешься. По их же вине.

– Вот нудный тип, – шепнула Лилька Александре. – Я думала, будет симпатичный молодой человек, спортивный...

«Наверное, хотела Вячеславу нос утереть и сыграть на струнках ревности», – непонятно почему подумала Александра.

Они шли друг за другом. Погода была неустойчивой: солнце сменялось пасмурностью, а пасмурность снова – солнцем. Один раз Александра увидела, как белка молнией скользнула по сосне и скрылась в верхних ветвях. Перед Александрой шла Лилька, Вячеслав был в середине группы.

Через два часа объявили привал и обед.

– Разводим костер, – сказал Николай. – И обедаем. Для начала собираем материал для растопки. Туристы со стажем здесь есть?

Руку поднял один Петр Васильевич.

– Понятно. Но вас я гонять не стану из уважения к возрасту.

– И на том спасибо, – и уральский пенсионер привычным жестом погладил свои усы.

– За заготовкой материала для костра пойдут дамы. Лариса и... – он показал на Александру.

– Лиля, – поправила его Лилька.

Инструктор поморщился, но ничего не сказал.

– Объясняю, какой материал нужно принести. Тонкие сухие ветки толщиной со спичку. Это раз. И ветки потолще – величиной с карандаш – это два. И не забудьте про паутинку – мелкие сухие еловые веточки.

– А где мы их найдем? – Судя по тону и выражению Лилькиного лица, у них с инструктором установилась взаимная «любовь».

– Находите крупную ель, поднимаете нижние ветки и там же увидите мелкие сухие. Задача ясна?

– И сколько нам нужно набрать этого материала?

– Чем больше – тем лучше.

И он повернулся к ним спиной, тем самым показывая, что разговор окончен.

– Мужчины пойдут за бревнами...

Лиля с Александрой отправились к близлежащим деревьям. Александра нагнулась за сухими ветками, когда Лиля позвала ее:

– Сань!

– Да, – машинально откликнулась она.

– Не нравится мне все это, – тихо сказала она.

– Что именно?

– Подойди сюда, ближе... – попросила Лиля.

– Да я и так рядом.

– Не хочу говорить громко, вдруг нас подслушивают.

– Тут никого нет.

– А мне так не кажется. У меня есть впечатление, что за нами следят. Следят всю дорогу. – Внутри у Александры неприятно заныло.

– Тебе так кажется, – спросила она, делая ударение на слове «кажется», – или у тебя есть какие-то доказательства и факты?

Лилька тряхнула головой: прядь светлых волос выбилась из-под шапочки.

– Я несколько раз оборачивалась, и мне казалось, что я вижу человека, следящего за нами. Он почти сливался с деревьями, и его было не видно.

– Он что... шел за нами? – хриплым шепотом спросила Александра.

– Да. Как тень. Неужели его никто не видел, кроме меня? Я думала, что это галлюцинация, но пришла к выводу, что нет.

– А почему ты никому не сказала об этом?

– Потому... Я решила не поднимать панику, и так неприятностей у нас хватает. – Об этом только Кирилл знает, с ним я поделилась. Ну что ты скажешь по этому поводу, Сань?

– Пока – ничего. – Ей ужасно хотелось поделиться своими опасениями с Лилей, но она подумала, что тем самым усилит Лилькин страх, и так та напугана, и поднимать сейчас панику и тревогу совершенно ни к чему. Даже если она думает и чувствует так же, как Лилька.

– Ой, – сказала Лилька, отступившись в сторону. – Я, кажется, ноги промочила. У тебя есть пара сухих носков?

– Есть.

– А я безалаберная – забыла. Дашь свои?

– Без вопросов.

Они несколько раз возвращались с охапками хвороста, Лилька трудилась как пчелка, очевидно, желая доказать всем свою профпригодность для туристического похода.

...Наконец костер был разведен. Сначала он дымил, чах и гас, потом языки пламени становились все чище: без гари и дыма, от которых слезились глаза и хотелось чихать.

Пламя лизало толстые бревна, которые загорались медленно, постепенно. Александра и Лиля подкладывали в костер хворост, и вот костер взметнулся вверх, и искры с удовольствием рассыпались в воздухе.

– В-о-о-т, – протянул Петр Васильевич. – Красота.

Игорь переглянулся с Татьяной, присел на корточки и протянул к костру руки. Татьяна последовала его примеру. Похоже, они спелись, подумала Александра, хотя, возможно, журналистка маскируется. Неизвестно, что она наплела Игорю, чтобы только попасть в этот поход.

Они поели. Никогда еще Александре не казалась гречневая каша с мясом такой вкусной, и колбасный фарш, и фруктово-ягодное повидло. А горячий чай приятно согревал, и тепло растекалось по телу.

Александрю поразил тот факт, что все они, члены группы, друг с другом разговаривали мало, общались как бы неохотно и вообще старались как можно меньше контактировать. Потушив костер, снова двинулись в путь. День по-прежнему был серым, без проблесков солнца. Поднялся ветер: жесткий колючий, от него приходилось увертываться и наклонять голову, как будто собираясь с кем-то бодаться.

Больше привалов они уже не делали, только останавливались на краткий отдых и, сделав эту паузу, снова трогались в путь.

В начале четвертого инструктор остановился и воткнул палки в снег.

– Останавливаемся на ночлег, – сказал Николай, оглядывая пространство вокруг. – И первым делом нам нужно сделать площадку.

Работа закипела. Место, предназначенное для площадки, было тщательно очищено от камней и выровнено. Какое-то время они все дружно топтались на площадке, не снимая лыж – утрамбовывая снег, и со стороны можно было подумать, что они исполняют какой-то

сложный ритуальный танец. Наконец Николай махнул рукой, что означало: дело сделано, и все остановились.

Неглубокий рыхлый снег они убрали и еще запаслись лапником, который нужно было положить под палатку.

Палатку ставили Николай, Вячеслав, Петр Васильевич и Кирилл. Сначала натянули пол палатки, начиная с угловых растяжек, затем установили опорные стойки, которые поддерживали конек палатки.

– Тяни! Тяни! – слышался голос инструктора. – Чтобы все ровно было! Смотрите, чтобы опорная стойка вбок не завалилась!

Александра стояла с Лилей поодаль. Татьяна-Светлана – рядом с ними.

– Туристы! – фыркнула она. – Бывалые, ага!

– Теперь каждый берется за угловую оттяжку. Одновременно! Я сказал – одновременно! – повысил голос Николай. – И натягиваем, чтобы не получилось складок. Если они образовались, то нужно смотреть, кому ослабить или, наоборот, натянуть оттяжку посильнее. Все понятно?

Сначала была поставлена одна большая палатка. Потом две другие. Маленькие. Для Лили и Александры и для Татьяны с Игорем.

После того как палатки были установлены, они снова развели костер, поужинали и решили немного посидеть «у камелька», как сказала Лиля.

Костер ярко пылал, и они сидели вокруг костра. Искры взметались и рассыпались в воздухе золотисто-красной пылью.

– Как романтично! – вздохнула Лиля, утыкаясь в свой шарфик. – Места здесь загадочные. Говорят, когда-то здесь золото добывалось.

– Да, только добывали его здесь неромантичные зэки, которые время от времени сбегали и наводили шороху на местных жителей, – возразила Татьяна.

– Ивдельлаг, – веско сказал Петр Васильевич. – Другой мир, другие люди. Каждый второй в этих краях был заключенным. Здесь все было переплетено. Лагерная жизнь, мирная... А наша Лозьва – сплавная река. Заключенные сплавливали по ней лес... И это была адова работа...

– Но ведь именно в реках, в поймах рек намывают золото, – не унималась Лилька. – Так ведь? Это золотиносный край.

– Намывают, – процедил Петр Васильевич.

И снова, как и тогда в каминной, Александре показалось, что в чьем-то взгляде мелькнули тревога и напряжение. Языки пламени прильнули к толстым обуглившимся бревнам, а потом яростно взметнулись вверх, искры рассыпались в воздухе. Татьяна взмахнула рукой, как будто бы отгоняла надоедливых мух. Она сидела ближе всех к костру, съежившись и обхватив себя руками.

– Говорят, когда группа Дятлова здесь была, как раз незадолго до этого ээки сбежали. Они же и встретились с туристами, как говорится, на узкой тропке. Слово за слово... Те и накинулись на ребят. – Татьяна пробубнила эти слова монотонно, как бы про себя, а затем вскинула голову и обвела всех взглядом. – Мы сейчас, как пионеры, травим байки у костра. Есть же байки из склепа, а у нас байки у костра. – Она рассмеялась, но смех быстро оборвался.

Все молчали.

– Никто не убежал, – протянул Петр Васильевич. – Потом и разъяснение было на этот счет.

– Это официальная версия, – раздался звонкий голос Дмитрия. – Тогда партийным чиновникам было невыгодно признаваться в этом факте. Ээки, которые регулярно сбегают, портили всю картину. Разве не так?

Тишина поглотила вопрос.

– Бред! – бросил Кирилл. – Ну что мы такое здесь обсуждаем?! Других тем нет?

– Аура здесь такая, – бросила Татьяна. – Уральские легенды всегда в ходу.

– А как вам такая баечка? – раздался голос Иннокентия. Он откашлялся и потом продолжил: – В то время произошли бунты, ну, этих... заключенных. Охрану почикали, пошли в сторону дороги железной. Ребята были не с пустыми руками, кое-какое ружьишко имелось, ножички... Власть войска двинула, ну... кого-то перебили, а кто-то в тайгу рванул. Схоронился там. И тогда их решили переморить, как крыс и тараканов. И газом их сверху накрыли нервно-паралитическим, чтобы все передохли быстро. А туристы те попали вроде под руку. Под раздачу.

Александра подумала, что Татьяна умело провоцирует людей, но к кому она конкретно обращается, она кого-то подозревает из них? Или действует наугад?

– Ну если уж на то пошло – давайте вспомним, скажем так, и ракетную версию, – спокойно сказал Вячеслав. Он смотрел прямо перед собой. – Есть данные, что вблизи хребта находилась секретная ракетная испытательная база. И стреляли ракетами с атомными боеголовками по полигону на Новой Земле. Траектория полета ракет пересекала хребет в районе горы Отортен. Там же происходил сброс первой ступени ракеты. Бывали и катастрофы. Как мы знаем, целью похода группы Дятлова являлась вершина Отортена. Поужинав, туристы готовились ко сну, один из них вышел и, уже возвращаясь, увидел в небе приближающийся огонь. Он закричал, несколько ребят выбежали из палатки. Ракета врезалась в склон выше палатки, и произошел вакуумный взрыв. Вероятно, разрушилась атомная боеголовка и ударная волна отбросила ребят на десятки метров по склону горы. Они получили смертельные переломы и травмы. Те, кто остался в палатке, пострадали меньше. А потом военные тела перевезли вертолетом на другую гору недалеко от места трагедии. При этом была произведена инсценировка гибели группы якобы по непонятным причинам. Тоже версия как версия, – сказал Вячеслав, по-прежнему не смотря ни на кого.

– Ну почему бы этому не быть правдой? – раздался голос Кирилла. – Я читал, что, возможно, причиной гибели ребят стали неудачные испытания какой-то бомбы. По всей вероятности – нейтронной. Запускался мини-снаряд, который должен был упасть в заранее определенный район, но произошел сбой. И одежда ребят вроде бы имела странный светло-фиолетовый оттенок, будто чем-то была обработана. После неудачного запуска прибыли военные. Они поняли, что случилось ЧП. Туристы пострадали, но были еще живы. Было принято решение вывезти туристов. На вертолете их доставили в расположение войсковой части. Обследовали, стало понятно, что они обречены. Что делать? Отправлять в обычную больницу – нельзя. Гостайна. – Кирилл замолчал. – Как это ни ужасно звучит, самым оптимальным выходом было признано умертвить ребят. Их заморозили и вывезли обратно на место...

– Все эти версии уводят от людей, – задумчиво протянула Татьяна.

– Ха, от людей, – хохотнул Игорь и потер руки. – Может быть, еще здесь и шпионы во всем виноваты. – При этом было непонятно: прикалывается он или говорит серьезно. – Как? – нарочито громко сказал он. – Вы не в курсе, что тут американские шпиены работали? А что? Под прикрытием наших спецслужб здесь развернулась целая операция по разоблачению западных врагов. Один из группы должен бы передать иностранным шпионам радиоактивную одежду. А те потом собирались определить степень продвинутости СССР в области ядерных и технологических разработок. Но дятловцы что-то заподозрили. И все пошло не так. И натовский спецназ их прикончил.

– Исключено, – спокойно сказал Вячеслав. – Слишком хлопотно, да и секреты добывались и добываются другими способами. Например, с помощью разведчиков-перебежчиков, а не в глухой уральской лесотундре.

Возникла пауза. В тишине раздался громкий протяжный вздох Петра Васильевича.

– Негоже дух людей тревожить попусту, – сказал он, вставая.

– До завтра всем, – сухо бросил инструктор Николай. – Завтра трудный день.

Александра нырнула в палатку и легла в спальный мешок.

Через несколько минут в палатку забралась Лиля.

– Ты спишь? – спросила Лилька Александру.

– Сплю, – сказала она, поворачиваясь к ней. Лежать было не очень удобно, но усталость уже наваливалась в полную силу, и сон ложился на веки.

– А я – нет. Не спится! Сань! – попросила ее Лиля. – Возьми меня за руку.

Александра взяла ее руку, в ответ Лилька стиснула ее руку.

– Сань! Я рада, что ты у меня есть.

– Я тоже...

– Я сделала в прошлом много ошибок, но теперь все будет по-другому – обещаю тебе.

– Ты о чем?

– Вот увидишь, – сказала Лиля, отпуская ее руку и отворачиваясь к стенке.

– Спокойной ночи!

– И тебе!

Холод царил везде, когда Александра открыла глаза, ей показалось, что она уже никогда не сможет пошевелить пальцами. Она вытянула перед собой руку и загнула один палец, потом другой...

– Лиль! – позвала она подругу. Но та не отвечала, Александра повернула голову – Лилька спала, и во сне у нее было такое спокойно-умиротворенное лицо, каким оно никогда не было в жизни. Видно, сны ей снились всю ночь хорошие, в отличие от Александры, которую мучали кошмары.

– Лиль! – позвала она чуть громче.

– М-м-м... – пробормотала она во сне, не открывая глаз. – Слава, Славочка...

Александра приподнялась на локте: а если бы Лилька спала в одной палатке с Кириллом, что тогда? Чем она объяснила бы эти слова?

Но она не успела развить свою мысль, как страшный крик прорезал тишину.

– Подъ-е-ем!

Александра выскочила из палатки.

– Что-то случилось?

Все, кроме Лильки, были уже на месте.

– Командир пропал, – сказал Петр Васильевич, окидывая их тяжелым взглядом. – А с ним Игорь.

– Они ушли вместе? – спросила Александра.

– Никто не знает. Мы проснулись, а двоих нет. И никто не знает, как они ушли. Николай ушел на лыжах. Его пары нет, а Игорь... Игорь... пошел своим ходом. Если бы не метель, разыгравшаяся под утро, мы бы могли найти следы.

– Господи! – раскачивалась на одном месте Татьяна. – Что теперь?

Все остальные смотрели в снег, не желая встречаться взглядами друг с другом.

– Что такое? – Лиля стояла позади Александры и улыбалась. – Всем доброе утро! Да что произошло-то?

После недолгого совещания было принято решение:делиться на группы и отправиться на поиски пропавших товарищей. Все,

как по негласному умолчанию, взяли оптимистичный тон и пришли к выводу, что эти двое почему-то, выйдя ночью ненадолго, заблудились и не нашли дороги обратно. Почему они вышли, никого не поставив в известность, об этом в группе не думали и не гадали. Так было проще. Так можно было сосредоточиться на конкретной задаче – поисках.

– Чайку поьем и двинемся! – сказал Петр Васильевич.

Кипяток обжигал небо, горло и все внутренности. Они пили чай как ритуал, молча, быстро, всем не терпелось отправиться поскорее на поиски пропавших.

И здесь Александра вдруг поняла, почему Петр Васильевич настоял на чаепитии. Это была чисто психологическая минута расслабления перед тяжелыми моментами. Они стояли в кругу и набирались сил... Круговая порука...

Кружки торопливо убрали в рюкзаки, через пять минут они уже все были готовы.

– Значит, так, – командовал уральский пенсионер. – Разделяемся по двое и уходим в разные направления. Через... – он посмотрел на часы, – час возвращаемся обратно. Осматриваем все внимательно, каждый кустик. Их могло уже... – он понизил голос, – замести снегом. – При этих словах Татьяна дернулась, но ничего не сказала. – Разделяемся так. Вы – туда! – Палка тыкнула в Лилю и Кирилла, а потом взмах палки указал на север. – Вы, – следующий взмах был выпад рапирой в сторону Иннокентия и Татьяны, – на запад. Вы, – он обозначил Александру и Вячеслава, – на восток. Я пойду на юг. А ты, – он указал на Дмитрия, – останешься здесь. Кому-то надо охранять лагерь, пока мы будем заниматься поисками. И не будем терять время, лучше всем уже разойтись...

* * *

Небо снова затянулось тучами. Александра шла за Вячеславом, они прошли метров сто, когда он неожиданно обернулся к ней.

– Что ты обо всем этом думаешь?

– О чем? – вздрогнула она.

– О событиях, которые здесь происходят.

Ей ужасно хотелось поделиться с ним открытием насчет Светланы, но она промолчала.

– Не знаю, – протянула она.

Он кивнул, как будто бы удовлетворенный ее ответом.

– И я не знаю. Но все как-то странно.

– Да, странно... – эхом откликнулась она.

Небо, затянутое тучами, неожиданно прорезали солнечные лучи и осветили склон горы.

– Давай за мной! – крикнул Вячеслав. – Э-ге-ге...

«Не надо бы шуметь», – мелькнуло в голове у Александры, но тут же эта мысль пропала: она залюбовалась Вячеславом, который съезжал, нет – слетал с горы... На фоне пепельно-серого неба обрисовался четкий, словно вырезанный из картона, силуэт.

– Ну как? – спросил он, подъезжая к ней.

– Здорово! – Она из всех сил старалась не смотреть ему в глаза. –

Где ты так научился?

– Люблю кататься на горных лыжах.

– В Куршевеле?

Он рассмеялся.

– Что, кроме Куршевеля, нет других мест? Как скажешь, что ты катаешься на горных лыжах, так все сразу: ах, Куршевель!

Александра испугалась, что она сделала что-то не так.

– Это я просто так сказала, – торопливо сказала она. – Прости.

– Да не за что, – пожал он плечами. – Можешь даже не извиняться. Давай за мной...

И почему она только не повернулась в последний момент? Что-то пронеслось у нее перед глазами, и через секунду она уже лежала на снегу. Вот позорище! Он так красиво летел ласточкой, а она лежит на снегу, как корова. Александра перевернулась на живот и, взяв горсть снега в ладонь, отправила ее в рот. От этого вселенского позора даже слезы на глазах выступили. Снег был чисто-белый, а на вкус – сладковатый. Вячеслав подкатил к ней и упал рядом снег.

– Ты чего?

– Ничего. – Она снова перекатилась на спину и уставилась в небо. Облака накладывались одно на другое, как плотная серебристая вуаль. Солнце то прорывалось через них, то снова пряталось ото всех.

– Это из-за падения? Брось! У каждого бывает.

– Нет, – солгала она. – Не из-за него.

– А тогда из-за чего? – Он поправил ей шарфик. – Все в порядке? Ничего не болит?

– Не дождетесь.

Он расхохотался. А потом сделал то, чего она от него никак не ожидала: взял и поцеловал ее. Поцелуй был кратким, как легкая пауза. В нем не было страсти, скорее он был чисто дружеским. И от этого она почти обиделась.

– А это зачем? – Александра и не заметила, как сказала эти слова вслух.

– Просто так.

– Это ваш стиль общения с девушками?

– Мы же вроде на «ты». К чему церемонии?

Вторая горсть снега тоже отправилась в рот. Мысли были как патока, приторно-сладкие, впервые он был от нее на расстоянии ладони, а может, даже ближе, она слышала его дыхание, и от этого внутри все кружилось, неслоь вскачь в легкомысленном галопе.

– Вкусный?

– Что? – спросила Александра, с трудом выныривая из омута своих мыслей.

– Снег вкусный?

– А ты разве никогда не ел? – удивилась она. – В детстве я все время ела снег. Меня родители даже ругали за это, а я не могла удержаться, он был для меня как мороженое или даже вкуснее.

Вячеслав взял маленькую щепотку снега и лизнул языком.

– Здорово, да?

– Как вода из колодца.

Он продолжал лежать рядом с ней, а она уже не могла смотреть на небо, его лицо, которое так близко, было намного интересней. На подбородке оказалась маленькая ямочка, как же это она ее раньше не замечала, серые глаза, брови, на правом виске – родинка. Легкая щетина... Она дотронулась до подбородка рукой.

– Не побрился... – и сама удивилась собственному жесту.

Он схватил ее пальцы зубами и слегка сжал их. Сколько мгновений прошло с тех пор – минута или вечность? Серую пелену снова рассекло солнце и бросило горсть лучей на снег. И он мгновенно заиграл, заискрился, как иллюминация, – золотистым, ярко-розовым,

мерцающе-голубым... Его глаза притягивали, и манили, и были близко-близко... И вдруг он резко встал.

– Ну что, пошли? – И подал ей руку.

Она встала, отряхиваясь. Волшебная минута (или вечность?) миновала...

– Первый блин комом, – буркнула она.

– Ты о чем?

– А вот о том! – задорно крикнула Александра, снова взбираясь на гору. Она оттолкнулась палками от склона. Ветер ударил в лицо и засвистел совсем рядом, она неслась, обгоняя ветер, и кажется, ей это удалось, она слилась с горой, пространством, серым плотным небом, с лыжами – внутри нее кто-то пел тонкую песню, становившуюся все громче и громче... Она скользнула палками по склону, придавая себе еще большую скорость, и здесь, вытянувшись в струнку, – взлетела. Под ней был снег, сосны, белые взметнувшиеся волны снега, серебристый воздух... «Есть!» – торжественно сказал кто-то внутри нее, и в этот момент она краем глаза посмотрела вниз. И сгруппировалась, как учил ее отец. И еще через мгновение лыжи уже врезались в снег, поднимая взметнувшуюся снежную пыль. Все! Она сделала это...

Палки взлетели вверх в победном жесте, и она, не удержавшись, плюхнулась на пятую точку. И рассмеялась. Теперь падение было не обидным, оно было как кураж, как последний мазок, поставленный на полотне гениальным художником. Совсем близко были деревья, она поискала взглядом Вячеслава. Но его нигде не было, очевидно, он остался по ту сторону склона. Она взяла правее, а он оставался в другой стороне. Солнце выкатилось из-за туч в полную силу: лучи жгли снег, и Александра почувствовала внутреннее торжество. Снег вокруг нее шел вспенившимися волнами. Под деревьями росли маленькие елки, они были почти полностью заметены снегом, и черные треугольники торчали в белых волнах. Она ударила палкой по снегу, оставляя на нем свой автограф. Она уже собиралась позвать Вячеслава, когда увидела под елками что-то темное, почти занесенное снегом. Она сделала несколько шагов ближе и чуть не закричала, зажав себе рот. Это был Николай, его глаза смотрели в небо, уже ничего не видя, а руки почти сливались с белым саваном...

Она побежала наверх, карабкаясь по горе.

– Слава! – пискнула она, голос сел, она прокашлялась, но все равно говорить и кричать не могла.

– Слава! Слава! – твердила она как заведенная, переставляя лыжи... пару раз она чуть не упала. Она поднялась на склону и увидела Вячеслава, который взмахнул рукой.

– Во! – поднял он большой палец, сложил руки рупором и крикнул: – Молодец!

– Слава, Слава... я... – бормотала она, задыхаясь.

По ее лицу он понял, что случилось что-то ужасное.

– Саня! Подожди, я сейчас.

Он оказался около нее и крепко прижал к себе.

Она уткнулась в его грудь и заплакала.

– Теперь говори, – сказал он. – Что ты увидела?

– Там... там... – Она посмотрела на него, а потом выдохнула.

– Николай, наш инструктор...

– Понятно. – Он отстранился от нее и потер подбородок. – Поехали быстро! Только не думай об этом, прошу тебя. Просто не отставай от меня. И все!

Они подъехали к лагерю. Около палатки сидел один Дмитрий.

– Остальные не подходили?

– Нет. А вы... – Он смотрел то на Александру, то на Вячеслава.

– Мы нашли Николая. Он мертв.

– А... – Дмитрий открыл рот и закрыл его. – Слушайте, но это же ужасно. – Он потер рукой нос, который и без того был уже красным. – И что теперь, а? – по-детски восклицал он.

– Ничего, – бросил Вячеслав. – Нужно оповестить остальных. Сейчас запустим петарду, чтобы все поспешили сюда.

Кирилл, Иннокентий и Петр Васильевич вместе с Александрой поехали на место, где она увидела Николая. Они перенесли инструктора и положили в палатку.

– Мертв, – констатировал Петр Васильевич, снимая с головы шапку.

– Но что случилось?

– Похоже, оступился и ушибся головой. Но точное заключение может дать только судмедэксперт. Главное: зачем он вышел ночью?

Кто-нибудь слышал, как он уходил?

В ответ было молчание.

– Надо найти Игоря, – упрямо сказала Татьяна. Ее глаза были красными, было видно, что она плакала.

– Это мы знаем, – ответил за всех Иннокентий.

– А то скоро стемнеет.

– Да, тогда искать будет затруднительно.

– Все равно будем искать, даже в темноте, – упрямо сказала Татьяна. – С фонариками. А рядом... – Она запнулась. – Игоря не было? Вы хорошо смотрели? Надо было остаться там и еще раз все осмотреть.

– Его там нет. – Вячеслав посмотрел на Александру. А она на него.

Он сердито тряхнул головой и отвернулся.

– Тогда нужно пойти в противоположную сторону, – настаивала Татьяна. – Это преступно, он нуждается в нашей помощи. А мы бездействуем.

– Девушка, не гоните на нас волну. Все, что можно, – делаем! – возвысил голос Иннокентий.

– Плохо делаете. – И здесь Татьяна зарыдала, уткнувшись лицом в ладони. – Господи! Ну, сделайте же хоть что-нибудь!

«А ты, журналистка, не такая циничная и жесткая, как твои собратья, – подумала Александра. – И уже, видимо, привыкла к Игорю, раз так убиваешься по нему... А может быть, тебя просто охватили страх и ужас – ты поняла, что писать репортажи, сидя дома в тепле и за компьютером, это одно, а столкнуться со смертью лицом к лицу – другое... Да еще так близко...»

– Он умер своей смертью? – задала вопрос Александра.

Все головы немедленно повернулись к ней.

– Мы не судмедэксперты. Видимых признаков насильственной смерти нет. – Петр Васильевич хотел по привычке притронуться к усам, но передумал, и рука застыла в воздухе.

– Точно?

Петр Васильевич молчал. Словно обдумывал ее слова.

– Своей, – наконец выдохнул он. – Оступился и упал, ударился виском о камень.

– Опытный проводник... и так умер, – выразила она сомнения.

– Ты что хочешь сказать? – накинулась на нее Лилька. – Что кто-то его убил? Да? – В голосе зазвучали истеричные нотки. – Кто-то караулит нас и убивает по одиночке? Сначала – Николай. Потом – Игорь...

– За-аткнись! – прорычала Татьяна. – Игорь жив! Не хорони его!

– Я не хороню, я просто высказываю свои мысли.

– Засунь свои мысли знаешь куда!

– Дамы, дамы... – поднял руки Иннокентий – Прошу...

– Молчать! – рывкнул Петр Васильевич. – Паника на корабле в трудную минуту, когда он дал пробоину, – последнее дело.

– У нас тут не корабль, – заметила Лилька.

– Не корабль, но паника все равно не нужна, – добродушно сказал Петр Васильевич. – Насмотрелся всякого. И на суше, и в море. Поэтому – без паники, сейчас мы отправляемся на поиски Игоря. Далеко он уйти не мог. Если только... его не унесли, – тихо сказал он, и, похоже, услышала его только Александра. – Прочесываем местность. На месте остается Кирилл.

– Я с ним, – сказала Лиля.

– Хорошо, оставайтесь вдвоем.

Игоря нашли в полукилометре от лагеря. Обнаружил его Вячеслав.

– Только без паники, – устало сказал Вячеслав. – Случилось ЧП. Игорь находится вон там, – махнул он рукой, – сразу за поворотом. Его уже замело слегка. Я наткнулся на него чисто случайно. – Он снял рукавицы и похлопал ладонями друг о друга. – Но он жив! Жив! Хотя в тяжелом состоянии. Нужно принести его сюда как можно скорее.

Вчетвером: Вячеслав, Кирилл, Иннокентий и Дмитрий – они пошли за Игорем. Предварительно они соорудили нечто вроде носилок. Взяли две толстые ветки, связали их веревкой крест-накрест примерно на расстоянии пятьдесят сантиметров одна от другой. Получилось нечто вроде гамака из веревок между двумя палками.

Они принесли Игоря: тот слабо стонал, на лбу был багровый шрам, левая скула рассечена.

– Похоже, он наткнулся на камни-останцы, – крикнул Петр Васильевич. – И нам нужно уходить отсюда как можно скорее.

– А что такое останцы? – спросила Лиля, широко распахнув глаза.

– Опасная вещь, девушка, – кратко бросил Петр Васильевич. – Не дай бог на них наткнуться. Камни-останцы зимой стоят как в ледяных чашах. И когда налетает сильный ветер, и камни, и чаши издают страшные звуки, похожие на стон и плач. Бывает, что камни «воют». Жуть берет, когда слышишь это. Останцы могли стать причиной гибели туристов-дятловцев. Когда они неслись по склону горы, то «влетели» в эти ледяные чаши и получили травмы.

– Значит, мы неподалеку от этих мест?

– Получается, что так. И в этом нет ничего хорошего.

– Как же мы на них наткнулись? Они что, на карте не обозначены?

– Карта! – это слово повисло в воздухе. – А у кого карта? – спросил Петр Васильевич, обращаясь ко всем.

– У инструктора была, знамо дело, – откликнулся Кирилл. – Он же вел нас. У него же рация, наши мобильники здесь связь не ловят. Тогда что получается? – нахмурился он. – Мы остались без связи и без ориентиров. Куда нам теперь идти, в какую сторону и как связываться с внешним миром?

– Похоже, что так.

– И что теперь? – Дмитрий вертел головой и чуть не плакал. – Все? Поход закончился? Мы останемся здесь, и нас никто и никогда не найдет.

– Не надо скиметь!

– Чего?

– Нить, значит. Будем думать.

– Думать, а нас пока тут волки съедят.

– Тебя твои думы черные скорее съедят, чем волки. Нечего сказать – помолчи! Как говорится – сойдешь за умного. Это лучше, чем сеять тут ненужную панику.

Из палатки, где был Игорь, неожиданно раздался крик Татьяны:

– Он приходит в себя!

Они забились в палатку и смотрели на Игора.

Тот открыл глаза.

– Где я? – И тут все вспомнил. – Бли-ин! Ну и вляпался же я!

– Что с тобой было? – Петр Васильевич стоял к нему ближе всех.

– Ничего не помню. А... я увидел, как Николай встает и выходит из палатки, и решил пойти за ним.

– Зачем?

Александр показалось, что Игорь невольно смутился.

– Мне показалось это странным.

– А почему никого не разбудил? И что тут странного: пошел мужик по нужде. Дело обычное, житейское.

– Не знаю, что-то было не так. И я пошел за ним. – Он замолчал и облизнул пересохшие губы. – Пить!

Татьяна метнулась за водой. Она вернулась с кружкой, которую поднесла к губам мужчины.

– Пей!

– И что потом?

– Я увидел, что он встал на лыжи и быстрым шагом отходит от лагеря. Я бросился за ним. Без лыж. Не хотел терять время. Только потом понял, что сделал ошибку. Я его быстро потерял из виду в темноте. Хотя я был с фонариком.

– Ну... и?

Игорь замолчал.

– Дальше... ничего не помню... То ли я упал и стукнулся обо что-то, то ли на меня напали... Неожиданно навалился мрак, и все... – Он пожевал губами. – А где Николай?

В ответ была тишина.

– Его нашли?

– Он мертв.

– Его убили?

– Трудно сказать. Похоже на то, что на него тоже навалился мрак. В смысле – обо что-то ударился. По крайней мере, признаков насильственной смерти нет.

Игорь закрыл глаза.

– Что-то правая нога горит.

Петр Васильевич покачал головой и ничего не сказал.

– Плохо дело, – пробурчал он. – У парня был шок, который сыграл роль анестезии. Шок проходит – и приходит боль. А обезболивающих у нас нет, кроме анальгина и парацетамола. Но здесь это не поможет.

Александра коснулась висков, где пульсировала боль. Как все нелепо получилось! Сначала – Николай, теперь – Игорь. Может быть, это аура здешних мест действует? Сама она слабо верила в такие вещи, но получается, что поверишь поневоле, когда одна трагедия следует за другой. Она старалась об этом не думать и гнала черные мысли,

но они все равно лезли в голову. С другой стороны... а если на них напали? Говорила же Лиля, что ей кажется – за ними следят. Да и сама Александра еще раньше видела человека с биноклем, который стоял около дерева и смотрел на их окна. Журналистка Светлана-Татьяна пытается разыскать опасного маньяка. А вдруг смерть Николая и травмы Игоря – его рук дело? В случае с Николаем признаков насильственной смерти нет, но... кто знает, каким будет в конечном итоге заключение судмедэксперта? Ну а если маньяк среди них? Вдруг кто-то вышел из палатки вслед за Николаем и Игорем? И пытался убрать их поочередно? Сначала Николая, а потом Игоря. Одна попытка была успешной, вторая – нет...

Александра посмотрела на Вячеслава и увидела, что он кивнул, и поняла, что он просит ее выйти для разговора.

Глава восьмая

Вехи Млечного Пути

Сейчас мне совершенно ясно, что я давно уже шел к тебе – а ты ко мне, хотя мы и не подозревали о существовании друг друга. Какая-то бездумная уверенность, скрытая глубоко под нашим неведением, и привела нас друг к другу. Как две одинокие птицы, мы парили над великой равниной, подчиняясь некоему небесному расчету, и все годы, прожитые нами, нужны были для того, чтобы мы наконец встретились.

Роберт Джеймс Уоллер. «Мосты округа Мэдисон»

Он ждал ее за крайней палаткой около дерева.

– Возьми. – И протянул сигареты. – Для конспирации.

Она взяла одну, Вячеслав чиркнул зажигалкой, и Александра втянула дым.

– Я предлагаю нам сейчас попробовать выйти к ближайшему поселению и сообщить о случившемся. Пока у нас связи нет, так что... ждать помощи бессмысленно. Есть риск заблудиться, но сидеть и ждать непонятно чего – тоже не выход из положения. Пойдешь со мной?

– Да.

– Ты на лыжах ходишь отлично, – добавил он, как бы объясняя, почему он ее позвал.

– Спасибо за комплимент.

– Сущая правда! – Вячеслав посмотрел на небо и нахмурился. – Пора! А то стемнеет – глазом моргнуть не успеем, тем более когда пасмурно. Идти ночью – приятного мало.

Когда Вячеслав объявил, что они уходят, в группе раздался недоуменный ропот.

– Это еще зачем? – недовольно сказал Иннокентий. – Что это за группа такая: кто в лес, кто по дрова?!

– Нужно пойти за помощью, раз уж подмогу сюда вызвать нельзя. Мы не знаем, насколько серьезная травма Игоря. Специалистов среди нас нет.

– Я мог бы... – начал Иннокентий.

– Ты определил травму Алексея, потому что она относительно легкая, – оборвал его Вячеслав. – Здесь – другое. Ты готов взять на себя ответственность за смерть человека?

Александра бросила взгляд на Татьяну, ну никак она не могла называть ее иначе. Та побледнела.

– Нет, но...

– Тогда никаких «но», – жестко сказал Вячеслав. – Мы уходим. – Здесь Александра поймала недоуменно-ревнивый взгляд Лильки. – Александра прекрасно ходит на лыжах и, думаю, выдержит переход без остановок. Если возражений нет, а их и не может быть, так как положение Игоря серьезное, – мы тогда выходим немедленно.

– Ну, хотя бы чаю попейте, – предложила Татьяна.

– Чаю можно... – улыбнулся Вячеслав. – И нужно.

Люди реагировали по-разному. Петр Васильевич был нахмурен и шевелил губами, как будто бы разговаривал сам с собой. Лилька была раздражена, Кирилл выглядел отстраненным, Иннокентий был явно недоволен. Татьяна, похоже, была рада. По лицу Дмитрия что-либо прочитывать было трудно.

Горячий чай обжигал горло, Александра пила крупными глотками, торопясь. Она боялась, что сейчас Вячеслав окликнет ее, а она тут «чай распивает». Сам он уже выпил чай и проверял крепления на лыжах.

Она посмотрела на него, он поймал ее взгляд и кратко кивнул.

Александра выплеснула чай на снег и сунула кружку обратно в рюкзак.

– Ну всем... до свидания! – бодро сказала она.

– Счастливо оставаться! – бросил Вячеслав, ни на кого не глядя.

Они шли на лыжах в молчании. Все казалось Александре ирреальным: эти события происходили и происходят точно не с ней,

а с кем-то другим. Стоит только немного поменять ракурс своей жизни, и все отныне видится несколько иначе, по-другому...

Вячеслав шел впереди, если бы ее спросили, зачем она согласилась, – внятного ответа от нее никто бы и не дождался. Да, он сильно ей нравился, но, вероятно, он был опасен. Она не была уверена ни в ком из этих людей... И все же она пошла. Почему? Наверное, ответ в том, что она страстно хотела ощутить себя живой, настоящей... И это чувство риска, опасности, скорости пьянило ее, придавало импульс, заставляло кровь быстрее бежать по жилам...

Они шли так час или два. Уже смеркалось, внезапно Вячеслав остановился, нахмурившись...

– Странно. Я не вижу...

– Что-то не так? – спросила Александра, остановившись.

– Не так. Мы попали на другую местность. Не ту, которая была заявлена в маршруте.

– Как это может быть?

– Пока не знаю, – пожал плечами Вячеслав. – Но это странно. Мы уже должны были выйти к одному домику и остановиться там на какое-то время, а потом снова отправиться в путь. Сбиться мы не могли. Непонятно... – заключил он.

И словно в ответ на его взмах раздался гулкий звук, как будто бы где-то упало дерево.

– Что будем делать?

– Продолжать путь, – откликнулась Александра.

– Не устала?

Она качнула головой.

– Нет.

Ветер усилился, темно-серый просвет между деревьями стремительно сгущался.

Раскрыв рюкзак, Вячеслав вытащил оттуда странный прибор, похожий одновременно на видеокамеру и крупный бинокль.

– А это что? – спросила Александра.

– ПНВ. Прибор ночного видения, для того, чтобы мы могли продолжать свой путь в темноте. Иначе мы не дойдем.

– Откуда он у тебя? – спросила пораженная Александра.

– Давай пока без вопросов, договорились? Мне показалось, что ты умеешь молчать. Не хотелось бы ошибиться, – холодно сказал он,

надевая этот прибор себе на голову.

«Ну да! Мое дело сидеть и молчать, – подумала Александра. – Я совсем не знаю этого человека, на самом деле он может оказаться тем самым маньяком, за которым ведет охоту журналистка Светлана Коненкова. Кажется, когда Игорь потерялся, Вячеслава тоже около нас не было... И что мне теперь делать? Бежать? Куда?» И в то же время Александра вдруг поняла, что она воспримет любой, абсолютно любой поворот событий. Все уже было задано и обозначено, ей оставалось только принять предлагаемые сюжеты судьбы... Но и просто так она не сдастся!

– Путь займет немного больше времени, чем планировалось...

– Больше – так больше, – откликнулась Александра.

– Боишься?

– Немного.

– Ты славная девочка.

Александра криво улыбнулась. Но разве она могла признаться, что умирает со страху, что даже звук собственных шагов кажется громким, как стук топора в морозном лесу. Она отчаянно трусила, но сказать об этом... Нет! Ни за что... Этот мужчина верит ей, пусть она не до конца верит ему, но разве это так уж важно? Иногда вера в тебя – то, что поднимает на невиданную высоту, окрыляет и придает смысл жизни... Пусть он не тот, за кого себя выдает, но она всегда будет благодарна ему за те минуты, когда он дал понять, что она нужна ему, нужна позарез... И если все закончится, даже и не успев начаться, все равно ей есть что вспомнить. Пусть этого немного – ей достаточно. Ведь главное – это те эмоции, что он ей подарил, те моменты, когда она ощущала стук собственного сердца.

– Я с тобой, – шепнула она.

– Спасибо. Тогда мы точно прорвемся!

Поднялась легкая метель, она обволакивала их тончайшей вуалью; снег забивался в глаза, осыпал лицо. Внезапно Вячеслав остановился, как будто бы наткнулся на невидимое препятствие.

– Приехали!

– Куда?

Он отступил в сторону, и перед ней возникла маленькая избушка, почти вросшая в землю. Из-за метели и обступивших деревьев ее

не было видно.

– Это... что?

– Временный приют. Нам нужно будет здесь переночевать. А ранним утром двинемся в путь. Нам необходимо отдохнуть и набраться сил.

Ее бил озноб, и все тонуло в белом мареве, и этот белый свет был туман, из которого не было никакой надежды выбраться. И он тоже был в тумане, скрывался от нее.

Инстинктивно она схватила его за руку. Почему-то казалось, что сейчас ослепительно белый свет поглотит его.

– Ты чего? – вскинул он на нее глаза.

– Просто так. Я... чуть не потеряла равновесие.

Изо всех сил она старалась не смотреть на него, потому что ее взгляд все время притягивался к нему, как растение к солнцу. «Я не знаю, что с этим делать, – устало подумала Александра, – я влюбилась, как девчонка, и это намного хуже, потому что у девчонки все впереди, а у меня – позади. Это мой последний шанс как-то выкарабкаться из пустоты одиночества и тоски. Это мой шанс стать как все, хотя я и не... хотела именно этого шанса. Он для меня слишком сложен, слишком тяжел и слишком безнадежен. Я влюбилась в него с той самой минуты, когда увидела в аэропорту и загляделась на его руки. Это было страшно, неотвратимо, и эта неотвратимость только усиливается».

– Будем устраиваться. – Вячеслав налег на дверь и толкнул ее внутрь.

– Да, – безучастно ответила Александра.

– С тобой все в порядке?

– Конечно! – Она выплюнула снег и шагнула вслед за ним. «Со мной всегда все в полном и абсолютном порядке. И по-другому быть не может. Я холодный человек и бесчувственная стерва», – вспомнила она слова своего любовника при расставании. Странное дело, столько лет она не помнила их. А сейчас они вдруг всплыли.

Они сняли лыжи и внесли их в дом. Вячеслав зажег фонарик.

– Сядь сюда, – сказал он. – На этот топчан. Сейчас я зажгу керосинку. Одну минуту. Потерпи.

«Потерпи!»! Рядом с ним она была готова терпеть не только минуту, но и целую вечность...

Слабый тонкий фитилек осветил стены, вдоль стен два топчана, квадратный низкий стол, маленький камин, рядом – дрова.

– Это чье?

– Ничье.

– Разве так бывает? – удивилась она.

– Бывает. – Он присел на корточки и стал возиться с камином. – Сейчас станет тепло. И мы согреемся. Ты как?

– В полном порядке. Ты за меня не беспокойся, – прибавила она, боясь, что станет ему обузой.

– Ну, немножко побеспокоиться можно? Или запрещаешь?

Она промолчала, обхватив себя руками.

В камине вспыхнул огонь, и Вячеслав встал.

– Ну вот. Порядок. Теперь буду готовить ужин. Кстати, я неплохо готовлю.

«А я совсем не умею, – подумала Александра. – Если только картошку в мундире и макароны с сосисками. Мне было не для кого готовить, а самой было совершенно все равно, что есть, не умру с голода – и ладно. Одиночество – это когда ты такая самостоятельная единица, что от этой самостоятельности уже тошнит».

– Это здорово! И где ты научился?

– Постранствовал по свету. Попробовал кухни разных народов мира. В каждой есть своя изюминка. И у каждой кухни – свои фанаты. У итальянской, французской, японской, китайской... Ты какую кухню предпочитаешь?

С таким же успехом он мог спросить, хочет ли она слетать на Луну. К какой категории кухни относятся макароны с сосисками и яичница с колбасой?

– Не знаю, – пожала она плечами, – русскую. Картошку с котлетами.

– Ясно. – Он рассмеялся. – Настоящая русская кухня – классная. Курники, расстегаи, щи, солянка. А ты знаешь, как готовить гурьевскую кашу?

– И кто тебе ее готовил? – нечаянно вырвалось у нее. – Извини, – тут же поправилась она.

Но он ничего не сказал.

«Я все испортила, – уныло подумала Александра. – И зачем я только ляпнула про то, кто ему готовил?»

- Давай помогу.
- Не надо. Сиди. Я сам.

Вячеслав достал из подпола свежее мясо и разрезал его на крупные куски. Здесь кто-то был недавно и оставил продукты? Что это за избушка? Мысли у Александры путались, но задать эти вопросы она не решилась.

Огонь разгорался все сильнее. Александра забилась в угол и сидела, сжавшись в комочек. Ей казалось нереальным, что она сейчас с ним, даже при таких ужасных обстоятельствах. Ей казалось, что сюда, непонятно как, долетела мелодия фаду из того кафе аэропорта, где она впервые увидела его. Теперь ей представлялось странным, что она могла не встретиться с ним, разминуться, пройти мимо и никогда, никогда не видеть его, не общаться с ним, не трогать такой острый и вместе с тем беззащитный затылок. Она была рада этому стечению обстоятельств или расположению звезд, но в то же время ужасно боялась... себя, боялась сделать что-то не так, не попад или не к месту.

- Мясо готово!

Он положил крупные куски мяса в тарелку. Она подцепила вилкой и отправила кусок в рот.

– М-м-м... – Мясо таяло во рту. Сверху была хрустящая корочка. А внутри – сок. – Вкусно! Очень вкусно!

- Я не хвастунишка?
- Нет, что ты, – смутилась она. – Ничуть...
- Просто ты иногда так смотрела на меня.
- Как?..

– Как будто бы думала про себя: этот парень явно заливает. Я чувствовал себя каким-то мальчишкой, который выпендривается, чтобы получить свою порцию внимания.

Александра закрыла глаза. Сам звук его голоса волновал и тревожил.

- Она отодвинула тарелку.
- Не понравилось?
- Я наелась.
- Да ты почти не притронулась.
- Я вообще ем немного.
- Нам нужны силы, поэтому – ешь.

«Нам» – это было невыносимо приятно, и она снова пододвинула к себе тарелку.

– У тебя сок стекает по подбородку. – И мужчина, наклонившись, отер его рукой. Его рука была близко-близко, и на Александру наваливалось обморочное состояние. «Нужно выйти на воздух, – решила она. – Я не могу находиться рядом с ним. Для меня это – неподъемное испытание».

Она поднялась.

– Ты куда?

– На воздух. Что-то стало жарко.

Александра вышла из избушки и посмотрела на небо: белая вуаль заволокла его, но в прорезях блестели крохотные точки – звезды. Темные ели разрезали снежную пелену острыми ветвями, и та оседала на них. Где-то совсем рядом треснула ветка, Александре стало не по себе, и она вернулась в избу.

– Ну как? Постояла? Подышала воздухом? – В голосе почудилась насмешка.

Она кивнула, слов не было.

– Будем спать по очереди. Один спит, другой караулит. Ты спи первой. Мне будет достаточно чуть-чуть сна. А ты отдыхай.

– Когда мне тебя сменить?..

– Спи... Одеяло в ногах.

Какое-то время Александра боролась со сном, но он все-таки навалился на нее, и она погрузилась в сон без остатка; ей снилась река с крутыми поворотами, камнями, поющей водой...

Она вскрикнула и проснулась. В избе никого не было. Сначала Александра не поняла, где она и как тут очутилась, потом вскочила с топчана, откинув одеяло. Куда исчез Вячеслав, что-то случилось?

– Слава, – негромко позвала она. – Слава!

Никто не откликнулся, и Александру охватила паника. Она вскочила на ноги и метнулась к двери. Замерев, она нажала на нее. Вячеслав сидел на пне и курил.

– Слава! – Ее била дрожь.

– А... – Окурок описал дугу и упал красной искрой в сугроб. – Проснулась?

– Да... я...

Молча он положил ей руку на плечо. У нее остановилось дыхание, а затем он притянул к себе. Медленно, спокойно. Он все делал размеренно, не спеша. Его дыхание обжигало ее, руки скользили по волосам.

– Замерзнешь! – Он втолкнул ее обратно в теплое обжитое пространство избушки и усадил на топчан. Они сидели рядом, его рука так и осталась на волосах, Александра замерла, боясь пошевелиться. Его рука скользнула ниже – к горлу, к шее... она ощущала себя страшно незащищенной, какое-то мгновение ей хотелось убежать, но она понимала – бежать некуда. Это пространство было бесконечно мало, и вместе с тем оно внезапно расширилось до размеров Вселенной: сюда долетала мелодия фаду, звезды светили прямо сквозь крышу, а на тяжелых ветвях елей подрагивала, как клочья тумана, снежная метель, ей даже показалось, что она слышит, как медленно недалеко отсюда ступает олень, как он остановился, замерев и прислушиваясь к звукам...

Он не шептал ей нежные слова и целовал редко, только его руки – горячие, сухие – скользили по ее телу, ставшему вдруг неожиданно легким. Все обременительное, тяжелое было сброшено, как ненужная кожа. Здесь и сейчас она рождалась заново... Она еще не знала ту истину, что настоящий мужчина навсегда изменяет женщину, делает ее другой... Той, которой ей суждено стать изначально, но она не знает, не догадывается об этом, пока не произойдет судьбоносная встреча, меняющая все и вся.

И запах его кожи... буквально сводил Александру с ума. Ее прежний женатый любовник смывал под душем все свои запахи и приметы и становился обезличенным, как посуда для одноразового пользования. Здесь же присутствовал сложный запах. Лимон. Сосна. Соленый ветер, запутавшийся в волосах, и свежий запах океанической воды, от которой сводит скулы...

Она не закрывала глаза – ей хотелось увидеть каждое изменение на его лице – глаза мужчины были потемневшими, хотя Александра помнила, что они – светло-серые, и еще в них плясало пламя от огня и отражались она – Александра – и ее глаза, тоже потемневшие и тоже блестящие от огневых всполохов.

Слова были не нужны, ведь была мелодия фаду, которая становилась все громче и громче, и метель за окнами усиливалась,

и все сливалось в одном ослепительно-ревушем вихре... И в теле расцветали, множились, вспыхивали снежные розы – ледяные и одновременно горячие...

И этот контраст между холодом и жаром приносил невыносимое блаженство. От прохлады к огню, от неспешности к рваному, скручивающему все тело и проникающему до горла ритму... Его пальцы впивались в нее, и это тоже было приятно, эти блаженно-сладкие тиски, из которых не вырваться... Тело было горячим и сухим, а потом оно растопилось изнутри, и яркая вспышка затопила ее...

Александра лежала, словно выброшенная на берег рыба, и молчала, и здесь он провел рукой по волосам, от этого движения судорога пробежала по телу и затихла. Она перехватила его руку и стиснула пальцы. Сколько прошло времени – она не знала.

– Я хочу тебе кое в чем признаться, – сказала она, приподнимаясь на локте и смотря на него.

– У тебя есть страшные тайны?

– Не очень. И не у меня. У других людей.

Он повернулся к ней.

– У кого? Давай сначала кофе выпьем, и ты мне все расскажешь по порядку.

– Давай. Готовишь ты отлично...

– Я и кофе хорошо варю. Достоинств у меня много. Постараюсь их продемонстрировать.

Кофе действительно был великолепным: терпким, обжигающим, бодрящим. Она хотела спросить, откуда здесь этот кофе, но решила, что спросит потом.

Александра рассказала ему про Татьяну-Светлану. Вячеслав слушал ее внимательно; вертикальная морщинка прорезала лоб, и он все больше и больше мрачнел.

Когда она закончила рассказывать, его губы наконец разжались.

– Все еще хуже, чем я думал.

– А что ты думал?

Вячеслав не ответил.

– Понятно, – сказала она, немного обидевшись. – Не доверяешь...

– Наоборот. Просто есть вещи, которые лучше не знать.

– Таких вещей нет.

– К сожалению – есть.

– И что ты думаешь? Кого она выслеживает? Маньяк среди нас?

Он пристально посмотрел на нее.

– А если маньяк – это я?

Она затрясла головой с такой силой, что еще немного – и та свалится с плеч.

– Н-нет. Это не ты.

– Почему?..

Она натянула одеяло на голову.

– Я тебе верю.

– Спасибо, – сказал он. – Замечательное доказательство. Очень по-женски...

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила она, откидывая одеяло. – Что тебе ни в чем нельзя верить?

– Я хочу сказать, что нам сейчас нужно включить логику и подумать над всем этим...

Магическое слово «нам» искупило все.

– Ты кого подозреваешь? – Вячеслав встал и подошел к камину.

– Я вообще вижу всех, кроме Лильки, в первый раз. И что я могу сказать об этих людях?

– Сказать можно на самом деле многое. Люди выдают себя в жестах, деталях, мелочах... Всегда можно что-то понять...

– Что ты предлагаешь?

Он вернулся к ней, сел на топчан и посмотрел на нее.

– Понять... что каждый из себя представляет. Кого ты бы подозревала первым?

Александра задумалась.

– Петр Васильевич... – начала она.

– Его? – Ей показалось, что в голосе Вячеслава прозвучало удивление.

– Просто он самый старший, и поэтому я начала с него. Он – местный, хорошо знает край, людей, заступился за манси, когда я обвинила их в убийстве группы Дятлова. Он сразу отменил любые подозрения в их адрес.

– Ты обратила на это внимание?

Она кивнула.

– Я тоже, – признался он. – Обратил. И что из этого следует?

– Не знаю. Только то, что он знаком с местными обычаями.

– И все? А *насколько* он хорошо знаком? Достаточно, чтобы убить четверых людей, о которых писала журналистка?

– Это только то, что мы знаем. Вполне вероятно, что жертв было намного больше.

Александра похолодела.

– Ты так считаешь?

– Предполагаю. – Он провел рукой по волосам. – Это возможно, да...

– А какой мотив?

– О мотивах мы пока не рассуждаем, мы выясняем, что мы узнали об этих людях за время, что жили с ними под одной крышей. Что ты, например, скажешь об Иннокентии?

– Мне он не нравится.

– Почему?

– Он такой же хам, как и Игорь. Они друг друга стоят. Хамы и грубияны. Но об Игоре я не могу теперь плохо говорить, так как он сильно пострадал. И что нам теперь делать? Мы же не вызвали подмогу! Интернет не работал, связи никакой нет...

– Надеюсь, что ему стало лучше и мы привезем его сюда. А потом... постараемся найти выход. Обязательно. Кто у нас следующий? Студент Дмитрий?

– Он очень хотел пойти в поход, ему все здесь нравится, он молод и ко всему относится восторженно. И еще он вел дневник, который пропал. Дмитрий собирался стать топ-блогером. И собирал материал для своих постов.

– Вот как! Его дневник пропал?

– Дмитрий сказал, что его украли. У меня ведь тоже украли куклу с нарисованным знаком манси.

– Ты же сама сказала, что сунула куклу неизвестно куда.

– Не хотела говорить правду и нагнетать обстановку перед походом, мне подумалось, что лучше промолчать.

Теперь уже Александра не понимала, почему она так решила, более того – теперь ей казалось это даже странным.

– Многовато краж, ты не находишь? У него украли дневник!. У тебя куклу. У меня – спутниковый телефон.

– У тебя был спутниковый телефон? – спросила пораженная Александра.

– Да. Его украли, когда мы все спали в палатке.

– Кто украл?

– Ну, откуда я знаю? Возможно, Николай, возможно, Игорь... Возможно, кто-то еще... О ком мы не знаем. А может, кто-то из оставшихся.

– Вы все так крепко спали, что не слышали, как ушли Николай и Игорь. Ты даже не почувствовал, как у тебя украли спутниковый телефон. А почему тогда не украли твой прибор ночного видения?

– Спутниковый телефон лежал почти сверху. В рюкзаке. А прибор ночного видения – почти на самом дне.

– То, что мы крепко спали, навеивает на определенные мысли.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда люди крепко спят, как правило, это означает, что им что-то подсыпали для «крепкости».

– То есть вас всех усыпили, чтобы Николай мог уйти? Но почему Игорь не уснул?

– Не знаю. Может быть, он чего-то недоговаривает. А может быть, на него снотворное не подействовало. Бывает и так.

– Мы с Лилей тоже спали как убитые... – вспомнила Александра.

– Вот видишь...

– Тогда круг еще больше сужается.

– Или расширяется!

– То есть? – нахмурилась Александра.

– Возможно, тот, кто подсыпал, не имеет отношения к пропаже куклы и дневника!

– Получается, что мы вообще ничего не знаем о тех, с кем жили в гостинице, – задумчиво сказала Александра.

– Получается, что так. Ладно, продолжим. Алексей?

– Он – ученый... Пишет статьи о флоре и фауне Уральского края. К походу он был явно не готов. Но очень хотел пойти. По его словам, мечтал об этом и был расстроен тем, что он не сможет присоединиться к нам.

– Ну да, ну да! А может быть, он симитировал свое падение и последующее растяжение связок?

– Но зачем?

– Чтобы остаться здесь.

– И подвергнуться нападению?

– Но мы же его не нашли... Может быть, он сбежал? А что ты скажешь о... своей подруге? – В голосе звякнули льдинки.

– Лиле? – переспросила она, хотя и так было понятно, о ком идет речь.

Возникла пауза.

– Мы с ней не так уж и часто виделись. Правда, она писала мне письма. И присылала снимки. Очень красивые.

– Ну а что ты скажешь о Кирилле?

– О Кирилле... – Александра почувствовала неловкость. – Да собственно ничего... Я его увидела в день отлета. И знаю его только со слов Лильки. Ты думаешь, что он замешан в этом? Он и есть тот самый маньяк? Они же с Лилей бывали в России наездами. Редко.

– Сань! – Вячеслав взял ее за руку. – Мы, как ты только что сказала, вообще ничего не знаем об этих людях. Я ни в коем случае не хочу бросить тень ни на Лилю, ни на ее Кирилла. Я просто пытаюсь собрать информацию о наших попутчиках. Мне кажется, здесь все сложнее, чем это выглядит на первый взгляд. Какие-то события или люди могли быть катализаторами случившейся трагедии. Кто-то же напал на Николая.

– Разве он умер не своей смертью?

– Мы не знаем.

Зачем он только сказал об этом. Страх проник в нее и показал свои клыки. Ее забила дрожь.

– Прости! – Он обнял ее. – Но по-другому никак.

– Я понимаю...

– Выбор невелик... Мы как в замкнутом круге. Я, ты, Лиля, Кирилл, Петр Васильевич, Игорь, Иннокентий, Татьяна или Светлана, Алексей, Дмитрий...

– Ты знаешь, я подозревала тебя, – сказала Александра с кратким смешком.

– Меня?

– В том, что ты хотел проникнуть в мой номер.

– Когда?

– В ночь перед походом. У нас уже была путаница с ключами. Ты же помнишь, в самый первый вечер.

– Да, путаница была, – подтвердил мужчина. – Но зачем? Зачем мне было проникать к тебе в номер?

– Я подумала, что ты хочешь завладеть информацией, которая у меня есть.

– А у тебя есть ценная информация?

– У меня были документы, деньги и папка из дома. Старя папка, связанная еще с родителями, вернее, с их работой. Я же тебе говорила, что они – геологи. Погибли здесь. – Помолчав, она добавила: – И работали когда-то здесь.

Он повернулся к ней.

– Эта папка у тебя с собой?

– Да. Я взяла ее с собой, она в рюкзаке.

– Покажи мне.

Александра расстегнула рюкзак и достала оттуда папку.

– Вот.

– Ты сама изучала ее?

– Нет. Просмотрела сверху материалы, и все. Я ее нашла практически перед самым отъездом и сунула в рюкзак. Честно говоря, и сама не знаю, почему я ее взяла. В самый последний момент.

Вячеслав погладил папку, словно сдувая невидимую пыль, потом раскрыл ее и сел ближе к огню.

Александра сидела на топчане и смотрела то на Вячеслава, то на огонь. Ее мысли путались: в памяти всплывал снег, мертвая собака, звук выстрелов в темном доме, собственные онемевшие руки и те минуты, которые были совсем недавно – мужское тело, собственные ощущения, запах ветра...

Неожиданно Вячеслав присвистнул.

– Что такое? – Александра сжала руки.

– Любопытно. Как ты знаешь, золото здесь добывали заключенные из Ивдельлага. Как я понял при беглом осмотре этих материалов, здесь, во-первых, описано новое месторождение, на которое еще не успели подать заявку. Наступил распад Союза, и в разработку оно принято не было. В то время, да и сейчас предпочитают выжимать из старого, чем вкладывать деньги в разработку нового. А во-вторых, здесь есть какие-то непонятные записи, их нужно еще разобрать...

– А я?

– А ты спи. Осталось немного, а потом нам снова в путь.

– Ты спать не будешь?

– Нет. Да и не хочу спать.

– Ладно. – Александра вытянула руки поверх одеяла и посмотрела на Вячеслава сквозь ресницы. – Только если захочешь спать – разбуди.

– Я привык не спать в течение длительного времени, так что не беспокойся за меня. Но за заботу – отдельное спасибо. – Он улыбнулся, а потом положил руку на одеяло. – Сладких снов, дорогая...

«Снов», – эхом отдалось в голове Александры. – Он сказал... «снов»... и еще «дорогая»...

Она проснулась от того, что ей показалось – метель ворвалась в помещение. Александра поежилась и открыла глаза. Вячеслав по-прежнему сидел у камина и читал листы из папки.

– Слав! – позвала она. – Ты так и не ложишься?

– Нет. Все нормально. Спи.

– Я уже выпалась.

Александра выскользнула из-под одеяла и села рядом с ним.

– Расскажи, что ты там нашел? – кивнула она на папку.

– Много чего интересного... Про месторождение я тебе уже говорил. Но здесь есть еще... Возможно, из-за этого они и погибли.

Черный комок ударил под дых, и в глазах потемнело:

– Разве мои родители не сорвались в снежную пропасть?

Пауза. Сколько же она длилась? Минуту? Час? Вечность?

– Возможно – им *помогли* сорваться... – Она молчала, тупая боль пульсировала в виске.

Вячеслав посмотрел на нее, а потом отвел взгляд.

– Извини, это всего лишь мое предположение, доказательств у меня никаких нет. Давай сделаем вид, что моих слов не было, пока не будем иметь под ногами более твердую почву, чем мои догадки. Ничем пока не подкрепленные.

Александра по-прежнему молчала: почему-то сразу мелькнула мысль – это *правда*. Может быть, потому, что такая смерть была не для родителей, которые были с лыжами, горами и снегом на «ты». *Смерть тоже как почерк жизни* – эту фразу она когда-то вычитала в одном романе, и она запала в ее память, проклюнулась, как росток растения из земли, и расцвела пышным цветом. Это было какое-то внутреннее озарение. Просто Вячеслав озвучил это вслух...

– Золото на Урале искали давно. Урал явился первым в России регионом, где нашли коренное рудное золото. Уже в 20-х годах девятнадцатого века на Урале началась золотая лихорадка, об этом времени хорошо написал Мамин-Сибиряк в романе «Золото». Не читала?

– Нет.

– А я читал. Так что настоящая добыча золота началась с Урала. Это уже потом стали находить россыпное золото в Сибири и на Дальнем Востоке. Но Урал здесь первооткрыватель. Флагман. Знаешь, как вообще в России открыли золото?

Александра качнула головой и поежилась.

– Замерзла? Это я виноват. Увлёкся чтением и забыл пойти за новой порцией дров. Сейчас отправлюсь.

– Потерплю. Рассказывай.

– Секунду. Здесь старая охотничья доха была. Сейчас найду и на тебя накину. Будет теплее.

Порывшись в углу, Вячеслав нашел накидку, напоминающую бурку, и накинул на Александру.

– Из чего она?

– Олений мех. Теплый.

– Ты здесь часто бывал? Когда?

– Все потом... Так вот, в России золото открыли приблизительно в восемнадцатом веке. Один из раскольников заявил о том, что нашел странный камешек. И сообщил об этом в канцелярию главного завода Екатеринбургa. В том месте и был заложен золотодобывающий рудник.

– Откуда ты все это знаешь?

Вячеслав взъерошил волосы.

– Хотел одно время, еще когда был школьником, стать историком или геологом. Я же вырос в этих краях, уральских, потом отца перебросили на работу в другое место. Я даже реферат писал по истории на тему «История добычи золота на Урале».

Самое интересное началось после Октябрьской революции. С одной стороны, государство понимало, что старатели обладают бесценным опытом для поисков золота, с другой – упорно видело в них «вражеский элемент». Декрет Советской власти, принятый в 1921 году, официально узаконивал старательство. Ты скажешь,

к чему такие подробности? Но без этого многое будет непонятно. Так что терпи.

За окном ухала метель.

– Золото нужно было советскому государству позарез – на индустриализацию. В 1927 году Сталин отправил начальника Главзолота Серебровского в США, чтобы изучить там передовые методы добычи золота и пригласить в Россию американских специалистов. Но несмотря на изучение передового опыта и зарубежных специалистов, золота все равно не хватало, и потому были приняты постановления о расширении льгот старателям. И вот тогда в глухие края в надежде разбогатеть хлынули люди. Разрешение на добычу золота мог получить любой человек, не имевший уголовного прошлого. Встает вопрос: почему же был принят этот закон, несмотря на «вражеский элемент»? Просто в какой-то момент государство поняло, что молодые юноши и девушки, которые выучились на геологов, не смогут заменить старателей, которые прошли суровую школу жизни. У них был особый нюх на золото. И на новые месторождения.

А теперь вернемся к Ивдельлагу. Кое-что ты о нем уже слышала. Он расположен недалеко от Свердловска в непроходимой тайге. И был опутан системой лагерей, как паутиной.

– А если это беглые зэки убили группу Дятлова? – тихо спросила Александра. – Ведь похоже на то...

Вячеслав поворошил палкой огонь в камине, через какое-то время медленно, словно тщательно взвешивая слова, сказал:

– Такую версию высказывают. И довольно часто. Но я бы не склонялся к ней.

– Почему? – вырвалось у Александры.

– Ну, суди сама. Во-первых, время гибели группы – февраль. Разгар зимы. Бежали обычно в конце лета – начале осени. Так легче прокормиться в лесу на первых порах. Во-вторых, беглые взяли бы деньги, еду, спирт, фотоаппараты, да и девушек бы не пощадили. Любое убийство – это почерк, мотив. Вот это и не укладывается в схему «убили беглые зэки». Если вернуться к версии с зэками, то как изможденные, плохо питающиеся заключенные смогли справиться с группой хорошо натренированных молодых людей? Не забывай, что у всех у них была отличная физическая форма.

Беглые бы точно взяли еду, деньги... Нет, я уверен, что это не они. И мы опять возвращаемся к золотодобыче...

Ивдель был образован как золотодобывающий поселок. Золото здесь было всегда. Его мыли и моют до сих пор. И ты знаешь, откуда я почерпнул эти данные? Отсюда, – и Вячеслав помахал в воздухе тетрадкой. – Твоих родителей интересовали Ивдель и эти края. – И он открыл тетрадь, которую ему передала Александра.

Судорога скручивала позвоночник и подступала к горлу.

– Они пишут об истории Ивделя, о том, как в 1831 году была заложена золотопромывальная фабрика Всеволода Всеволожского у впадения реки Шапши в Ивдель. Здесь промывали золотоносные пески. Рядом с фабрикой образовался поселок – Ивдельское. Теперь это Старый Ивдель. Еще они отмечают, что им удалось открыть месторождение, которое, возможно, снова привлечет внимание к Уралу.

Слышно было, как слегка потрескивают поленья в камине, как будто бы ломают сухие ветки. Судорога ужаса уже скручивала не только позвоночник, но и делала черную дыру в области живота, к тому же было ощущение, что внезапно сдавили грудную клетку.

– Итак, с одной стороны, Ивдельлаг, с другой – район золотодобычи. Опасное сочетание, ты не находишь?..

Помимо треска поленьев Александра услышала еще какой-то звук. Она услышала его за шумом метели – странный, непонятный. Он привлек ее внимание, и она метнулась к маленькому оконцу. За вихрями ничего не было видно, и вдруг ей показалось, что на нее из-за мохнатых ветвей уставились два желтых глаза. Рядом была большая тень. И тоже засветился слабый огонек.

Александра вздрогнула.

– Там... – махнула она рукой – волк.

– Волк?

– Да. Он стоит под деревом. И похоже – не один. Или это люди? – Ее голос упал до шепота.

Глава девятая

Молитва старого шамана

Человек не знает своего времени.

*Как рыбы попадают в пагубную сеть
и как птицы запутываются в силках,
так сыны человеческие уловляются
в бедственное время, когда
оно неожиданно находит на них.*

*Ветхий Завет. Книга Екклесиаст (гл. 9,
ст. 12)*

Вячеслав подошел к Александре и посмотрел в окно.

– Это не волк, – улыбнулся он. – Это Тыйпа.

– Кто?

– Сейчас увидишь. Тыйпа – это Тыйпа, и ее ни с кем не спутаешь.

Дверь хлопнула, и в доме зашипело от ворвавшихся белых вихрей.

Огромная фигура выросла перед Александрой, и она сделала шаг назад. У незнакомца были темные, как приклеенные, волосы, узкий рот и черные, как ей показалось, немигающие глаза.

Шаман был одет в длинный кафтан из оленьих шкур, на кафтане имелось большое количество всевозможных крючков, колец, пластинок, колокольчиков, которые покрывали костюм плотной массой. На груди была большая бляха, на вид сделанная из железа. На голове – пестрая шапка из кожаных и меховых лоскутов. На ногах – кожаные штаны. В руках – бубен.

– Ясунт! – сказал он.

– Александра.

И тут же кто-то ткнулся Александре носом в руку, а хвост ударил по ногам.

– Тыйпа, сидеть! – дали команду.

У собаки была умная морда и хитрые глаза. Она напоминала волка и лайку одновременно. И еще – хаски. Она села напротив Александры, и той показалось, что собака улыбается.

Мужчина посмотрел на Александру и что-то сказал Вячеславу, но она не поняла что. Язык был ей незнаком.

– Что он говорит? – спросила она.

– Твое появление сулит перемены.

– И что это значит?

– Только то, что слышала. Ни больше ни меньше.

Мужчина сел к камину и о чем-то тихо заговорил с Вячеславом. Собака же села около нее.

– Давай знакомиться, – шепнула Александра Тыйпе. Та дернула ухом и посмотрела на нее.

– Я не против, – согласилась с ней Тыйпа. – Только учти. К чужакам я отношусь с опаской. От них можно всего ожидать, так что не обессудь.

– Понимаю, – тихо сказала Александра. – Я и сама такая.

– Тогда все в порядке. Мы – не чужие, – просигналила собака.

– Не чужие, – прошептала она.

Ей почему-то стало важно стать своей для собаки со странным именем Тыйпа.

Тыйпа глухо заворчала, а потом уткнулась мордой в колени Александры. Та наклонила голову и прижалась к собаке, зарываясь лицом в собачью шерсть. Шерсть пахла морозом, свежестью, и еще сквозь эти запахи пробивался другой – родной, теплый... Александра судорожно вздохнула и вцепилась пальцами в шерсть.

– Тыйпочка! – прошептала женщина, и на глазах выступили слезы. Она вспомнила свою Буську... – Тыйпа, Тыйпочка! – гладила собаку Александра.

Мужчины закончили переговариваться и развернулись к ней.

– Ясунт говорит, что здесь снова возродилось зло. Оно какое-то время дремало, а сейчас возродилось...

– И кто в этом виноват? Духи, злые божества? – спросила Александра.

– Нет. – Шаман разомкнул губы. Его голос был низким, тягучим, словно ветер выл в дымоходной трубе. – Люди. Во всем виноваты люди. Не внешние силы. И не духи. – И для больше убедительности он кратко рубанул в воздухе ладонью.

– Он шаман, потомственный, – пояснил Вячеслав. – Шаманом был и его отец.

– Наверное, его отец еще помнил историю с группой Дятлова?

– Конечно. – Вячеслав снова что-то сказал шаману на непонятном языке. – Их же, манси, обвиняли в убийстве. Но потом одумались и все подозрения сняли.

– Золото, – прогудел шаман. – Это оно во всем виновато... – Свою мысль он не закончил.

Вячеслав снова взял в руки тетрадь.

– Смотри! – теперь Вячеслав говорил, обращаясь поочередно то к Александре, то к шаману. – Дятловцы ночуют в поселке «41-й квартал», общаются с людьми, обитающими там. Уходят, а потом через сутки оказываются убитыми. Что же там случилось? Они видели что-то, чего не должны были видеть?

Мужчина замолчал, а потом после краткой паузы продолжил:

– Надо понять столкновение разных миров – молодых людей, активных, верящих в идеалы коммунизма, оптимистов, спортсменов, людей, у которых все впереди. И свой поход они посвятили предстоящему съезду КПСС. С другой стороны – надломленные люди.

– Они ненавидели все и всех... – чуть распевно сказал шаман. У него был звучный голос. – Это были люди, как сосуды зла. Зло копилось в них незаметно, а потом вспенилось и полилось через край. – Ясунт взмахнул рукой.

Тыйпа глухо заворчала, но почти сразу успокоилась.

– При этом они были не должны останавливаться в поселке «41-й квартал»! Не должны! Из Вижая, согласно маршруту, их путь лежал напрямик во «Второй Северный», но вместо этого они на целых два дня застревают в «41-м». И я думаю, это решающий момент в трагедии с группой. И здесь мне помогли записи твоих родителей. Но все по порядку. – Шаман смотрел на Вячеслава безо всякого выражения; его взгляд был непроницаем. Александра сидела – вся внимание. – Твои родители были геологами, отец – уроженец этих мест. И это стало ключом к пониманию трагедии, случившейся с группой Дятлова.

Интересен такой момент. «41-й» на картах даже не был изображен. А «Второй Северный» обозначался как заброшенная шахта. То есть определенные круги хотели, чтобы этих мест как бы и не существовало в природе. Почему?

Твоя мать пишет о том, что незаконная добыча золота велась разными способами. В том числе с помощью проруби. Прорубь

постепенно замораживали до образования ледяного стакана, и туда потом садился старатель. Он сидел как бы на дне реки, а сверху прорубь накрывали марлей, чтобы сверху ничего не было видно. И вот на одной из фотографий, гуляющих в Сети, хорошо видна прорубь около того домика, где заночевали дятловцы во «Втором Северном». Значит, скорее всего, там велась добыча золота. Прорубь была незамерзшей, стало быть, незадолго до ребят в тех местах были люди. А теперь: внимание! Зачем нужно было задерживать ребят в поселке «41-й квартал»? Да потому, что нужно было время, чтобы ликвидировать следы этой незаконной добычи, вывезти людей, которые там находились. «Второй Северный» считался заброшенным поселком, но избушка, где заночевали ребята, была жилой. С окнами, дверями и кроватями.

Со стороны тех, кто контролировал незаконную добычу золота, дается команда: всеми силами задержать ребят в «41-м квартале». Отсюда и некоторые несостыковки с действительностью тех лет и тем, что увидели ребята. Они увидели поселок, где живут веселые лесорубы, которые распевают песни, причем они стали даже записывать за ними эти песни.

«Они», то есть те, кто вел добычу золота, были настолько озабочены «остановкой» дятловцев, что отправляют вместе с ними пленки с тремя фильмами. Для досуга. Один из фильмов, «Золотая симфония», – музыкальный легкий фильм, где к тому же в сюжете присутствует спорт – и это не может не понравиться молодым людям. Не случайно потом Игорь Дятлов напевал из этого фильма песенку: «О Джоки Джо». Этот фильм они уже смотрели в Вижае. Итак, ставится задача: задержать ребят всеми способами. На первый план выдвигается даже такой колоритный персонаж, как некий Огнев Николай Григорьевич, под очарование которого попадают молодые ребята. Попадают до такой степени, что берут у него адрес для продолжения знакомства. Стоит ли говорить, что по этому адресу Огнев не проживал и в дальнейшем его следы затерялись...

Вокруг ребят рекой льются и стихи, и песни... Прямо художественная самодеятельность местного разлива... Все это отдает некой инсценировкой, спектаклем. Похоже, что уральские края были опутаны «мифическими поселками» и местами, не обозначенными даже на картах, где велась незаконная добыча золота. После смерти

Сталина контроль на местах ослаб, и местная власть, почувствовав вольницу, решила развернуться.

Бывшие зэки частенько оседали здесь после того, как становились свободными людьми. Они хотели остаться и подзаработать. К ним присматривались, их отбирали – привлекали к работе самых способных в своем деле, жестких, беспринципных. Складывалась система «государства в государстве».

Ясунт снова взмахнул руками.

– Они обретали свободу, но свобода не для них. Не нужна им. Нужны были деньги...

Ясунт помолчал.

– Итак, согласно поставленной сверху «задаче» ребят задержали, следы незаконной добычи золота ликвидировали... И еще один момент, очень важный. Никто не обратил на него почему-то внимание. Зинаида Колмогорова пишет о том, что она не узнает Игоря: он весь вечер хамил, отмечается, что ребята неудачно острились, отмечается их возбужденное состояние. Также Зина пишет о том, что на нее в последнее время «ужасно действует музыка»... В дневнике Колмоговорой есть ошибки в датах, меняется почерк. Смотрим еще по этому пункту. Путь от «41 квартала» до «Второго Северного» они преодолевают за большее количество времени, чем это предполагается. На некоторых интернет-форумах даже высказывается предположение, что «дедушка Слава», как Иван Сусанин, вел их окольными тропами. И никто не подумал, почему ребята так поздно проснулись и вышли в поход, поставили палатку на склоне горы... Да это объясняется довольно просто: скорее всего, им дали некие психотропные вещества, которые и привели их в возбужденное состояние, а потом последовали расслабление, замедленная и заторможенная реакция. Поэтому с ними так относительно легко и расправились. И все равно они сопротивлялись до последнего.

Ясунт провел рукой по лицу и сказал длинную фразу.

– Он говорит, что если дух поражен, то тело влачит жалкое существование.

Вячеслав поворошил в камине угли толстой палкой.

– Эти психотропные вещества могли быть из секретной лаборатории ядов НКВД. После смерти Сталина, когда вся верхушка

спецслужб была снята со своих постов, а в органах проходили серьезные чистки, могла произойти утечка этих веществ.

И вот ребята, возможно (а судя по их поведению, это так), уже накачанные психотропными веществами, прибывают во «Второй Северный». Там они ночуют, Юрий Юдин чувствует обострение болезни и понимает, что дальше идти он не может, и прощается с группой. Какое-то время остается в избе, предварительно отдав свой рюкзак вознице. Этот возница, который их сюда доставил, «дедушка Слава», Вячеслав Великвичус, литовец, был в свое время осужден на десять лет лагерей, но к тому времени уже освобожден и вышел на поселение. А потом и Юдин покидает «Второй Северный». Возникает вопрос: если следы незаконной добычи золота успели ликвидировать, а очевидно, что успели, иначе бы «поющие лесорубы» задержали бы ребят еще на один день, то почему дятловцев все-таки убили?

За эти годы было выдвинуто много версий: от вполне реалистичных до откровенно бредовых. Некоторые считают, что здесь нужно присмотреться к одному из членов экспедиции – Семену Золотареву. В его биографии много странных пятен, выдвигалось предположение, что Золотарев был связан с органами военной контрразведки во время войны. Да и после войны сотрудничал с ними. По моей версии, кто-то из верхних властей хотел вскрыть факты незаконной золотодобычи на территории Урала, а может быть, поступил какой-то сигнал сверху, из центра. И к «проверке» привлекли сотрудника спецслужб – Золотарева. Уж очень он не вписывался в студенческую группу Дятлова. Даже с именем была странность: был Семеном, а ребятам представился как Александр, Саша. Был холост, что тоже тогда выглядело странно, работал старшим инспектором по туризму на одной из турбаз в Свердловской области, но перед походом оттуда уволился.

Тогда все можно интерпретировать как многоступенчатую комбинацию, а ребята попали под этот маховик. С одной стороны, некие властные структуры хотят обнаружить незаконную золотодобычу, с другой стороны, есть силы, которые живут за счет этого и поэтому стремятся помешать проверке. Какое конкретно получил задание Золотарев? Что ему нужно было узнать? Теперь уже вряд ли станет известно.

За эту версию говорит тот факт, что маршрут группы держался в тайне. Впоследствии обнаружилось, что даже маршрутной книжки в институте нет.

Перед «лесорубами», скорее всего, поставили задачу – присмотреться к ребятам. Прощупать их. Действительно ли это невинные студенты или под видом группы кто-то хочет узнать о махинациях с золотодобычей?

Судя по всему, дятловцы попали под подозрение. И серьезное. По каким-то деталям могли вычислить, что Золотарев попал в эту группу не случайно.

Кстати... – Вячеслав метнул на Александру взгляд, а потом проговорил тихим голосом: – На месте гибели группы был найден пояс с кармашками, оказавшимися пустыми. Предполагают, что это пояс Семена. Вероятно, он снимал фотоаппаратом «нужные объекты», а микропленки складывал в пояс. Поэтому пояс опустошили, глаза выкололи, а фотоаппарат положили на убитого. Такой вот вызывающий знак.

По спине Александры прошла дрожь.

Все то время, что группа находилась в поселке «41-м», за ней наблюдали, а поведение молодых людей тщательно анализировали. Когда ребята ушли во «Второй Северный», «анализ» группы пошел «наверх». Была ли дана команда о ликвидации группы после того, как она покинула поселок «41 квартал», или решение было принято позже? Ясно одно: группа попала под серьезное подозрение со стороны негласных хозяев края. Среди «лесорубов» и других работающих в «41-м» поселке могли находиться военные преступники, те, кто воевал против Советской армии.

– После войны здесь было много людей... самых разных, – слова вылетали из Ясунта толчками, как твердые округлые камешки, которые с громким звуком падали на пол. – И те, у кого руки в крови были, и предатели. Бежали к нам, на Урал... – Возникла пауза. – Хотели переждать. Думали, здесь никто не найдет. Места у нас такие. Можно спрятаться, и никто не найдет. Трудно обнаружить человека.

Вячеслав похлопал одной ладонью о другую, словно у него замерзли руки и он пытался согреться.

– Можно предположить, что перед Золотаревым, кроме выявления незаконной добычи золота, было поставлено задание – обнаружить

преступников или бандитов, скрывшихся в этих местах. А если он кого-то вычислил? Поэтому и поступила команда: группу ликвидировать.

– Бизнес! – громко сказал Ясунт.

Вячеслав кивнул.

– Да, угроза, нависшая над хорошо налаженным бизнесом, – веская причина для расправы над ребятами.

– Но какая... ужасная смерть, – медленно сказала Александра.

Голос Вячеслава она услышала как будто бы издали:

– Ребят убивали спецы, хорошо подготовленные люди, которые делали это не в первый раз. Только такие люди и могли справиться с физически крепкими молодыми ребятами и девушками из группы Дятлова.

Люде Дубининой вырвали язык, Золотареву выкололи глаза. Зловещие символы. Золотарев что-то увидел, обнаружил, и ему символично выкололи глаза. Этот «знак» явно предназначался тем, кто его «отправил». А Людмила что-то сболтнула, и за это ее «наказали». Не взяли ни еду, ни спирт, ни деньги, но все перевероршили – значит, что-то искали. Некоторые дневники ребят так и не были обнаружены. Вероятно, их взяли убийцы...

Говорят, что ребят убивали не в этом месте, ищут несостыковки в следствии – но это уже вторично. Важно, что их убили люди, а не летающие шары. И убили за угрозу своему криминальному бизнесу. Все остальное – увод от правды и заметание следов.

– Люди... – И здесь Ясунт сделал взмах руками, как будто бы изображал полет птицы. – Исчезли, пропали... нет их, и все... Были – и нет. Кто найдет правду?

– Ну да, ну да, – кивнул Вячеслав. – И «лесорубы», и «дедушка Слава» после этой трагедии из поля зрения исчезли. «Дедушка Слава» уволился. А сам поселок «41-й квартал» закрывается.

Возникла пауза.

Александра представила, как поселок постепенно приходит в запустение, как сквозь толстые бревна прорастает трава, как они темнеют, из них уходит крепкость, сила, окна становятся пустыми, только кое-где блестят старые замызганные стекла. Летом паук тклет свою паутину по углам, и редкие лучи солнца забираются в дом ненадолго, а потом снова наступает темнота... Лес все ближе и ближе

подступает к домам, и постепенно отвоевывает у поселка землю, когда-то деревья поглотят его, а бревна будут уходить в землю... Как люди...

Александра с трудом очнулась от своих мыслей.

– Ты что? – спросил Вячеслав, с тревогой всматриваясь в ее лицо. – С тобой все в порядке?

– Да... Я просто задумалась.

– И все это было для местных властей ЧП вселенского масштаба. Поэтому для прикрытия и возникла версия о «стихийной силе»... А что оставалось делать? Убийство студентов, которые, кстати, на минуточку, свой поход посвятили предстоящему съезду КПСС, – это не шутки. Здесь может быть разнос по всем статьям. Куда проще приплести «стихийную силу», чем подтвердить эту трагедию.

Вячеслав замолчал и посмотрел на Александру.

– И заметь, что все крутится вокруг золота!

Ясунт тяжело вздохнул, от вздоха хозяйина Тыйпа насторожилась. Уши беспокойно задвигались. Она посмотрела сначала на Ясунта, потом – на Александру. «Что такое? Что случилось?» – казалось, вопрошал ее взгляд.

– Но вернемся к твоим родителям. На карту, которая была в папке, нанесено новое месторождение. И обозначены места, где есть или может быть золото. Это подробнейшая карта этого региона. Она хранилась у тебя дома?

– Да. Вместе с остальными записями в папке, – тихо сказала Александра, вцепляясь в шерсть Тыйпы онемевшими руками.

– За эту карту многие бы отдали целое состояние.

В голове у Александры шумело, и, чтобы сохранить равновесие, она еще крепче вцепилась в собаку.

– И знаешь, чем еще ценна эта карта? Здесь обозначены все условно тайные места: поселки, которые не фигурировали на остальных картах или обозначались заброшенными шахтами, старые рудники... И еще в записях родителей мелькает одна фамилия – Шурманов или Шумаков. Как я понял, этот человек из бывших зэков, который хорошо знал эти места... То ли это его карта, то ли он помог им составить ее... Он рассказал о давней зачатке золота, которую оставили заключенные. Это место обведено красным кружком.

Внезапно во рту у Александры стало сухо.

Вячеслав встал и почему-то повернулся спиной к Александре, смотря на огонь.

– Возможно, когда они погибли – искали то место.

Тыйпа непонятно почему встрепенулась и глухо заворчала.

А шаман что-то кратко выкрикнул на непонятном языке.

– Что он говорит? – спросила Александра.

– Зло стало творить свои дела...

Шаман взял бубен и ударил в него, протяжный звук завибрировал, а потом стих. Снова – удар в бубен, другой... Шаман говорил на непонятном языке, речитативом... звуки вибрировали, сплетались, отзывались в позвоночнике. Он говорил, запрокинув голову. Как будто бы над ним была не крыша, а звездное небо и мигающие огоньки пролетающих мимо самолетов. Вячеслав подсел к Александре и взял ее за плечи.

– Это молитва шамана. Молитва, чтобы окончательно прогнать зло из этих мест. Здесь все когда-то было наполнено болью и страданиями, зло ищет своих жертв, но оно должно исчезнуть...

Александра медленно погрузилась в транс. Она потеряла ощущение времени. Сколько длилась молитва старого шамана? Несколько минут? Полчаса? Час?

Наконец последнее эхо растаяло в воздухе...

– Александра! – позвал ее Вячеслав. – Ты как?

Вместо ответа она прижалась к нему. Шаман вытянул руку в сторону Александры и что-то сказал, показывая на нее.

– Это обо мне?

– Да.

– И что Ясунт сказал?

Ей показалось, что Вячеслав запнулся.

– Что ты – светлый человек.

Шаман вновь что-то сказал Вячеславу.

– Ясунт сейчас уходит... Он уйдет первым. Потом – мы. Мы должны поспешить к своим. Мы меняем маршрут и уходим к группе. Ясунт говорит: мы нужны там.

– Там что-то случилось? – встревожилась Александра.

– Не знаю. Но мы должны спешить.

Собака поднялась со своего места и лизнула Александре руку.

- Уходим прямо сейчас?
- Я же говорю – немного позже.

Избушка осталась позади. День был серым, без солнца, воздух был как липкая субстанция, которая обволакивает тебя и трудно дышать. Вячеслав – впереди, она – за ним. Мысли путаются, и она не может ни на чем сосредоточиться. Слишком многое обрушилось на нее вчера; ей нужно все осмыслить, разложить по полочкам, но ничего не складывается. И в то же время страха нет. Ведь она не одна...

Несколько раз они останавливаются, делают передышку, в это время они молчат и даже не смотрят друг на друга, как будто бы все важное и нужное уже сказано и все обговорено. Но перед тем как двинуться в путь дальше, они обмениваются взглядами и понимают, что они – вместе, и все будет так, как надо. А по-другому и быть не может...

Вячеслав оборачивается и говорит:

- Сейчас уже придем к нашему лагерю. Скоро.
- Может быть, крикнуть?
- Не надо. В лесу не кричат без надобности.

И здесь Вячеслав резко тормозит. Он останавливается и смотрит куда-то вбок.

Александра смотрит вслед за ним.

- Сломана крупная ветка, – говорит он сквозь зубы.
- И что?
- Кто-то проходил здесь.
- Лось? Олень?

Мужчина молчит, потом хмурится. Он втягивает в себя воздух. И снова молчит.

– Знаешь что, оставайся здесь. Я поеду вперед – разведу обстановку.

- Я здесь не останусь, – сжимает губы Александра. – Я с тобой.
- Нельзя. Остайся на месте. И жди меня тут.
- Нет! – мотает она головой.
- Да. Я скоро вернусь...

Она молчит. Ей все это не нравится, Но похоже, он не оставил ей выхода...

– Я буду тебя ждать. – наконец говорит она.

– Вот и умница. – Он целует Александру и вскоре исчезает между деревьями.

Она остается одна. Серое небо давит, женщина стоит под сосной и смотрит то на небо, то на деревья. Ей неуютно и зябко. Минуты идут, текут, слагаются в невыносимое ожидание.

Александра прислушивается к малейшим звукам, но – ничего. Она смотрит на часы и хмурится – прошел уже час. Если быть точным – час и двадцать минут. Ждать дальше невозможно. Она оборачивается, словно стараясь запомнить это место, и идет туда, куда пошел Вячеслав. Попутно она ставит отметки на деревьях маленьким перочинным ножиком, который достает из рюкзака, чтобы пометить обратный путь и не ошибиться при возвращении. Александра идет по лыжне Вячеслава, считая про себя шаги. Ей так спокойней, она может не думать, а занять себя вот этим простым подсчетом.

Дорога идет под уклон, как это она не заметила камня, летящего сверху? Александра поднимает голову. Никого. В горах часто случаются обвалы – это так. Но что-то настораживает ее. Она отступает в сторону. И правильно делает. Так как второй камень с грохотом катится мимо нее. Она ныряет под елки и стоит там, слыша, как колотится ее сердце. Ей страшно. «Капитаны никогда не плачут», – вспоминает она слова отца, и страх проходит. Она вдыхает полной грудью морозный воздух и петляет между деревьями, обходя возвышенность. И здесь она понимает, что потеряла след лыжни Вячеслава, Александра озирается кругом – белый снег. Где же лыжня? Как же она ее потеряла? Вернуться на старое место – немыслимо. Но куда ей теперь идти? Она прикидывает приблизительно направление и идет в ту сторону. Стоянка должна быть там... Спустя некоторое время до Александры доходит страшная истина: она заблудилась и теперь не имеет ни малейшего понятия, куда идти. Но в этот раз она не дает страху овладеть собой. «Черта с два ты меня достанешь», – говорит она про себя, упрямо стремясь вперед между деревьями, взлетает на склон и спускается с него...

И вдруг что-то яркое мелькает между деревьями, и она резко тормозит. На ветвях сосны висит розовый Лилькин шарфик. Александра стоит и смотрит на него. «Ли-ля! – стучит что-то внутри

нее. – Ли-ля! ЛИ-ЛЯ! ЛИ-ЛЯ!» Она забыла, что в лесу нельзя кричать, она забыла обо всем, или она не кричит, а пытается выдавить из себя звуки обледеневшими губами. И крик раздается внутри нее, даже не крик, а хрип раненого зверя. Она падает на снег... И здесь до нее доносится какой-то шелест, это ветер шумит в деревьях или кто-то пытается докричаться до нее? Александра замирает и прислушивается. Она старается слиться с этим пространством, вжиться в деревья, в скрип, шелест, шуршание снега... До нее доносятся слабые, едва различимые звуки... Но они есть! Она идет в том направлении, откуда они доносятся. Шаги делаются все тяжелее и тяжелее, на ее ногах повисли снежные гири...

Да, ее зовут, но как слабо... Сердце ухает куда-то вниз, с очередной снежной горки она несется без препятствий, и только ветер свистит в ушах... Или это ее зовут? И это не ветер... Что-то темное между деревьев. Синее с белым. Александра несется туда... и цепенеет. Тишина врзается в уши, и ей кажется, что она оглохла! Лилька лежит на снегу и стонет. У нее ярко-багровый шрам на лице, кисть руки неестественно вывернута. Одежда изодрана, как будто бы на нее напал зверь. Глаза закрыты, по лицу стекает кровь. Рана на голове... Александра снимает лыжи и падает перед ней.

– Лиля! Ты слышишь меня, Лиля!!! Лилька! Ну скажи, хоть что-нибудь! Лилечка, родная... – Она гладила ее по лицу, не замечая, что руки у нее уже тоже в крови. – Лиль, я тебя умоляю. Только не молчи, Лиля.

Лилька медленно открыла глаза и с трудом сфокусировала взгляд на Александре.

– Ты? – и легкая улыбка тронула ее губы.

– Лиль...

– Саня... Где все?

Вопрос повис в воздухе.

– Где? – спросила она уже тише.

– Не знаю, Лиль.

– А я? Что со мной?

– Ты упала, – быстро сказала Александра. – Подвернула ногу и, падая, обо что-то стукнулась, была без сознания какое-то время, и я... нашла тебя здесь.

Лилька зажмурилась.

– Нет, не так. Не сочиняй. Все болит, – шепотом сказала она. – Я тела не чувствую... На нас напали, когда мы спали. Под утро.

– Кто?

– Не знаю. Их было трое. И они были в масках.

– Лиль, все будет хорошо, правда...

– ...Брось, я наверное, умру. Мы всегда думаем о смерти отвлеченно, а получается, что все может закончиться в любой момент. Я еще как дура распланировала свою жизнь на много лет вперед... по крайней мере – пыталась планировать... А теперь...

– Замолчи! Пожалуйста, Лиль! Ну не пори чепухи, будь добра. Лилька! – выдохнула Александра. – Ты же всегда была такой сильной!

– Это я так умело маскировалась.

– Лиль! – Александра положила руку на лоб.

– Перед глазами все расплывается. Сань, возьми меня за руку крепче.

Александра взяла Лилькину руку и сжала ее.

– Ты помнишь, Сань, – дыхание Лильки было прерывистым, она говорила, словно задыхаясь. – Помнишь, как ты появилась у нас... – Она поморщилась. – Ну, после того, как погибли твои родители... Я не знала, как тебя утешить, и была готова выполнить любое твоё желание. У меня была любимая кукла, помнишь, я ее называла «принцесса Элли». У нее были чудесные золотые волосы. И ты однажды сказала, что ей больше бы пошла короткая стрижка. Ты сказала об этом просто так, не придав значения, но я так хотела, чтобы ты хоть немножечко оттаяла, отошла, что схватила ножницы и не раздумывая отстригла кукле волосы, а когда ты проснулась и увидела принцессу Элли со «стрижкой», то улыбнулась. И я была так рада!

Александра стиснула Лилькину руку.

– Какая же я была по жизни дура, Сань! Ты даже не представляешь.

– Лиль! – Александра склонилась над ней. – Не надо. Не надо ничего говорить, тебе трудно, тяжело, я же вижу...

– Нет, если я не выговорюсь, мне будет в тысячу раз хуже. Прошу тебя, не останавливай меня...

Лилька сделала резкий выдох.

– Сань! Я должна тебе кое-что сказать... – По измученному лицу Лильки пробежала тень. – Только не останавливай меня, пожалуйста...

– Не буду...

Александра оглянулась. Никого. Господи, ну хоть бы кто-то пришел им на помощь!

– Я ведь оказалась здесь не просто так. Наверное, за это и поплатилась...

Страх стиснул сердце Александры.

– Ты слушаешь меня?

– Да, Лиль!

– Я так много напортачила в жизни. И со Славой... так нелепо все получилось. – Она замолчала. – Он меня любил. Мы хотели пожениться. Какое это было время, Сань... И я была так счастлива! Но у него были серьезные финансовые проблемы. А я... Вместо того, чтобы переждать трудности, подставить свое плечо, стала закатывать истерики, толкать его на сомнительные сделки, я боялась бедности, нищеты... Он не выдержал и ушел... И с тех пор моя жизнь превратилась в тоскливое существование. Потому что все закончилось, когда он ушел, только в первый момент я этого не поняла, это пришло позже...

– Лиль! Нужно бежать за помощью...

– Куда? – слабо улыбнулась Лилька. – Лучше беги ты! А то...

– Я не могу тебя оставить...

– Спасибо, – прошептала она.

Ее губы побелели, было видно, что ей тяжело говорить, от ее губ поднималось белое облачко пара...

– Я пыталась, я хотела все забыть... Но не могла. А когда возник Кирилл, я подумала: почему бы не попытаться жить, как все? Как живут большинство пар: без чувств, без любви, просто живут, вместе спят, делают покупки, ходят в магазины, путешествуют. Нормально так. Обычная жизнь. Почему бы не рискнуть? Я же рискованная девушка, правда, Сань? Кирилл меня любил... Но в остальном все оказалось не так, как я думала... У Кирилла начались перебои с работой, он не мог толком устроиться на хорошие деньги. Мне нужен был солидный достаток, красивая жизнь... Я сказала об этом матери. А она мне в ответ, как бы в шутку: вот найти бы наше семейное золото. Сказала и пожалела об этом,

потому что я пристала к ней как репей. Скажи да скажи. Она и не выдержала. И рассказала об одной истории. Один из наших родственников был когда-то здесь. Отбывал наказание в Ивдельлаге. Потом бежал... Ему доверили спрятать золото, которое заключенные намыли тайком. Он спрятал, отметил это место, а потом забыл... Он еще говорил, что рано или поздно его подельники или их потомки придут за этим золотом. Этот родственник в один прекрасный день явился к моему отцу и все ему рассказал, передал карту, где было отмечено это место. Отмечено приблизительно, он рассказал, по каким приметам можно его найти. И исчез. Больше никто и никогда нашего родственника не видел. Скорее всего, его выследили и убили. А может быть, он скрылся ото всех и где-то живет под другим именем. Эта карта осталась у нас, мой отец сказал об этом твоим родителям. Наверное, хотел, чтобы они помогли найти то место. Ведь они хорошо знали этот край.

Когда они погибли, моя мать сказала, что мой отец обронил: «Неужели из-за того золота их убили?»

Теперь Александра поняла, что означала фамилия Шурманов или Шумаков, которая была в записях ее родителей. Они захотели найти то место со спрятанным золотом эсков, но вызвали ненужное подозрение у людей, которые давно обитают здесь и внимательно наблюдают за всеми чужаками, появляющимися в этих местах. И поэтому – погибли.

– Я загорелась найти это место и разбогатеть. И так оказалась здесь. Говорю же – дура и идиотка полная! Мне все было мало... Я взяла эту карту сюда, с собой... думала изучить под видом похода эти места, познакомиться с ними поближе. Потом я планировала после похода задержаться здесь. Я собиралась искать золото до победного...

– Такая же карта хранилась у нас дома... – тихо сказала Александра. – Лежала в старой папке на антресолях, куда я даже и не заглядывала... И то место, где предполагается найти золото, обведено красным кружком.

– Вот как! – вздохнула Лилька. – Но теперь уже все равно...

Александра снова оглянулась. Тишина. И чувство, будто бы они вдвоем в этом безмолвном мире.

– Так мы и оказались здесь. Кирилл я посвятила в эти планы, он не хотел, говорил, что не надо, скоро он найдет себе нормальную

работу, но я настояла на своем. Говорю же, дура полная! – Лилька пыталась улыбнуться, но в уголках губ показалась кровь.

– Лиля! – сжала ее руку Александра.

– Но когда я узнала, что ты идешь в этот поход – мне стало не по себе... Почему-то я смутно чувствовала, что будет опасно. И не хотела, чтобы ты была здесь. Я пыталась тебя отговорить, но это оказалось бесполезным. Я даже прибегла к запрещенным методам, наняла одного мелкого хулигана, чтобы он на тебя напал и слегка пострадал. Я не знала, что он перегнет палку. Ты повредила ногу, но тебя это не остановило.

Александра вспомнила, как на нее напали за два дня до отъезда между гаражами. Только подумать, что в этом была замешана Лиля!

– Ты решила не отступить от своего... И цыганку в аэропорту я выдумала, это был мой последний акт отчаяния, чтобы остановить тебя, развернуть и отправить домой. Все было зря. И вот... – Она замолчала. – Мы здесь. И я... Вячеслав... Слава – человек темный, – прохрипела она. – Держись от него подальше...

Она пыталась приподняться, но кровь хлынула горлом.

– Все. – Она сделала судорожное движение. – Мама... Ты ей скажи...

– Да-да, Лиль. – Александра с трудом удерживалась от рыданий.

– Ты будешь меня вспоминать, Сань? Хоть иногда! Ты была моей единственной подругой, хоть и виделись мы крайне редко. Но мне было легче жить, зная, что ты – есть.

– Лиль! И мне...

– Я не успела сказать, что ты была мне как сестра, и я тебя очень любила...

– Я люблю тебя, Лиля... – Она прижала ее к себе, как ребенка, пытаясь передать ей свое тепло, свою жизнь... Слезы текли без остановки. – И буду любить тебя всегда...

Глаза Лильки закрывались, руки холодели... И все оборвалось у Александры внутри.

– Прощай, Сань!

Судорога прошла по телу Лильки, и легкий вздох слетел с губ. А глаза уставились в небо.

– Лиля! – осторожно позвала ее Александра, а потом глухо зарыдала, стиснув зубы.

Как сомнамбула, она встала, надела лыжи и сделал шаг вперед, затем – другой. Ноги были тяжелыми, и шла она с трудом, не зная куда. Ей хотелось крикнуть, позвать кого-то, но она понимала – нельзя.

Голова была пустой и тяжелой, перед глазами все время стояла Лилька, ее глаза, улыбка, в ушах звучал ее звонкий заразительный смех...

И тут же это видение сменялось другим, последним: уже затуманившийся взгляд, прерывистое дыхание и печать близкой смерти на лице...

Внезапно Александра остановилась. Перед ней была палатка, в нескольких местах она была разрезана, кусок спального мешка торчал наружу. Похоже, в ней никого не было.

Глава десятая

Час истины и минуты лжи

*Быть героем – значит сражаться против
всесильной судьбы.*

Стефан Цвейг

Осторожно, с опаской, Александра приблизилась к палатке и заглянула внутрь. Здесь все было перевернуто вверх дном, вещи разбросаны, еда распакована и выпотрошена. Поверх распоротых спальных мешков валялись сухие галеты. Ее взгляд наткнулся на Лилькин рюкзак. Он был распорот сверху донизу...

Там была карта, вспомнила Александра. С приблизительно указанным местом, где было спрятано золото бежавших заключенных. У нее карта – более точная. Но «они» могли уже рвануть туда в надежде точнее сориентироваться на месте. И где же Вячеслав?

Она отпрянула назад. Бежать, бежать отсюда подальше – была первая мысль. Но где остальные? Где Кирилл? Татьяна-Светлана, Иннокентий, Петр Васильевич, Игорь, Дмитрий? Где они? Тоже убиты? Или им удалось ускользнуть от убийц?

– Эй, – тихо позвала она. – Кто-нибудь...

Между деревьев вспорхнула птица, и снежная пыль полетела с ветки.

– Эй... – Она прислонилась к дереву и тут же зажала себе рот рукой. Прямо на нее смотрел Кирилл. Слово «смотрел» здесь совсем было неподходящим, потому что у него не было глаз! Вместо них – пустые глазницы!

Она зажала рот себе рукой, подалась назад и чуть не упала. Судорожно схватилась за ветки, они хрустнули, и Александра, балансируя руками, чуть не полетела кубарем вниз. Но в самый последний момент удержалась. Александра стояла и глотала воздух широко открытым ртом. Еще немного, и она задохнется от ужаса, от увиденного, от непоправимого, от того, что хотелось немедленно забыть, вычеркнуть из памяти. Как будто бы этого никогда и не было.

Лилька, а теперь Кирилл! Остальные тоже мертвы? Рассеяны по лесу? И сейчас она будет наткаться на них, на людей, с которыми еще недавно разговаривала, общалась, спорила и возражала. А теперь они убиты?

Она стояла, и не было сил двигаться дальше. Если бы рядом был Вячеслав! Ей было бы легче... Она нагнулась, взяла в руки горсть снега и лизнула его. Он был горьким. Или это ее слезы смешались с ним?

Надо идти вперед, вдруг она кого-то найдет? Может быть, кто-то уцелел и нуждается в ее помощи? Не может же быть так, что все убиты? Кто-то должен остаться в живых. Непременно...

Она прошла вперед несколько метров, внимательно осматриваясь вокруг. Она уже преодолела страх, ей хотелось найти оставшихся в живых и помочь им. Она не верила, что все мертвы. Разум отказывался верить в это. Не может быть, шептала она, не может быть...

Она чутко вслушивалась в тишину, в шорохи снега, скрип лыж, шелест ветвей.

Иногда она поднимала глаза вверх и смотрела на серое небо и почти черные ветки деревьев, расчерчивающие небо. Глаза от напряжения болели, она останавливалась и терла их. Еще она боялась устать, остановиться и упасть от усталости в снег. Упасть и больше не встать...

Когда она в очередной раз подняла глаза к небу, то ей показалось, будто впереди что-то есть. Большая птица? Машет ей крылом. Александра остановилась и всмотрелась. Это была не птица, а человек! Ей махали рукой!

Кто-то был жив! И он подавал ей сигнал!

Она поспешила туда, нырнула вниз по косогору и резко затормозила, чтобы не упасть. И очутилась в овраге.

– Александра! – донеслось до нее.

Она повернула голову вправо. Около большого дерева, внизу, укрывшись от ветра, находились Петр Васильевич и Игорь. Игорь лежал, стиснув зубы. Его лицо приобрело синеватый оттенок.

Александра приблизилась к ним.

– Жива? – выдохнул Петр Васильевич.

В горле стоял комок, и она только кивнула.

Игорь лежал на боку и тяжело дышал. При виде Александры он попытался улыбнуться.

– Нашего полку прибыло.

– Там... – Александра качнула головой позади себя. – Кирилл... У Кирилла выколоты глаза, – прошептала она. – И... Лиля... – тут она заплакала.

– Еще Татьяна и Иннокентий, – нахмурился Петр Васильевич. – У Татьяны вырвали язык. – Он замолчал. – Иннокентий исчез. Видимо, его убили. Я сквозь сон слышал, как он по нужде выходил. Наверное, первым и попал под руку.

Александра сглотнула.

Правую щеку Петра Васильевича рассекала рана, нога была вытянута. Куртка была разодрана, сбоку зияла большая дыра. Одна штанина разорвана пополам.

– Ну, и меня приложили хорошенько. Думали, вырубил окончательно, но поспешили меня на тот свет отправлять. Жив курилка оказался, – усмехнулся он. – Хотя был момент – думал, все, пришла за мной костлявая с косой.

– Как все случилось?

Он замолчал, на щеках заиграли желваки.

– Под утро. Еще было темно, как нас разбудил шум, крик и приказ – выходить из палатки по одному. Действовали, сволочи, слаженно, четко, одуматься нам не дали. Малец Лилькин, ну, муж ее, пытался вступить в переговоры...

– Он был не мужем, – вставила Александра, опуская голову. – Они собирались пожениться.

Петр Васильевич покачал головой.

– Теперь это уже не важно. Так вот, он стал хорохориться, сопротивляться, видно, перед своей девушкой не хотел выглядеть слабаком. Но силенок у него маловато было. Его жестко вырубил, слишком жестко... Когда твоя подруга, – он мотнул при этих словах головой, как будто бы ему жал ворот куртки, – стала за него заступаться, кричать... набросились и на нее. Сопротивлялась она отчаянно, но куда там девушке против лбов чугунных... Вторая, Татьяна, успела ножик как-то выхватить и порезать руку главному... Не сильно, но все-таки. Он разъярился вконец. Самый главный – как немой. Молчал все время, только жестами показывал. А когда они

стали вещи и рюкзаки потрошить, то нашли у нее журналистское удостоверение и кое-какие записи – так ей язык и вырвали. Я все это видел, когда лежал под той сосенкой. Они, видимо, сначала всех оглушить хотели, а потом уже добивать по одному... Тут я увидел, как Игоря вышвырнули из палатки, швырнули с силой, чуть до дерева не долетел – так бы все. С концами. И так человек был травмирован... Я подполз к нему осторожненько, прислушался – живой, я его в яму оттащил и ветками закидал, чтобы не нашли... Пока они в палатке шмонали да с остальными разбирались, у меня самого одышка началась, сердце прихватило, думал – все, приступ хватит. Глупо как-то получается – спастись, чтобы умереть от сердечного приступа. – Он замолчал...

– Что было потом?

– Потом... кто-то помешал им. Какие-то крики раздались, но разобрать я ничего не мог. Слышал как сквозь туман, едва-едва. Я почти сознание потерял, но крики, шум, звуки борьбы слышал. А затем все стихло... Я очнулся, подполз к Игорьку. А он – живой, ну, думаю, живой, чертяка, надо же, двухжильный, почти как я в молодые годы. Пацан второй раз с того света возвращается.

– Какой я пацан... – перебил его Игорь.

– Для меня пацан, у меня сын такой же был. Погиб... – Он замолчал.

– Там, наверху, Дмитрий на дереве?

– Он самый. Сиганул сразу, как только напали, не растерялся. Разрезал палатку с другого конца и выскочил, только пятки засверкали... а потом – вернулся. Нашел нас. Сидит наверху дозором, чтобы увидеть, если что... А где твой-то?

– Он не мой... – быстро ответила Александра.

– Ну-ну... пошли вы с ним вместе...

– Не знаю.

Она не стала говорить, что они провели ночь в избушке, туда приходил шаман... Ясутн? «Где он? – пронзила ее мысль. – Его тоже убили? И где Тыйпа?»

– А почему вы вернулись? – спросил Игорь.

– Не знаю. Решили вернуться. Как будто бы что-то почувствовали...

– А где он сейчас? Вячеслав-то? – допытывался Петр Васильевич.

– Говорю же – не знаю. Когда мы стали приближаться к палатке, он оставил меня у дерева, а сам ушел вперед, на разведку. Я должна была его ждать, но не смогла, пошла вперед и наткнулась на Лильку, потом – на палатку, Кирилла... Что нам делать? – спросила она.

– Садись, – сказал Петр Васильевич. – Нужно костер развести и попытаться согреться, а то мы сейчас замерзнем... Ты сиди тут. С Игорьком. А я пойду хворост наберу...

Он ушел, проваливаясь в снег. Когда спина уральского пенсионера скрылась за деревьями, Игорь посмотрел на Александру.

– Сядь поближе...

Она сняла лыжи и села рядом с ним.

– Слушай внимательно, наклонись ко мне...

Она наклонилась. Брови Игоря были в сосульках, под глазами – черные круги.

– Я – мент. Правда, здесь я как частное лицо. Нахожусь в данный момент в отпуске. Я был здесь не один, на свой страх и риск отправилась журналистка, которая писала на ту тему, она едва не стала жертвой этого маньяка.

– Я знаю, – вставила Александра. – Светлана Коненкова, которую мы здесь знаем под именем Татьяны.

Игорь с удивлением посмотрел на нее.

– Откуда?

– Я нашла клочок газеты с ее статьей в снегу около гостиницы, потом стала искать упоминания о ней в Интернете. Нашла фотографию и поняла, что Татьяна и Светлана Коненкова – одно и то же лицо.

– Ясно, значит, за ней уже следили... – Игорь замолчал. – У нас нет времени, слушай... Светлана запомнила у маньяка одну примету. Татуировку со змеей на теле. На груди... – Он замолчал. – Она переписывалась с одним блогером в Интернете, он как-то был связан со всем этим. Сказал, что, скорее всего, маньяк объявится в этом турпоходе. Светлана сообщила об этом мне. Я с ее братом двоюродным сдружился, хотя и приехал сюда недавно. Из Владика. Владивостока то есть. В нашем отделе ее показания сочли недостаточными для организации операции по поимке маньяка. Но я ей поверил и решил помочь. Взял отпуск и отправился сюда как частное лицо. Как видишь, она оказалась права. Я хотел пойти один, я ее отговаривал, но она, дурочка, упростила. – Он замолчал,

и Александра видела, что он с трудом сдерживается от крика или слез. Александра стиснула руки. Снег леденил спину, сидеть на одном месте было холодно.

– Уходи, уходи отсюда, иди туда, – он махнул рукой вперед. – Иди, как можешь, выйдешь к поселку в той стороне, примерно два дня пути, и позовешь людей на помощь. Запомни телефон. – Он продиктовал ей цифры. – Позвони. Это телефон моего начальника Андрея Викторовича Цаброва. Позвони и все расскажи. Пospеши, Александра! Я ладно... но у меня двое детей. Недавно пацаненок долгожданный народился. Звать, как тебя, Санькой. Жаль детей без отца оставлять. Да и Юльку, жену, жаль. И еще... Когда меня оглушили, еще в первый раз, то пистолет отобрали... Но у меня остался ножик, возьми, он к штанине прикреплен, задери ее и увидишь. Правая штанина.

Негнушмиися пальцами Александра сделала все, что сказал Игорь. И спрятала ножик во внутреннем кармане куртки.

– А теперь – уходи! И скорее!

Два раза Александре повторять было не надо.

Она встала на лыжи и понеслась в ту сторону, куда говорил ей Игорь, но пройдя примерно километр, остановилась. Она должна была ждать Вячеслава на том месте, где они условились. Правда, она усмехнулась, открылись новые факты... Татуировка со змеей на груди. Она вспомнила, как на второй день, когда плавала в бассейне, налетела на Вячеслава, уткнулась ему в грудь под водой и увидела эту шевелящуюся змею. С самого начала вокруг него был некий ореол тайны и загадочности. Он появился позже всех в группе, как будто ему надо было удостовериться, убедиться в том, что все прибыли в гостиницу и уже никуда не уйдут. Он появился в темноте, в тумане рядом с ним был еще огонек. Сообщник? И этот же сообщник или сообщники наблюдали за ними все время, были рядом и выжидали случая, чтобы напасть. И Лиля тоже сказала, что он не тот, за кого себя выдает... Она знала его близко и поэтому имела возможность понять, что он за человек. На пустом месте ее подозрения возникнуть не могли... Вячеслав знает язык манси, у него есть избушка-берлога, где можно перекантоваться, отсидеться, а потом выйти на тропу охоты. И эту избушку использует не он один... Он специально водит дружбу или знакомство с шаманом, чтобы быть в курсе всего, что происходит в лесу... А она, Александра, во что влипла? Ее просто использовали,

чтобы узнать информацию. В конце концов, Вячеслав теперь знает благодаря карте и записям ее родителей, где находится спрятанное золото. И видимо, это и было целью его путешествия сюда в составе группы. Александра оказалась слабым звеном и невольно выдала ему на блюдечке то, за чем он охотился. Пока он был с Александрой, его сообщники делали свое дело – уничтожали группу. И что ей теперь делать? Самое разумное – бежать! Бежать, шептал ей голос благоразумия. Сказал же ей Игорь – беги! И указал направление. Так зачем она поворачивает обратно и идет туда, где она должна была ждать Вячеслава? Зачем? Чтобы посмотреть в глаза тому, с кем провела волшебную ночь? Разве это не верх идиотизма? И что она ему скажет? Хотя ей гораздо важнее, что скажет он! Нет, это, как ни крути, крайне неразумный шаг. Но, похоже, по-другому она и не может поступить... Во всяком случае, благоразумия здесь нет ни капли...

Обратный путь она преодолевает быстро, лыжи как будто бы сами несут ее к тому дереву, где они условились встретиться.

Она резко тормозит перед ним и оглядывается. Никого. Она здесь одна! «А ты уверена, что он придет?» – шепчет ей внутренний голос. Зачем это ему? Он просто выиграл фору во времени, связав ее ожиданием. Он поставил ее сюда стражем, а сам уже мчится на пути к золоту. Он все рассчитал правильно и верно, а она поддалась и угодила в эту нехитро сплетенную ловушку. И что ей теперь делать?

Во рту стало горько, и эту горечь невозможно было выплюнуть... Она была внутри нее. «Ничего, – говорит сама себе Александра, – я подожду!» – «Вот только чего? – возражает ей невидимый собеседник. Чего ты будешь ждать и как долго? До скончания веков?»

Все ее чувства обострились. Где-то хрустнула ветка, и она напряглась. Так и есть: кто-то едет. Он вернулся! Зачем? За ней. Или... Одна ее часть говорила: беги. Шептала это слово с громким свистом, как погоняют лошадей или табун овец, слово усиливалось эхом и отдавалось в ушах. БЕГИ-И-И-И!!! Другая ее часть оставалась пригвожденной к месту, и не было силы, которая могла бы ее сдвинуть с этого места; ноги были чугунными, а сама она вросла в снег и превратилась в ледяную женщину. Когда-то это уже было? Она хочет выдохнуть его имя, имя человека, которого она полюбила, но оно застревает, замирает у нее на губах. Как птица в клетке – не выпорхнуть.

Александра резко оборачивается и видит, как кто-то медленно движется к ней. В первое мгновение она не узнает этого человека, а потом понимает – это Алексей.

– Эй! – Он поднимает палку и машет ей. – Эй!

Она тоже поднимает палку в знак приветствия.

– Эй! – слабо откликается она. Они как лыжники, которые передают друг другу эстафету.

А где... Слава? – хочет выкрикнуть она, но – молчит.

– Привет! – кричит он ей. Преувеличенно громко, или это все ее чувства обострены и каждый звук многократно усиливается?

– Привет!

Он подходит и останавливается на расстоянии нескольких метров.

– Ты здесь одна? А где все остальные?

– А ты?

– Что – я?

– Ты откуда?

– Из гостиницы.

– Как?

– Так, – отвечает он, словно подразнивая ее. А потом пускается в объяснения: – Меня охватило дурное предчувствие. Там. В гостинице. Почти сразу, как вы все ушли. Я успокаивал себя, говорил, что просто сбрендил. Но тревога не проходила. Не знаю – почему, просто места себе не находил. Пытался выйти на связь – безуспешно. И я не выдержал, попросил Николая – это шофер, который вас подвозил, – приехать сюда. Он должен был пробыть несколько дней в гостинице. Он согласился. Вот и вся моя история. Где все? Почему ты не со всеми?

– Так ты ничего не знаешь?

– А что я должен знать?

Александра молчит, слово «убиты», «убийство», «смерть» не сходят с ее языка, она запечатаны в ней намертво.

– Что я должен знать? – повторяет он, смотря на нее. Слабое, бледное солнце пробивается через серый полог неба, и кажется, что это не солнце, а лунный свет заливает место, где они стоят.

– Они убиты, – шепчет Александра.

– Кто? Все?

– Нет. Кирилл, Татьяна, Лиля, Иннокентий – мертвы, – говорит она одними губами. Ей кажется, что слова вылетают из нее, как мертвые белые птицы. Вылетают и тут же падают в снег. С окровавленными крыльями. – На них напали под утро...

– А другие?

– Перт Васильевич, Дмитрий и Игорь – живы. Они там, – машет она лыжной палкой в сторону. – В овраге.

– А ты почему не с ними?

– Я... я... – Слова застревают в горле. Александра даже не может вымолвить имя Вячеслава.

– А где этот... Вячеслав? – словно приходит ей на помощь Алексей.

Не знаю, хочется крикнуть Александре, и не хочу знать, потому что мой любимый мужчина оказался маньяком и убийцей. А я, непонятно почему, стою здесь и жду его.

Вместо того она как-то неуверенно пожимает плечами.

– Не знаешь? Ясенько...

Алексей стоит напротив нее, опираясь на лыжи.

– Твоя нога... – говорит Александра.

– Как видишь – лучше.

– Быстро ты пошел на поправку.

– Потому что очень хотелось. – Он облизывает сухие губы. Зря, машинально думает Александра, губы на морозе облизывать нельзя...

Он стоит напротив нее, и даже на расстоянии она видит его лицо, светлые волосы, выбившиеся из-под шапочки, неумело завязанный, словно впопыхах, шарф. И здесь она слышит слабое треньканье. Мобильный! И словно просыпается после сна.

– Телефон! Дай телефон. Он у тебя работает?

– Работает!

Александра помнит телефон Цаброва наизусть, ей нужно сейчас набрать эти цифры и вызвать подмогу.

– Как хорошо, что ты здесь, – с облегчением выдыхает она. – Дай мне телефон.

– Ты хочешь позвонить?

Она кивает.

– Кому?

– В полицию.

– В полицию? – Алексей, казалось, удивлен. – Зачем?

– Как зачем? – теперь уже удивляется Александра. – Чтобы сюда приехали и поймали убийц. А нас отсюда забрали. Сами мы точно не выберемся из этого места. – Она поднимает голову и смотрит на небо, солнце уже скрылось.

Алексей застывает, словно в раздумье.

– Я сейчас позвоню сам. У меня друг в полиции работает. Нет проблем. Решим все по-быстрому.

«Мне не нужно по-быстрому, – думает Александра, – мне нужен Цабров, как говорил мне Игорь», – но – молчит.

Алексей достает телефон и набирает номер. Это спутниковый телефон, и у Александры от удивления брови взлетают вверх.

Перехватив ее удивленный взгляд, он поясняет.

– Взял в гостинице.

На том конце берут трубку.

– Слушай, друг! – Он говорит громко, слишком громко, или это так кажется Александре. – У нас тут такие дела. Хренота, в общем. На нас напали. Непонятно кто. Но сейчас не в этом суть, как ты любишь говорить. Те, кто живы, находятся в овраге. Я тут с Александрой. Вячеслав – непонятно где. Давай скорее туда, а потом к нам.

Алексей нажимает на отбой и смотрит на Александру.

– Все в порядке. Я переговорил. К нам скоро приедут. Скоро приедут. Друг был в курсе нашего похода, я ему рассказал накануне.

– А кто твой друг?

– Я же говорил: служит в полиции. Так что все в порядке. В полном порядке, – добавляет он.

– А как зовут твоего друга?

Он смотрит на нее, словно вспоминая имя друга.

– Друга? Павел. А что?

– А где он служит конкретно и как он нас найдет? Ты же не дал координаты.

– Найдет, – уверенно говорит Алексей и снова облизывает губы. – Позже еще раз перезвоню для уточнения. Не волнуйся. Все под контролем.

Похоже, что так. Но Александра – человек ответственный. Она дала слово Игорю и должна его выполнить. Ей нужно позвонить

Цаброву. И это поручение она обязана выполнить. Сейчас и немедленно, не откладывая.

Александра смотрит на него.

– Мне нужно тоже позвонить. Дай мобильный.

– Сейчас, что-то крепление ослабло.

Алексей нагибается поправить крепление, и здесь из его кармана выпадает медальон. ЛИЛЬКИН МЕДАЛЬОН! Талисман моряков и путешественников, как называла она его. Ее крик ударил в уши, или это она кричала в воображении, а в действительности – молчала?

– Ты? – Она смотрит на него во все глаза. – ТЫ?! – Шепот становится громче. Она уже кричит.

Он поднимается, его губы раздвигаются в улыбке.

– Да, я. Я один из них, из тех... – говорит он с невольной гордостью. – Мы вершим справедливость. Эти места не должны быть осквернены людьми. Это заповедные, священные места. Жалкие туристы топчут горы, не понимая, что они должны быть наказаны за это... Самой суровой карой. Смертью.

Понимание приходит не сразу. Это сумасшедший! Перед ней стоит сумасшедший! Человек, свихнувшийся на своих идеях.

– Долго же я за тобой гнался. Дочь геологов. Как я понимаю, у тебя в рюкзаке материалы, которые представляют для нас интерес. Я подслушал твой разговор с Вячеславом, когда ты говорила около гостиницы вечером. Хотел в эту же ночь проникнуть в твою комнату, когда ты спала, но не получилось. – В голосе звучит сожаление. – Ты оказалась хитрой и удачливой сукой. Как все женщины, – добавляет он.

– Не получилось, – эхом откликается Александра. – Значит, и кукла со знаками манси – твоих рук дело?

– Ага! – соглашается он. – Моих. И письмо по электронке – тоже. Это было здорово, да? Ты же испугалась?

– Не очень. Я вообще-то не из трусливых, учти.

– Учту. Обязательно. Прямо сейчас. Ты не беспокойся, я все учту. – Он разговаривает с ней ласковым терпеливым тоном, как с ребенком, которому нужно все объяснить и рассказать.

– А зачем ты это делал? Рисовал знаки манси, примкнул к тем, кто убивал... И сам стал убийцей?

– Я хранитель культа древних скал...

– Слушай, ты давно у психиатра проверялся? – перебивает его Александра.

Она не замечает, как он быстро отстегнул крепления и теперь стоит напротив нее. Невысокого роста, гибкий. *Скользкий*, отмечает она про себя.

– А твоя нога? Твоя больная нога?

– Симуляция, – нетерпеливо перебивает он ее. – Я должен был остаться в гостинице. Чтобы потом присоединиться к своим и напасть внезапно. Ну и для чистоты замысла. В группе Дятлова тоже сначала было десять человек, а в поход отправились девять. Я старался, чтобы возмездие было точь-в-точь... Это была моя идея – чтобы все повторяло *ту трагедию*... А эта тварь... журналюшка, думала, что самая умная. Обхитрить меня хотела. Не получилось. Я Всемогущий. – И он поднял вверх палец... – Все-мо-гу-щий, – повторил он по слогам.

– Так это ты Брюс Всемогущий?

Он кивает.

– Я, – говорит он с гордостью. – Прикольно, да? Все они в мои сети попадали. Рано или поздно. И журналистка эта, и другие... жаль только, что ее статейка у меня пропала. Я хотел на ее труп пришпилить. Выпала из кармана, я ее все время с собой таскал, все ждал, когда возможность представится на труп положить. Досадно, – причмокивает он. Его высокий голос просто невыносим.

– Твои сообщники такие же психи?

– Нет, – трясет он головой. – Они меня не всегда понимают. – Голос звучит почти жалобно. – К сожалению... – Он замолкает.

И здесь, ни слова не говоря, бросается на нее. Но Александра наготове. Ярость, всеокрушающая ярость придает ей силы... Сталь ножа мелькает в воздухе. Алексей достал нож! И здесь Александра вспоминает о ноже, который дал ей Игорь. Алексей налетает на нее, но он налетает на нож, который Александра выставила перед собой. Нож входит в него без препятствий, легко. В его глазах – искреннее удивление и растерянность. Он не ожидал такого вероломства с ее стороны... Резким движением она поворачивает нож и всаживает его еще глубже. В блеклых глазах – непонимание и страх... Страх просачивается сквозь поры, кожу, личину, оболочку... Лицо меняется,

распадается, как разбитое зеркало на куски, разные гримасы пробегают по нему...

Он открывает рот, как будто бы ему не хватает воздуха, и падает, обмякнув, на снег. На груди расплывается темное пятно крови...

Александра смотрит на него.

– Лиля, – шепчет она. – Я отомстила за тебя. Но если бы я могла тебя вернуть... Лилька, моя Лилька...

Ветер налетает на нее, она отворачивается и вытирает ладонью слезы... Ей нужно идти! Куда? Мобильный! Она должна позвонить Цаброву. Сказать, что они – здесь. Они – это Петр Васильевич, Игорь, Дмитрий и она, Александра! Она вдруг понимает, что отсекает Вячеслава от себя и тем самым невольно прощается с ним...

...Она не сразу понимает, что звонит мобильный. В кармане куртки Алексея. Она достает его и прижимает к уху.

– Алло! Алло! – голос кажется знакомым, но где она его уже слышала? Никак не может припомнить... – Все в порядке? Я пошел к ним в овраг. Старшой направился за Рысевым. Идет прямо по его следу. Алло! Ало! Чего молчишь? Алло! Как там эта баба? Ты уже покончил с ней?..

Она молча нажимает на отбой. С того момента все ее движения – четки и собранны. Она звонит Цаброву и кратко рассказывает, что с ними произошло. Потом с усилием выдергивает нож из Алексея – брызги крови падают на ее руки, куртку, но она не обращает на них никакого внимания... Ей нужен нож, он еще может пригодиться. Она не узнает сама себя. Но так ли это важно сейчас, когда у нее одна мысль – спасти любимого человека, в котором она, идиотка, засомневалась...

Она расстилает карту и смотрит, куда направился Вячеслав. Он не хотел ее подвергать риску и, ничего не сказав, направился туда один. Она смотрит на карту, и та словно оживает перед ней – она видит лес, тропы, ручьи. Она видит это направление, понимает, куда ей идти...

Это кажется странным. Почти непостижимым, но это так...

Она понимает, что путь ее пролегает рядом с оврагом – может быть, если поспешить, она успеет зайти туда, предупредить людей об убийце, который готовится напасть. Если она успеет.

Нет, не так!

Она *должна* успеть!

Она убирает карту обратно в рюкзак.

Встает на лыжи и взвивается, взлетает на холм, оттуда – вниз... У нее нет лыж, у нее – крылья... Ей немножко страшно, слезы текут то ли от ветра, то ли от страха. Но с этим же ветром до нее долетают слова, сказанные когда-то ее отцом: «Капитаны никогда не плачут!» «Капитаны никогда не плачут», – шепчет она про себя и повторяет эти слова снова и снова. Как заклинание. Она несется так, как никогда в жизни, еще немного, и она будет в овраге, и здесь она видит нечто темное и резко тормозит...

Ясунт! Он лежит на снегу. Он ранен... Он смотрит на Александру без всякого выражения. Черные, непроницаемые глаза...

– Ты... – зовет он ее.

Она склоняется над ним.

– Это я, Александра, я была с Вячеславом в избе. Вы меня помните? – настойчиво повторяет она.

– Ты... – снова говорит он. – Остановишь зло...

Ее обдает холодом, потом жаром. Почему он так говорит?..

Ясунт что-то говорит ей на своем языке, и ей почему-то кажется, что она его понимает.

– Да-да, я спасу всех... Где они? Ну, те, кто в овраге.

– Они уже спасены... Я убил его... Я не успел утром, но я вспугнул их и спас часть людей. Но ты должна спешить...

– К Славе... – говорит Александра одними губами.

Он показывает куда-то позади себя на дерево.

Александра поднимает взгляд и видит шофера Николая, который подвозил их сюда. Николай – он мертв и перекинут через толстую ветку дерева, как тряпичная кукла. Теперь она понимает, почему голос в мобильном показался ей знакомым. Это он – второй член банды.

– Они спасены. Но ты спеши...

– А вы?

– Я умираю. Но я выполнил свой долг и отогнал злой дух от этих мест. Твоя задача – завершить это изгнание...

– Где Тыйпа?

– Не знаю...

И словно услышав свое имя, снежный холм неподалеку зашевелился, фыркнул, отряхивая снег, и Тыйпа, тихо скуля, подползла

к Александре.

– Тыйпа, – прошептала она, глядя ее по голове. – Как ты?

Собака посмотрела ей в глаза и вздохнула.

– Понимаю. Ты ранена? Серьезно?

Собака встала на ноги и села.

– Не очень, – сигналила она. – Больно, но терпимо.

– Иди! – напутствовал ее Ясунт. – А я буду с тобой... рядом...

– Я вызвала полицию, скоро здесь будут люди, вам помогут.

– Нет, мне уже никто не поможет. Иди!

Александра сделала несколько шагов и оглянулась. Тыйпа шла за ней, прихрамывая. Сбоку был выдран клочок и зияла рана.

– Тебе нельзя... Оставайся здесь, я за тобой потом приду, – сказала ей Александра. – Обязательно приду.

Собака села, наострив уши, вслушиваясь в речь Александры.

Она отъехала. Тыйпа сидела и смотрела ей вслед...

Путь был ясен, карта отпечаталась в мозгу Александры... она стояла у нее перед глазами.

Ей нужно было пройти еще несколько километров как можно скорее.

Она шла, летела без усталости, она не чувствовала ни себя, ни своего тела. Перед глазами у нее был путь. И этот путь был прямым как стрела, конец которой указывал на цель... «Черта с два, черта с два я тебя кому-нибудь отдам, – упрямо повторяла про себя Александра. – Даже самой смерти».

Когда она уже подъезжала к поселку, раздался звук выстрела, и у Александры чуть не подкосились ноги.

Она остановилась и тряхнула головой, а потом рванула вперед.

Двое мужчин дрались врукопашную. Их силуэты четко выделялись на фоне уже темнеющего снега.

– Вячеслав! – крикнула она. Но он даже не обернулся.

– Беги! Уходи отсюда! – донеслось до нее.

«Не дождетесь», – подумала она.

Мужчина, дравшийся с Вячеславом, повернулся к ней на минуту, и она увидела лицо... Иннокентия! Но удивляться уже не было сил.

Она сняла лыжи и побежала туда, к ним, на ходу вынимая из кармана куртки нож. И здесь в нескольких метрах от себя она увидела пистолет. Александра бросилась к пистолету, схватила его и навела на Иннокентия. Она никогда еще не стреляла, но страх за Вячеслава придал ей силы...

– Отойди! – прорычала она. – Отойди!

Черные волосы били по плечам. Пистолет прыгал в ее руке, она боялась, что, выстрелив, ранит Вячеслава. И здесь, как бы угадав ее намерение, он отпрыгнул в сторону, и она увидела, что кровь капает у него из ноги. Он ранен!

Пистолет прыгал в ее руке!

Иннокентий рванул к ней, она выстрелила! И – промазала! Звук выстрела отдался в ушах. Второй выстрел! Кажется попала по касательной... Третий... она не успела! Он кинулся на нее, стараясь вырвать пистолет, но тот, описав в воздухе большую дугу, приземлился где-то за ближайшим строением, упав с глухим стуком. Иннокентий повалил ее и начал душить, сжимая руки вокруг горла. Его куртка была расстегнута, и Александра увидела татуировку со змеей. Она с силой ударила его ногой под дых.

– Сука!

Прихрамывая, Вячеслав бежал к ней. Она никак не могла достать свой нож, отбиваясь изо всех сил, в глазах уже темнело, в руках Иннокентия мелькнуло что-то блестяще-серебристое. Нож? Кастет?

И в тот момент, когда она уже понимала, что еще секунда – и смерть опустится на нее и нет никакого спасения, что-то большое, мохнатое с шумом рассекло воздух, сбивая Иннокентия.

Тыйпа!

И в следующий момент собака вцепилась ему в горло...

Они сидели на бревне, прижавшись друг к другу.

– Скоро сюда придут! – сказала Александра. – Я позвонила. Нас найдут.

– Да... Ты как? – Он с тревогой всматривался в ее лицо.

– Нормально!

– Я думал, ты со слезами кинешься мне на грудь. Слезы уносят стресс. А ты сейчас как каменная.

– А надо плакать? – Она покачала головой. – Не дождетесь, – и, тихо рассмеявшись, положила голову ему на плечо.

Позади темнели заброшенные строения, избы с пустыми окнами, трубы, лежавшие на снегу.

Тыйпа сидела рядом.

– Тыйпочка! – Александра наклонилась, и собака лизнула ей руку. – Спасительница моя. Ясунт мертв...

– Я знаю.

– Откуда?

– Когда мы были в избе, он сказал, что его смерть близка и мы, наверное, видимся в последний раз. Шаманы... они чувствуют свой уход из этого мира. Еще он сказал, что ты остановишь зло.

– Так вот что он тогда сказал тебе в избе!

– Да.

– А ты не сказал мне.

– Ты бы не поняла...

– Зато сейчас я понимаю...

Он повернулся к ней.

– Правда понимаешь?

– Да. Правда.

Ели подступали почти к самому поселку.

– Такое впечатление, что здесь никто и никогда не жил.

– Жили, но давно.

– А как ты? Нога болит? – спросила Александра.

– Когда ты рядом – все хорошо. – И после недолгого молчания прибавил: – По-другому и быть не может. – Небо из темно-серого становилось сине-свинцовым. – А то золото я нашел.

– Да? – встрепенулась Александра. – Значит, на карте моих родителей все было отмечено правильно?

– Правильно. Золото там, – и он кивнул на дома позади себя. – Я вовремя услышал шум, когда Иннокентий подъехал сюда.

– Он нашел Лилькину карту и рванул сюда.

– Вот как!

– Карта была и у нее, собственно говоря, это ее родственник, бывший заключенный, отметил это место на карте. Правда, приблизительно. А мои родители это место обозначили точнее.

– Это золото я сдам, но нам будет награда.

– Какая?

И он что-то прошептал ей на ухо.

– Слышишь шум?

Он поднял голову вверх.

– Пока нет.

– А у меня стал чуткий слух, как у охотника в лесу. Это вертолет летит к нам.

Небо стремительно темнело, сзади мрачно чернели заброшенные строения.

– Теперь – слышу.

Собака тихо тьякнула.

– Нам нужно сейчас зажечь факел, чтобы нас увидели. Спички у меня в кармане, – и он похлопал себя по карманам куртки.

Она подняла голову к небу, вертолет уже был виден.

– Если бы мне снова пришлось пройти через все, что я прошел, – я бы повторил. Потому что я встретил тебя... Несмотря ни на что... – Он не закончил фразу, но Александра поняла, что он хотел этим сказать.

И в ответ она сжала его руку.

Эпилог

Гораздо легче найти ошибку, нежели истину. Ошибка лежит на поверхности, и ее замечаешь сразу, а истина скрыта в глубине и не всякий может отыскать ее.

Иоганн Вольфганг Гете

– Приехали! Погода испортилась, и восхождение откладывается.

– Откладывается на один день, – сказала Александра, придвигаясь ближе к камину. Они приехали сюда, чтобы совершить восхождение на Монблан, высочайшую вершину Западной Европы. – «Белая гора» – Мон блан, – протянула она.

В камине был огонь, и теперь ей казалось, что огонь в камине – одно из самых красивых зрелищ в мире.

– У нас есть еще день в запасе. Может быть, теперь ты расскажешь мне обо всем, – попросила она.

– Может быть, сначала – виски, водку, ром?

– Чай с лимоном.

– О'кей.

Раздалось постукивание лап по полу, и из соседней комнаты вышла Тыйпа.

– Помнишь, как мы искали коттедж, где можно жить с собаками?

– Помню. Но мы же не могли поехать без нее?

– Не могли, – признал Вячеслав. Он разговаривал с ней, находясь в кухне.

«Я здесь третья, но не лишняя», – сигналила Тыйпа, виляя хвостом.

– Не лишняя, – согласилась Александра. – Совсем не лишняя. Можно даже сказать – главная. – И она потрепала ее по холке.

Через несколько минут Вячеслав вырос перед ней.

– Ваш чай, леди...

Он опустился рядом с ней, они сидели на ковре перед камином и смотрели на огонь.

– Здесь так хорошо, – прошептала Александра.

– Ты хочешь знать правду?

Она кивнула.

– Тогда придется начать издаleка...

– Ничего, у нас времени много...

– А это самое обманчивое заблуждение – считать, что времени много. Времени всегда как раз. По определенной мерке – для определенного дела. Если оно не будет сделано – то время уходит. Есть же фраза: время прошло...

– Да ты философ! – рассмеялась Александра.

– У меня был такой период времени, когда я много читал. В то время я сидел без работы. Чтобы не сойти с ума от тоски, я читал все подряд: книги по философии, социологии, психологии... Это дало мне возможность понять людей, мир, который их окружает. И в тот момент я встретил Лилю... – Он нахмурился, а Александра стиснула руки. Она вспомнила свою подругу... – Я любил ее или думал, что любил. С годами начинаешь отделять одно от другого. Но для этого тоже нужно время...

Лиля меня не поняла. Ей было нужно устойчивое положение, статус, шик, блеск, красивая жизнь. Что нужно просто подождать, ей не приходило в голову. Ей хотелось всего и сразу. Таким образом, наши отношения были обречены. Постепенно мне стали подкидывать то одну, то другую работенку, и я потихоньку пошел наверх. С Лилей к тому времени мы уже расстались.

Александра взяла его руку и приложила к щеке.

– Да... вернемся к группе Дятлова. Трагедия, которая произошла на Урале, до сих пор будоражит умы. Над разгадкой этой трагедии бились даже в Америке. Был выпущен в прокат фильм о гибели группы. Как ты думаешь, почему не оставляют в покое случившееся?

– Не знаю...

– А мне кажется, что современного человека ужасно раздражает тот факт, что в эпоху Интернета и разных гаджетов остается что-то непознанное и неразгаданное.

Но дело *действительно* сложное. Это дело – как матрешка: одна версия вкладывается в другую и так далее... Каждая версия имеет своих фанатов и яростных оппонентов. Напомнить эти версии?

Не дожидаясь ответа Александры, Вячеслав стал загибать пальцы:

– Их погубила лавина, виноваты манси, ребята стали жертвами испытания нового оружия, в то место были случайно выпущены ракеты, причиной смерти стал инфразвук, сероводородные газы, выходящие на поверхность из недр горы, где была поставлена палатка, туристы стали жертвами диверсионной группы НАТО, их убили беглые зэки, на которых те наткнулись, члены группы Дятлова столкнулись с золотоискателями, и те ликвидировали их, во всем виноват НЛЮ.

Версий по группе Дятлова очень много. Для меня ясно, что это преступление – дело рук, рук человеческих, а не мифических НЛЮ или ракет.

Ребята поплатились за то, что оказались свидетелями незаконной добычи золота, и свидетелями настолько опасными, что их предпочли убрать.

Дятловцев убили, они сражались со зверями в человеческом обличье до последнего. Они были настоящими героями, и вечная им память!

– Но ты так и не сказал: почему ты оказался здесь?

– Меня попросили разобраться в этом. Я был в Лондоне, когда раздался звонок, и я узнал обо всем этом. До тех, кто является ключевыми фигурами власти в крае, доходит сигнал, что появился опасный маньяк, который орудует в местах, где когда-то произошла трагедия с группой Дятлова. Что стоит за всем этим? Может быть, заказчик – конкурент действующей власти и хочет таким образом заложить под нее бомбу? Раскопать это дело поручили мне.

– Почему? – вырвалось у Александры.

Он бросил на нее быстрый взгляд.

– Скажем так, меня об этом попросили. Это была наемная работа: не лучше и не хуже других.

– Лиля была права? Ты – человек темный? – слова слетели сами с ее уст.

– А что она еще сказала? – По голосу было видно, что он сердится.

– Ничего. Сказала, что иногда от тебя нужно держаться подальше.

– Благоразумный совет! – ядовито сказал он. – Учитывая... – Но фразу Вячеслав не закончил. – Со спецслужбами был связан мой отец, он был в курсе трагедии, случившейся с группой Дятлова.

Естественно, он ничего не сказал ни мне, ни матери. Он уже умер, – сказал он, предвосхитив ее вопрос. – И до самой смерти хранил молчание. Я не пошел по его стопам, но был в запасе. Можно обозначить мой статус и таким словом. Трагедия Дятлова всегда была в памяти моего отца. Пару раз он рассказывал об этом – в общих чертах. Первый раз, когда я был ребенком, и я представил себе фигуры девятерых людей, уходящих в ночь, к своей смерти по белому снегу. Этот образ иногда преследовал меня, как будто бы я сам был причастен к этой тайне.

– А чем ты занимался на Западе? Почему не остался в России?

– А... это... – Он усмехнулся. – Хотелось наладить свой бизнес в Европе, организовать собственное дело. Получалось не очень, но все же со временем я оброс связями, контактами – и комбинация стала складываться. Впрочем, это к нашему разговору не относится.

– Относится, – возразила Александра. – Я хочу знать о тебе все.

– Весьма опасное занятие.

– Почему?

– Да потому что у среднестатистического мужчины всегда найдется в заглавнике пара-тройка историй, которые наверняка придется не по вкусу его избраннице.

Александра улыбнулась.

– Учту. Например, твоя странная татуировка со змеей на груди.

– Легкие грехи молодости.

– Молчу, молчу!

– Боже мой! – шутливо воздел руки Вячеслав. – Чудо, а не женщина: не задает лишних вопросов и не пытается ступить на запретную территорию.

– Просто я слишком долгое время была в одиночестве и научилась не задавать лишних вопросов и не ждать на них ответы.

– Понятно. – Он крепко прижал ее к себе. А потом поцеловал в макушку и погладил по голове.

И Александра почувствовала себя на седьмом небе от счастья.

– Итак, – Вячеслав поднялся с пола, отошел от камина, засунув руки в карманы спортивных брюк, стал смотреть в окно. – Меня попросили разобраться в том деле, и я согласился. Как я уже сказал: я чувствовал некую свою причастность к этому делу, да и память отца взывала ко мне. Так я оказался на Урале. И чтобы не спугнуть никого

раньше времени, я приехал сюда позже всех. Ты помнишь мое появление в гостинице... – усмехнулся он.

– Да. – Александра закрыла глаза и вспомнила его, свое удивление и радость, когда она узнала в нем мужчину, ранее увиденного в баре аэропорта.

– А почему... – Она запнулась, а потом продолжила: – Почему именно в этот момент ты приехал и откуда мог знать о появлении в гостинице маньяка?

– До моего появления люди уже проанализировали имеющуюся информацию и вышли на некоего блогера, *Брюса Всемогущего*. Он намекнул, что в гостинице «Уральские дали» могут происходить интересные события.

Эта часть истории неразрывно связана с золотом зэков, которые доверили спрятать Лилиному родственнику. Об этом тебе известно. Но о спрятанном золоте знал не только Лилин родственник, знали и те, кто поручил ему его сохранить. Легенда об этом золоте хранилась в их семьях. Иннокентий – внук одного из тех заключенных. Николай, участник банды, которого серьезно ранил Ясунт, выжил. И он рассказал об этом факте, Иннокентий поделился с ним. И зовут его не Иннокентий, а Павел Стрекалов. Он сидел в тюрьме, потом вышел и затаился. Сменил имя и фамилию. Он поставил себе целью найти то золото, о котором рассказывал отец. Вполне вероятно, что его отец или его дружки и погубили твоих родителей... – Он замолчал. – Павел следил за всеми, кто приближался к тому району, где могло находиться золото. Себе в сообщники он взял Николая, которому посулил деньги в случае обнаружения тайника. Николай устроился работать шофером в туристическую фирму и был в курсе маршрутов и туристов, которые появлялись в этом районе.

Где Иннокентий, то бишь Павел, познакомился с Алексеем, Николай не знает. Но тот ему стал полезен, Алексей завел блог и вел его под именем *Брюса Всемогущего* и следил за теми, кто проявлял интерес к золотодобыче, тайникам и вообще к этим местам. В его сети попала и Светлана Коненкова, которая интересовалась этой темой и объявившимся маньяком. Она думала, что общается с энтузиастом-любителем, интересующимся необычными происшествиями, но даже не догадывалась, что ее виртуальный собеседник – маньяк, который приманивает людей, так или иначе посвященных в «тему».

На Светлану было организовано нападение, когда она оказалась близко к тем местам. Но ей удалось чудом спастись, мимо шли охотники. Тогда же Светлана и запомнила татуировку на груди маньяка. Ему удалось ее оттащить в овраг, и она, уже теряя сознание, видела только грудь со змеей. Это было весной... Двоюродный брат Светланы был знаком со следователем Константином Воробьевым, как на самом деле звали Игоря. Она поделилась с ним информацией. *Всемогущий* сказал Светлане, что к нему поступила информация о том, что маньяк будет стараться проникнуть в группу, которая выходит в поход из гостиницы «Уральские дали». Светлана поделилась этой информацией с Константином Воробьевым, и тот решил внедриться в группу, чтобы повязать опасного убийцу. Она напросилась с ним. И этот поход стал для нее роковым. Игорь, то есть Константин, как ни странно, особых подозрений не вызвал, во-первых, потому что они всем рассказывали, что познакомились недавно, а во-вторых, Костя так уверенно играл роль недалекого мужика-экспедитора, что, видимо, притупить бдительность членов банды им удалось. На Урале его толком еще никто не знал, он недавно приехал из Владивостока.

Вячеслав посмотрел на нее и усмехнулся.

– Любопытно, как в эту группу попал наш уральский пенсионер, Петр Васильевич. Он когда-то знал отца Павла Стрекалова... Знал, что его сын тоже сидел. И поэтому, когда увидел, что тот заходит в турбюро, ему показалось это странным. Когда Павел вышел, Петр Васильевич тоже зашел в турбюро и узнал, что Павел идет в поход. Это вызвало у него подозрения: что-то здесь не так, он решил присоединиться к нему и понаблюдать. Дел у него особых не было. И поэтому захотел разнообразить свою жизнь. Как видишь – удалось. Правда, это уже из области черного юмора. На его счастье, Павел его не узнал... так как близко знакомы они не были, да и много времени утекло с той поры.

Лиля... – Вячеслав замолчал. – Она решила во чтобы то ни стало найти золото эков и тем самым поправить свое финансовое положение. Только ты, получается, попала в эту компанию в какой-то степени случайно.

– Случайностей в жизни не бывает, – тихо откликнулась Александра.

– Хотя я отъявленный материалист, но в данном случае, пожалуй, с тобой соглашусь... Но ты на самом деле была главная в этой истории. Ведь карта с самым точным обозначением места, где заключенные спрятали золото, была у тебя! Павел знал приблизительно место, где находится спрятанное золото. Но где оно хранится? В старом разрушенном лабазе, следов которого уже не найти, в одном из заброшенных поселков, старой шахте, в тайнике, без примет и обозначений? Или это золото просто закопали в земле и поместили место особым знаком, не бросающимся в глаза? Он почти сходил с ума, понимая, что золото где-то здесь! Но где? И те, кто как-то проявлял интерес к этой теме, к добыче золота или попадал в эти места, были зверски убиты, но прежде были подвергнуты пыткам с целью выяснить, известно ли им что-то о том эковском тайнике?

Павел решил убить всех, чтобы добраться до содержимого их рюкзаков! Он уже был одержим идеей найти старый тайник! Ясунт спугнул банду. Они убежали, потому что подумали, что он – не один и сейчас явятся люди...

– Ты был знаком с Ясунтом?

– Да, с ним был знаком еще мой отец. Я приезжал иногда в места, где вырос. Общался с ним. В детстве я немного выучил мансийский язык... Кстати, именно Ясунт и проводил меня до гостиницы, следил за нами по моей просьбе, шел рядом с нами...

Так вот кто наблюдал за окнами гостиницы в бинокль!

– Между прочим, наш студент Дмитрий собирается писать книгу о событиях, которые произошли с нами. Уже всю выкладывает материалы в свой блог.

Александра смотрела на огонь, а потом перевела взгляд на Вячеслава.

– Завтра на Монблан?

– Если позволит погода, – улыбнулся он.

– Она позволит. А Тыйпа? – Александра обхватила собаку за шею и прижалась к ней.

– Тыйпа не возражает.

Собака повернула к нему морду и хитро скосила глаза. «Не надо за меня решать, я существо самостоятельное и сама могу определить: возражаю я или нет... А то как спасать – так Тыйпа давай, а как лезть в гору и любоваться снежными видами – так Тыйпа сиди дома».

– Тыйпочка! – зарылась лицом в ее шерсть Александра.

«Ну ладно, – застучал по полу хвост, – что с вами поделаешь, люди вы легкомысленные, безалаберные, надо же кому-то за коттеджем присмотреть, пока вы там по горе разгуливать станете. Идите, отпускаю вас, чего уж там! Главное, что мы все вместе...»

– Я так рада, что мы здесь все вместе... – вполголоса сказала Александра.

– Я не люблю заглядывать далеко в будущее, но что-то подсказывает мне, что это положение дел станет постоянной величиной...